Вятский государственный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 10

Киров
2016

ББК 74.58я5
В 38

Главный редактор
В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ
Заместители главного редактора:
В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ВятГУ;
С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;
Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ
Ответственный секретарь
О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:
В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);
И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);
Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);
H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:
Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);
П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент, ВятГУ (г. Киров);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);
Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);
Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован
в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**
Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)
Редактор выпускающий **М. А. Корчемкина** (кандидат философских наук)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Останина О. А. Справедливость: философские аспекты исследования 5
Голышева О. Н. Научный характер геополитики 12
Хапчаев И. А. Закономерности развития духовной жизни общества как проблема научного познания 16
Терехина М. И. Проблема суждений в философии языка 22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гарин Е. Н., Леопа А. В. Выбор Александра Невского как основа приоритетов политики Российского государства 28
Соловьева И. А. Деятельность Вятской биржи труда (1918–1930 гг.) 31
Шарин Е. А. Роль армии в Февральской революции 1917 г. в столице и провинции (на примере Вятской губернии) 38
Трошкина Н. Г. Влияние секуляризационной реформы 1764 г. на положение Новоиерусалимского монастыря 42
Трушкова И. Ю. Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг. 51
Калинин А. А. Советская политика в Греции в оценках американских дипломатов и разведчиков (1947–1949 гг.) 58
Омарова У. А. К ранней истории чамского этноса в Камбодже 73

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коростенски Й. Динамика лексики в русском и чешском языках (русско-чешское сопоставление) 79
Поздеев В. А. Городские и солдатские реалии в сборнике Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» 84
Золотова Т. А. Пути сохранения названий и предметных символов в обрядовых практиках (на материале обрядовой поэзии Волго-Вятского региона) 87
Крашенинникова Ю. А. Реалии свадебного обряда и их номинации в жанре свадебных приговоров (материалы к Словарю «Духовная культура русских Вятки». Свадебный обряд) 94
Чебышев Ф. А. Будущее время глагола и его связь с семантикой ожидания 102
Хохлова Е. В. Мир политики и способы его отображения в книге Джулиана Барнса «Письма из Лондона» 108
Ульянова М. А. Деструктивные макрофигуры как синтаксические средства выражения эмотивности в футбольном блоге и комментарии 113

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 119
INFORMATION ABOUT AUTHORS 121

CONTENTS

Ostanina O. A. Justice: philosophical aspects of investigation
Golysheva O. N. Scientific character of geopolitics
Khapchaev I. A. Laws of development of a spiritual society as a problem of scientific cognition
Terekhina M. I. The problem of judgment in the philosophy of language
Garin E. N., Leopa A. V. Alexander Nevskys choice as the basis of Russian state policy priorities
Solovieva I. A. The Activity of Vyatka Labor Exchange (1918–1930)
Sharin Y. A. The role of the army in the February Revolution in 1917 in the capital and in the provinces (Vyatka province)
Troshkina N. G. Influence secularizing reforms in 1764 to the position of the New Jerusalem Monastery
Trushkova I. Yu. Policy of optation in the relations between Russia and Baltic countries in the 1920s
Kalinin A. A. Soviet policy in Greece in assessments of American diplomats and intelligence officers (1947–1949)
Omarova U. A. By the early history of the Cham ethnic group in Cambodia
Korostensky J. Lexis dynamics in russian and chinese language (russian-czech comparison)
Pozdeev V. A. Urban realities in the collection d.k.zelenina "great-tales Vyatka province"
Zolotova T. A. Ways of maintaining names and symbolic things in ritual practices (on the material of ritual lyrics of the Volga-Vyatka Region)
Krasheninnikova Y. A. Realities of a wedding ceremony and their nominations in the genre of wedding speeches (materials to the «Dictionary of Spiritual Culture of Russians of Vyatka». Wedding ceremony)
Chebyshev P. A. Future tense of a verb and its connection with semantics of expectation
Khokhlova E. V. The world of politics and the way it reflected in “Letters from London” by Julian Barnes
Ulyanova M. A. Destructive macrofigures as syntactical means of emotiveness expression in football sport and comment

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(06)/304.2

О. А. Останина

Справедливость: философские аспекты исследования

В статье рассматриваются некоторые варианты исследования феномена справедливости в современной философии. Подход А. Бадью анализирует справедливость в контексте кризиса философии. Ж. Рансьер ставит проблему справедливости в связи с изучением вопроса о сущности и возможности политики. Л. Болтански и Л. Тевено дают описание моделей согласия и справедливости. Данные подходы могут быть взаимодополнены для более глубокого понимания различных аспектов справедливости.

The article considers some variants of investigation of the phenomenon of justice in the contemporary philosophy. The approach of A. Badiou analyses justice in the context of the crisis of philosophy. J. Ranciere raises a problem of justice in connection with the research of the essence of politics and its possibility. L. Boltanski and L. Teveno give the description of the models of consent and justice. These approaches may be mutually supplemented for more profound understanding of various aspects of justice.

Ключевые слова: справедливость, модели справедливости, А. Бадью, Ж. Рансьер, Л. Болтански и Л. Тевено.

Keywords: justice, models of justice, A. Badiou, J. Ranciere, L. Boltanski and L. Teveno.

Справедливость относится к категориям, которые, с одной стороны, широко используются в различных контекстах, с другой стороны, все еще недостаточно исследованы. Справедливость чаще рассматривается как этическая категория, категория философии права, наряду с категориями равенства и свободы. Классическое учение о справедливости связано, как известно, с именами Платона и Аристотеля; Аристотель говорит об общей справедливости как совершенной добродетели и частной справедливости, выступающей в двух формах, – распределительной и компенсаторной.

Но справедливость может быть исследована в более широком философском контексте. Так, Платон в диалоге «Государство», развивая тему справедливости, рассматривает основные проблемы философии – бытие, познание, человек, общество – в их взаимосвязи, в системе. Справедливость может быть определена как принцип жизни, как характеристика и содержание поступков, как оценка деятельности государства и особенностей общества.

Каковы варианты исследования справедливости в современной философии? Рассмотрим три из них, представленных А. Бадью, Ж. Рансьером, Л. Болтански и Л. Тевено.

А. Бадью подходит к вопросу о справедливости в контексте анализа кризиса философии, ее судьбы и понимает справедливость как политическую истину.

Кризис философии, конечно, является частью того кризиса, который переживает общество. И возникает вопрос о возможности выхода из кризиса и общества, и философии, о возможности, говоря словами А. Бадью, чтобы философия сделала «еще один шаг» [1]. Как и в каком направлении этот шаг может быть сделан? Ответ на этот вопрос зависит от понимания истинной природы философии.

Во-первых, по утверждению А. Бадью, философия зависит от определенных нефилософских областей, «условий философии» [2], к которым относятся наука, политика, искусство, любовь. Значит, изменение данных условий сопровождается приспособлением философии к ним. «У нас два варианта. Первый: начнется новый день творческих экспериментов в области науки, политики, искусства и любви, и у нас будет новый вечер для философии. Второй вариант: наша цивилизация себя исчерпала, и мы можем представить лишь мрачное будущее, будущее вечных сумерек. …Будущее философии будет заключаться в ее медленной смерти, медленном умирании в ночи», преодолением философии новыми формами интеллектуальности [3].

© Останина О. А., 2016

Таким образом, судьба философии сейчас, в XXI в., определяется кризисом современного типа цивилизационного развития, и выход из данного кризиса, переход к новому типу цивилизационного развития приведет к «воскрешению» философии. Здесь хотелось бы заметить, что связь между обществом и философией вряд ли может быть рассмотрена по принципу первичности-вторичности. Данная связь, очевидно, более глубокая, она проявляется в своего роде единстве форм деятельности, форм культуры в определенный исторический период, что Г. Зиммель определял как «законы жизни», О. Шпенглер как «формы жизни», а П. Рикер – как «законы интригообразования». Это один момент.

Другой момент заключается в том, что именно философия и призвана выявить и описать смыслы происходящего, тем самым определить возможные направления и тенденции будущего развития, то есть выхода из кризиса. Для этого философия фиксирует внимание на новых элементах общественной жизни, новых формах разнообразных практик, которые подвергаются ее осмыслению. При этом осмысление оказывается как бы повторением того же самого, что мы обычно называем обращением к «вечным проблемам философии», и воспроизведением собственно философского способа познания. И первый вывод, к которому приходишь, читая А. Бадью, что проблема справедливости, исследование этой проблемы в новых условиях и есть преодоление смерти, умирания философии.

Во-вторых, важно определиться в понимании природы, специфики философии. Известны, и А. Бадью тоже об этом говорит, два основных подхода к трактовке истинной природы философии.

Первый подход понимает под философией рефлексивное познание, «познание истин в теоретической области, познание ценностей в области практической»; второй подход видит в философии прямое преобразование субъекта, «вид радикального обращения, полное перевертывание существования» [4]. Философия – это либо «форма дискурса Университета, дело профессоров и учеников в рационально организованных институтах», либо «форма дискурса Господина, дело личного участия», действие [5].

На самом деле, в философии соединяются рефлексивное познание и действие (вспомним суждение Т. Адорно о том, что критика теории всегда есть критика определенного социального порядка, общества). Данное единство выражено А. Бадью в понятии «философский акт». Философский акт характеризуется двумя чертами: он всегда выступает в форме определенного «решения, отделения, четкого различия» (между знанием и мнением, истиной и ложью, мудростью и безумием и т. д.); у него всегда есть нормативная сторона, то есть иерархия. «Философия – это акт реорганизации всех видов теоретического и практического опыта за счет предложения нового большого нормативного разделения, которое подрывает установленный интеллектуальный порядок и обещает новые ценности, превосходящие общепринятые» [6]. Таким образом, «повторение того же» в философии относится к порядку действия, а не к содержанию познания.

Отсюда, в-третьих, нужно прояснить, каким оказывается новое содержание философского знания, в каком направлении философия может и будет «делать шаг», с какими условиями, изменениями исторического контекста связан философский акт, как в свое время с определенными обстоятельствами состояния и развития науки, политики, искусства или любви были связаны учения Платона, Гегеля, Ницше или Дерриды.

С точки зрения А. Бадью, сейчас первостепенной значимостью обладает философская мысль, «составляющая единый узел с политическим условием» [7]. И он прав, причем не только потому, что политика сама находится «в положении ночи мышления» [8]. Политика предполагает проявление и, соответственно, обнаружение новых форм активности, действия, дискурса, по которым можно судить о тенденциях изменения и в других сферах общественной жизни. Действительно, не будет преувеличением сказать, что вновь на первый план выходит проблематика политической философии.

Итак, в сфере политики появляются ростки нового – в виде новых форм политического участия, политической борьбы, требований, новых социально-политических групп, не связанных, во всяком случае, прямо с официальным государством. А. Бадью говорит, прежде всего, о Франции, где к новым формам политической активности он относит движение студенческой и лицейской молодежи, молодежи из народа, забастовки наемных работников, движение «новых пришлых пролетариев, африканцев, азиатов». Он делает заслуживающий внимания вывод, что «слабейшая связь между этими группами, которая только способна как-то соединить их, откроет новую эпоху политического изобретения» [9]. Можно сказать и о развитии разнообразных форм непосредственной демократии, о движении антиглобалистов, о роли социальных сетей и т. д.

Рефлексия философии над новыми формами политики – это одна грань их связи. Связь между философией и политикой осуществляется на глубинном уровне, о чем говорят А. Бадью и, как увидим ниже, Ж. Рансьер.

Так, А. Бадью анализирует «противоречие между истинной природой философии, которая, совершенно очевидно, является демократической концепцией аргументированного интеллектуального обсуждения и свободомыслия, и собственно политическими концепциями философии, которые часто соглашаются с наличием авторитарной рамки коллективной судьбы человечества» [10]. Речь идет о противоречии между демократическим понятием свободы и философским концептом истины. (Заметим, что в философских направлениях, так или иначе отказывающихся от концепта «истина», такого противоречия, такой проблемы не возникает.)

Значение демократии для философии объясняется не только спецификой исторических и политических условий, в которых возникает и может существовать философия. Философия сама демократична, «по своему духу». «…Это дискурс, не зависящий от места того, кто говорит… Философия принимает то, что поиск истины открыт всем. Это дискурс, который получает легитимность только от себя самого» [11].

Однако мнения людей не равноценны, не равны; философия проводит различие между верными и ошибочными мнениями, между истиной и ложью. «Философия противопоставляет единство и универсальность истины множественности и относительности мнений» [12]. Эта черта философии предполагает ограничение свободы, так же как и требование следовать правилу обсуждения, логике.

Поэтому при исследовании философией политики ей нужно учитывать, с одной стороны, принцип свободы и равенства умов, и, с другой стороны, принцип подчинения плюрализма мнений универсальности истины. Диалектическим единством этих принципов и выступает справедливость как политика, «значимая в поле философии». «Справедливость означает, что всякую ситуацию следует рассматривать с точки зрения эгалитарной нормы, провозглашаемой в качестве универсальной» [13].

Исследование справедливости пытается разрешить давно известную дилемму между свободой и равенством, либерализмом и эгалитаризмом. Справедливость, очевидно, и есть баланс между свободой и равенством, принимающий конкретные формы и имеющий определенное содержание. Причем достижение такого баланса в реальной политике не только не просто, но нередко трагично. Так, провозглашение лозунга свободы и борьба за нее, например, в ходе революций исходят из предположения о добродетельности людей; но при достижении освобождения обнаруживается, что люди вовсе не стремятся быть добродетельными, их частные интересы сталкиваются, принципы политической истины искажаются. Исправление ситуации, обеспечение реализации политической истины требует жестких мер. Об этом свидетельствует не только опыт революций, но и современная политика, в которой распространено оправдание любых действий с позиции добра, блага, справедливости.

Есть ли возможность разрешения указанного противоречия, прояснения сложного отношения между демократией, политикой, философией? Гипотеза А. Бадью предлагает пересмотреть понимание демократии западными политиками. Он говорит: «С точки зрения философии демократия не является ни нормой, ни законом, ни целью. Демократия – лишь одно из возможных средств народного освобождения. Точно так же, как математические ограничения – в равной мере условие философии» [14]. Поэтому демократия является условием философии, но перейти от философии к демократии явным образом не получается. А каким образом может получиться? При условии утраты философией эзотеричности, аристократичности, что предполагает потребность в философствовании у народа, в различных социальных группах. Как возникает данная потребность? Как раз из пробуждения политической активности, новых форм политики, предполагающих широкое участие разных групп населения. Иначе говоря, по А. Бадью, ростки новой политики не только активизируют рефлексию философов-профессионалов, но и вызовут к жизни философские дискуссии за пределами данного профессионального круга, способствуя появлению новых идей и способов их практической реализации. Это и будет шаг, который сделает философия.

Политика создает условия для философии, поэтому нужна демократия. А далее философия «вступает в свои права», приближая справедливость. Справедливость оказывается целью, которая может быть достигнута благодаря философии. Философское действие способно изменить политику; и интерес к философии – это своеобразный симптом стремления людей к справедливости, так как их волнует вопрос о том, как правильно/справедливо жить, поступать, действовать, управлять, учить и т. д. Эту роль философия может выполнить, если она не отказывается от поиска истины и не растворяется в культурном релятивизме, нередко отождествляемом с демократией.

Тем не менее хотелось бы как-то конкретизировать, в чем именно может или будет выражаться справедливость. В данной связи рассмотрим еще некоторые аспекты философского осмысления справедливости.

Ж. Рансьер исследует справедливость как категорию политической философии, но в ходе рассуждения и обоснования своей позиции выходит за ее рамки.

И если А. Бадью решает проблему, можно сказать, с выраженной практической ориентацией, то Ж. Рансьеру присущ сугубо теоретический подход. Ж. Рансьер, так же как и А. Бадью, подчеркивает значение политической философии, говоря, что «рефлексия о сообществе и его цели, о законе и его основании лежит в основе нашей философской традиции и никогда не переставала ее вдохновлять» [15]. Ж. Рансьера интересует вопрос о природе политики, и справедливость он рассматривает, в первую очередь, как политическую справедливость, а не только как добродетель. Анализируя аристотелевское учение о политике, он обращает внимание на лингвистический момент: показателем, который удостоверяет политическое предназначение человека, является логос, речь, способная выявлять. «Выявляет же речь и делает очевидным для сообщества внимающих ей субъектов не что иное, как полезное и вредное – и, следовательно, справедливое и несправедливое» [16].

Таким образом, здесь мы можем сказать о субъективном аспекте справедливости, в частности, связанном с языком. Лингвистический анализ позволяет выяснить особенности содержания понятия справедливости, отношения следования между «полезным» и «вредным» и политическим строем справедливости. С точки зрения утилитаризма переход от полезного и вредного к общественной справедливости аналогичен выведению общей пользы на основе оптимизации соответствующих полезностей и сведения к минимуму вредностей. Такой переход совершается через обсуждение (это не логос), в результате которого частные особенности индивидов оказываются включенными в универсальность государства.

Собственно философский подход состоит в том, чтобы увидеть, что «переход от полезного к справедливому совершается только при посредничестве этих противоположностей; в смутном соотношении “вредного” и несправедливого и кроется средоточие политической проблемы…» [17]. Для Ж. Рансьера политика – это не сфера обнаружения, артикуляции и реализации социальных интересов; исток политики глубже – в несогласии, непонимании друг друга, в возникновении проблемы разделения общества. В связи с этим Ж. Рансьер различает понятия «сообщество» (общность) и «общество», где выражены социальные интересы и связи.

Выяснение того, что из «полезного» не следует «справедливое», позволяет Ж. Рансьеру сделать определенные выводы. Справедливость предполагает государство без неправоты; согласно Платону, в нем есть соответствие обязанностей между стражами, воинами и тружениками, отражающее естественный порядок вещей (преобладание в каждом слое разных свойств души). Справедливость, лежащая в основе государства, «начинается только там, где люди прекращают распределять выгоды, уравновешивать прибыли и убытки» [18]. Справедливость – это принцип сообщества, и ее нет там, где озабочены «только тем, как помешать живущим совместно индивидам чинить взаимную неправоту и… восстанавливать баланс прибыли и ущерба. Она начинается лишь там, где под вопросом, чем именно граждане владеют *сообща*, где озабочены тем, как распределять формы отправления этих общих полномочий и контролировать их отправление» [19].

Отсюда следует, если рассматривать справедливость как добродетель, то она оказывается не простым равновесием индивидуальных интересов или распределением причиняемого индивидами друг другу ущерба. Справедливость здесь является мерой, согласно которой «каждая сторона получает лишь причитающуюся ей долю»; добродетель справедливости состоит в том, «чтобы брать подобающую долю, усредненную долю» благоприятного и неблагоприятного [20].

Если рассматривать политическую справедливость, то она выступает как порядок, определяющий разделение общего (а не соразмерное отношение между индивидами и благами), распределение долей общего, гармонизацию общественного положения.

Справедливость, таким образом, можно рассматривать, во-первых, как некий результат договора обмена услугами, благами, ведущему к равенству своего рода (что отражено в теории общественного договора). Во-вторых, справедливость можно рассматривать как род отношения к общему благу (что отражено в философии Платона, Аристотеля). Но данный род отношения тоже требует обоснования, поскольку невозможно игнорировать индивидуальные интересы, так же как считать стремление к общему благу свойством человеческой природы. Такое обоснование помимо лингвистического анализа апеллирует к математике, что является еще одним аспектом исследования справедливости. Как отмечает Ж. Рансьер, философский проект Платона, его модель идеального государства базируются на замене арифметического порядка, арифметического (торгашеского) равенства на божественный порядок геометрической пропорции, на геометрическое равенство по отношению к общему благу [21]. Позиция Платона и Аристотеля состоит в том, что в политике суть не в связях между индивидами, не в отношениях индивидов и сообщества, а в определении и учете частей сообщества (двойной бухгалтерии, по словам Ж. Рансьера [22]).

Как и когда появляется проблема учета частей сообщества? С появлением свободы демоса. В условиях олигархии правит арифметическое равенство, господствует богатый, которому подчинены все остальные. Но свобода демоса не может быть определена, считает Ж. Рансьер, через какую-либо его положительную особенность. Более того, это свойство [свобода] ему вовсе и не свойственно. «Народ – не что иное, как недифференцированная масса тех, у кого нет никакого положительного статуса – ни богатства, ни добродетели, – но за кем, однако, признана та же свобода, что и у тех, у кого таковые имеются. …И вот из-за этой простой тождественности с теми, кто, впрочем, их во всем превосходит, они и обретают особый статус. *Демос* приписывает себе как долю собственного участия равенство, принадлежащее всем гражданам» [23].

Итак, демос неправомерно отождествляется со всем сообществом в равенстве и свободе, хотя реально ни того ни другого у него нет. Как может быть тогда достигнута справедливость? Через равенство пропорций (учет частей и их доли в общем благе), то есть геометрическое равенство. Казалось бы, проблема решена. Но это только кажется; и геометрическая модель не гарантирует реальной справедливости, так как в ней отсутствует общая причастность, дающая справедливость. Остается, говоря словами Ж. Рансьера, неправота, несоизмеримость равенства (по аналогии с открытой античными философами несоизмеримости диагонали квадрата, приведшим к разделению арифметики и геометрии). Вопрос остается открытым: и сейчас имеет место балансирование между арифметической и геометрической моделями справедливости.

Попыткой преодоления данного противоречия является взаимосвязь теоретического и эмпирического уровней изучения и привлечение философией данных других отраслей знания (социологии, политологии, социальной психологии). М. Вебер связывает понимание справедливости с легитимизацией власти, осуществляемой в различных формах; К.-О. Апель и Ю. Хабермас говорят о роли коммуникации в формировании дискурса справедливости. Существенное влияние на исследование справедливости оказала концепция Д. Ролза, в которой представлены принципы справедливости (все лица обладают равными основными свободами, совместимыми с аналогичной свободой других лиц; социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы они служили благу всех и были связаны с положением и должностями, доступными всем).

В русле «прагматического поворота» и «возвращения субъекта» в социальные науки исследуется справедливость в труде Л. Болтански и Л. Тевено «Критика и обоснование справедливости». Авторы пытаются согласовать коллективизм и методологический индивидуализм в вопросе о справедливости, согласии, порядке, концепции консенсуса и концепции конфликта, уровень морального коллективного существа и уровень индивида, объективные структуры общества и субъективные значения, которые люди придают своим действиям.

Политической философии присущ императив обоснования справедливости. Произведения политической философии – это своеобразные «грамматики», в которых формализованы и систематизированы формы согласия. Обращение к этим произведениям позволит выявить приемлемый высший общий принцип для обоснования справедливости действий [24].

Будучи моральными существами, индивиды способны отстраниться от своих личных особенностей и интересов, чтобы достичь согласия по поводу определения общих благ, в обладании и владении которыми они заинтересованы; иначе говоря, через обоснование справедливости своих поступков достигается согласие по поводу форм обобщения и легитимности социально-политического порядка.

Л. Болтански и Л. Тевено исследуют взаимодействия между людьми, конфликты. Они исходят из положения, что в ситуации конфликта люди хотят обосновать справедливость своих притязаний, для чего апеллируют к определенной системе ценностей и аргументов с тем, чтобы интерпретировать ситуацию в своих интересах и продемонстрировать, что ситуация должна быть осмыслена в рамках этой системы. Таких систем несколько, и они получают название «градов», в основе каждого из них лежит порядок величия. Политические порядки являются «вариациями одной общей модели, различающимися лишь принципами величия, лежащими в их основе: богатство, уважение, общая воля, профессиональная компетенция и т. д.» [25]

Л. Болтански и Л. Тевено в центр внимания ставят то, как люди соизмеряют друг друга и как они выстраивают отношения эквивалентности и отношения иерархии/порядка, то есть как упорядочение состояний людей и вещей осуществляется в действительности. Таким образом, метафизические построения политической философии соотносятся с реальной практикой поведения людей и способами установления согласия и аргументации с тем, чтобы разработать модель легитимного порядка – «модель града». Она позволит прояснить «требования, которым должен удовлетворять *высший общий принцип,* чтобы он мог использоваться для *обоснования*

справедливости» [26]. В конкретной модели града приемлем тот аргумент, который соответствует наивысшей из возможных степеней обобщения (общезначимости).

Каковы правила построения такой модели? Они определены Л. Болтански и Л. Тевено на основе изучения политико-философских трудов и изложены в виде аксиом [27].

Первая аксиома раскрывает принцип общности человеческой природы, объединяющей всех членов града. Это тождество людей, составляющих сообщество; равная принадлежность к человечеству делает их способными действовать согласованно.

Вторая аксиома основана на принципе различия, что исключает разного рода «идиллические», «райские» состояния. Предполагается существование как минимум двух возможных состояний, положений членов града, различение которых позволит выделить формы обоснования действий и соответствующие им испытания, необходимые для присвоения этих состояний. Данная аксиома оспаривает любое обобщенное представление о людях и требует определения условий доступа членов града к различным положениям и состояниям.

Содержание третьей аксиомы сводится к тому, что все состояния должны обладать общим достоинством. Допускается множество состояний и возможность достижения нетривиальных соглашений и возникновения разногласий. Эти разногласия остаются в рамках споров по поводу присвоения того или иного состояния человеку, не принимая форму более глубоких конфликтов.

Четвертая аксиома говорит об упорядочении состояний по шкале ценности, шкале значимости благ. Данное упорядочение вступает в противоречие с первой аксиомой: если возможность доступа людей ко всем состояниям не обеспечена, созданный порядок может обернуться полным расколом общества, утратой связи между группами людей разных состояний.

Пятая аксиома – это формула инвестирования, в которой заключено объяснение, почему не у всех людей наивысшее состояние. Она связывает благополучие высшего состояния с платой или жертвой, требуемой для его достижения. Формула жертвы или экономии (сбережения) – регулирующее звено, что снимает противоречие между общностью человеческой природы и упорядочиванием состояния людей. Но здесь надо иметь в виду, что люди низших ступеней будут склонны к оспариванию платы.

Шестая аксиома формулируется следующим образом: благополучие, возрастающее по мере продвижения к высшим состояниям, приносит пользу всему граду, оно является общим благом. Состояние «великих людей» не только обеспечивает больше благосостояния им, но и распространяет благосостояние на «простых людей», низшие ступени сообщества, эгоистическое счастье которых дополняется благополучием «великих» (то есть все довольны).

Таким образом, Л. Болтански и Л. Тевено осуществляют некий синтез политико-философских учений, выявляя их общее содержание в виде сформулированных аксиом, в которых систематизируются основные черты справедливого порядка. Основная проблема, которую решает справедливый политический порядок – это определение общего блага, которое должно обеспечить совместимость требования общности, идентичности человеческой природы с требованием упорядочения человечества. Возможны разные варианты определения общего блага, но в рамках легитимных порядков аксиомы соблюдаются. Нелегитимным порядком, с точки зрения Л. Болтански и Л. Тевено, является евгеника, поскольку она не совместима с принципом общего достоинства людей, утверждая нелегитимные расовые ценности.

Выявленные путем теоретического исследования аксиомы и описания градов применены авторами к эмпирическим социологическим исследованиям систем ценностей и аргументов, к анализу результатов социально-психологических исследований, изучающих реальное поведение людей, к трудам по социальной истории. Обобщение богатого эмпирического материала, относящегося, прежде всего, к Франции, позволяет определить несколько типов моделей градов [28].

Это рыночный град, в котором признается тождество людей; различие состояний, образующих иерархию, определяется богатством; декларируется возможность доступа к обогащению, плату за которую составляет необходимость быть постоянно в деле, отказ от личных привязанностей, долгосрочных проектов и верности традициям. Общим благом является богатство, приносящее пользу всем, а «великие люди» обеспечивают конкурентную возможность обращения к высшему благу.

Град благодати и вдохновения отличается тем, что согласие основано на готовности людей к добровольному и безоговорочному принятию божественной благодати или, в наше время, некоего высшего принципа.

В патриархальном граде величие определяется положением в системе отношений, основанной на строгой иерархии и личной зависимости; в нем воспроизводится образ рода и семейных отношений; согласие устанавливается через обращение к роду, традиции, иерархии.

В граде репутации величие человека зависит от мнения других, самооценка не играет роли; значима честь как верность данному слову.

Гражданский град описывается в категориях теории общественного договора: власть суверена ставится выше личных интересов граждан, но суверен не должен узурпировать власть.

Наконец, научно-технический град характеризуется стремлением к познанию и преобразованию действительности и основан на объективности вещей, на фактах. Полезность в нем понимается как удовлетворение потребностей, а политика – как игра с Zero-sum; величие оценивается экспертами, поэтому управлять все не могут.

Л. Болтански и Л. Тевено дают очень подробное описание способов обеспечения согласия в градах, типов личностей в них, типичные ситуации, формы критики и достижения компромисса. Компромисс выражает стремление к общему благу, которое определяется в процессе обоснования, аргументации, то есть каждый раз конкретно, ситуативно. В целом методологический подход Л. Болтански и Л. Тевено близок идеям М. Фуко, Школы Анналов: выбор града определяется сменой жизненных практик. Данный подход позволяет дать описание реального поведения людей, практики справедливости, не выясняя ее сущности как таковой, закономерностей смены градов. Тем не менее такое исследование может дополнить рассуждения А. Бадью о возможности изменения и политического порядка и философии в движении к реальной справедливости и выводы Ж. Рансьера, раскрывающие глубинные основания неправоты и несогласия как предпосылок политики и постановки проблемы справедливости.

Примечания

1. *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.: Изд-во ИОИ, 2013. С. 13.
2. Там же. С. 10–11.
3. Там же. С. 12, 13.
4. Там же. С. 16–17.
5. Там же. С. 18–19.
6. Там же. С. 21–22, 23.
7. Там же. С. 28.
8. Там же. С. 28.
9. Там же. С. 31.
10. Там же. С. 34.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 39.
13. Там же. С. 40–41.
14. Там же. С. 48–49.
15. *Рансьер Ж.* Несогласие. СПб.: Machina, 2013. С. 11.
16. Там же. С. 21.
17. Там же. С. 23.
18. Там же. С. 25.
19. Там же.
20. Там же. С. 26.
21. См.: там же. С. 26, 38.
22. См.: там же. С. 27.
23. Там же. С. 30.
24. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 78.
25. Там же. С. 113.
26. Там же. С. 115.
27. См.: там же. С. 127–134.
28. См.: там же. С. 140–200, 252–328.

Notes

1. Badiou A. Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki [Mysterious relation of philosophy and politics]. M. IOI Publ. 2013. P. 13.
2. Ibid. Pp. 10-11.
3. Ibid. Pp. 12, 13.
4. Ibid. Pp. 16-17.
5. Ibid. Pp. 18-19.
6. Ibid. Pp. 21-22, 23.
7. Ibid. P. 28.
8. Ibid. P. 28.
9. Ibid. P. 31.
10. Ibid. P. 34.

11. Ibid. P. 37.
12. Ibid. P. 39.
13. Ibid. Pp. 40-41.
14. Ibid. Pp. 48-49.
15. Rancjer J. Nesoglasie [Dissent]. SPb. Machina. 2013. P. 11.
16. Ibid. P. 21.
17. Ibid. P. 23.
18. Ibid. P. 25.
19. Ibid.
20. Ibid. P. 26.
21. See: ibid. Pp. 26, 38.
22. See: ibid. P. 27.
23. Ibid. 30.
24. Boltanski Sh., Thevenot L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov [Critique and justification of justice: essays on the sociology of towns]. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. P. 78.
25. Ibid. P. 113.
26. Ibid. P. 115.
27. See: ibid. Pp. 127-134.
28. See: ibid. Pp. 140-200, pp., 252-328.

УДК 168.5

О. Н. Голышева

Научный характер геополитики

Данная статья посвящена проблеме определения места геополитики в научном мире. Долгое время геополитику совершенно справедливо нельзя было отнести к научному знанию, но в современном мире многое изменилось. Преобразовалась сама геополитика, усовершенствовались наука и научные методы, международные отношения и мир в целом уже не похожи на те, что были в конце XIX в., когда зарождалась интересующая нас область знания. В связи со всем вышесказанным возникла необходимость в рассмотрении геополитики под новым углом зрения и, исходя из этого, в определении ее места, роли и значения в научном мире. Для осуществления обозначенной цели автор применяет к геополитическому знанию некоторые демаркационные критерии, использование которых позволяет в итоге однозначно ответить на поставленный вопрос.

This article is devoted to the problem of defining the place of geopolitics in the modern world. For a long time, geopolitics did not concern to scientific knowledge, but in nowadays, a lot has changed. Transformed geopolitics, science and scientific methods have improved, world and international relations have changed and are not the same that were at the end XIX th century, when it was the beginning of geopolitics. On this basis, there was a need to consider geopolitics other hand and determining its place, role and importance in the scientific world. To achieve this goal the author applies some criteria of the demarcation to the geopolitical knowledge, the use of these criteria allows us to answer the question clearly.

Ключевые слова: научное знание, наука, геополитика, демаркационные критерии.

Keywords: scientific knowledge, the science, geopolitics, demarcation criteria.

Геополитика – это наука или это фантастика, порожденная желанием людей обнаружить скрытый смысл там, где его нет? Может быть, геополитика настолько гипнотизирована одной целью, которая, в данном случае, при поверхностном рассмотрении заключается в попытке обоснования многих политических явлений и характеристик народа географическими детерминантами, что не замечает своей антинаучной сущности? Кроме того, быть может, геополитика – это всего лишь осовремененный дублер политической географии? Самостоятельна ли она? В связи с этим интересно, как себя «поведут» геополитические теории при их проверке с помощью демаркационных критериев. Вопрос этот не только занятен, но и в какой-то степени необходим, ведь геополитика долгое время была отнесена к области лженауки, и такое ее положение на тот момент было действительно оправданно, так как в то время не был сформирован ее категориаль-

© Голышева О. Н., 2016

ный аппарат, а также многие методы, используемые ею, еще не применялись в научных исследованиях.

Тем не менее можно отметить, что в настоящее время интересующую нас область знания в большинстве случаев характеризуют как научную (во многих источниках можно встретить мнения о том, что геополитика – это метод или идеология), но в связи с огромным ажиотажем, вызванным тем, что в новом тысячелетии претерпели серьезные изменения «правила игры», добавились новые акторы, в число которых сейчас, как отмечает И. Ф. Кефели, помимо ранее действующих, таких как государства, входят транснациональные корпорации, негосударственные и межправительственные организации, геоцивилизации [1], изменились международные отношения, возникают некоторые геополитические теории, которые, распространяясь без качественной проверки, могут дискредитировать геополитику как науку, вынуждать сомневаться в ее статусе. В связи со всем тем, что было сказано выше, мы должны выявить основания для безоговорочного отнесения геополитики к области научного знания с помощью применения демаркационных критериев. В данной статье мы будем использовать такие критерии, как теоретичность, системность, верификация, прогнозирование или практическое применение, и антидогматичность.

Прежде чем приступить к основной части статьи, необходимо определить, является ли геополитика отдельной отраслью знания или же она тождественна политической географии. В последнем случае все последующие доказательства будут являться бессмысленными. Несомненно, с позиций большей части основателей геополитики, последняя зарождалась как направление политической географии. Такого рода геополитику обычно называют традиционной. В ней ярко выражен географический детерминизм, проявляющийся в изучении границ государств, особенностей расстановки политических сил и стратегических объектов, оказывающих влияние на международные отношения. За время своего развития геополитическое знание претерпело много изменений, и современная глобальная геополитика проявляет себя не только в изучении географических особенностей государств, но и в изучении более широких вопросов, таких как разработка сценариев, тенденций развития дальнейших событий, построение стратегии, анализ прошлых действий и явлений, изучение международных отношений. Таким образом, современная геополитика не может быть сведена к политической географии и является самостоятельным знанием.

В целом геополитика легко поддается применению демаркационных критериев. Возможно, это объясняется ее особым многогранным характером, связанным с тем, что она, как говорит А. Дугин, непринужденно жонглирует многими дисциплинами [2], в том числе и естественнонаучными, к которым без особой сложности применяются нужные нам критерии.

Геополитическое знание обладает такой важной демаркационной чертой, как теоретичность. Без сомнений, в геополитике существует свой категориальный аппарат, который в настоящее время используется и другими науками. В работах И. Ф. Кефели мы можем обнаружить, что к классическим геополитическим понятиям относятся: территория, суша, море, географическая ось истории, пространство и т. д. Современный политический дискурс определяется такими понятиями, как геоцивилизация, геополитический код, глобализация, лимитроф, виртуальное пространство [3]. В. А. Дергачев, например, относит к геополитическим понятиям термин «язык», как носитель культуры и политический инструмент, с помощью которого национальную культуру можно практически уничтожить [4]. Ученый отмечает: «…современная геополитическая мощь государства определяется в первую очередь не материальными ресурсами, а силой духа. Соединенные Штаты эффективно используют технологии новейшей геополитики, направленные на подрыв силы духа возможного противника или конкурента. Для этого используются агенты влияния из местных националистов, осуществляющих зачистку, например, русского языка и культуры на Украине. Важнейшим языками для национальной безопасности США объявлены арабский, китайский, русский, фарси и хинди» [5].

Теоретичность также подтверждается наличием трех основных геополитических законов, известных не только занимающимся этим вопросом людям, но и широкой общественности. А. Дугин отмечает, что закон фундаментального дуализма, основной закон геополитики, по своей значимости сопоставим с законом всемирного тяготения [6], он заключается в противостоянии и бесконечном соперничестве теллурократии и талассократии. Считается, что эти противоположные исторические типы цивилизаций непримиримы. Суша формирует твердость характера, непреклонные традиции, закон, мораль. В людях проявляются такие качества, как коллективизм, а принципом управления является иерархичность. Вода, напротив, формирует динамичный характер, быстро реагирующий на внешние изменения, в том числе технические. В людях, соответственно, формируются склонность к индивидуализму, предпринимательству, развивается способность принимать нестандартные решения. В истории эта противоположность достигла наивысшей точки в середине XX в. при противостоянии СССР как теллурократии и США как талассократии.

Закон усиления фактора пространств – второй закон геополитики, объясняющий возрастание влияния талассократии. Впервые о морской мощи как о преимуществе заговорил американский военный А. Мэхен, который считал основным инструментом политики торговлю, для которой важным моментом является реальность пользования морскими путями. Выход к морю – это всегда возможность морских коммуникаций, контроля стратегически важных объектов и владения флотом. Все это формирует морское могущество и предрасположенность к мировому господству.

Закон синтеза суши и моря – третий геополитический закон. Синтез определяет себя в категории «береговая линия», в состав которой входят как суша, так и море. «Береговая линия», или «Rimland», – это важный стратегический объект. Завоеватели с моря видят в береговой линии не часть материка, а удобное расположение для осуществления военных планов и стратегий. В пределах береговой линии происходит более активное, чем на суше, развитие. Rimland – это не просто пространство, это сложное социокультурное образование, которое выступает полноценным субъектом истории. Таким образом, геополитика основывается на фундаментальных законах, проверенных столетиями, и в этом отношении сопоставима с естествознанием, в научности которого нет сомнений. Последний указанный нами закон косвенно направляет нас и к верификационной проверке, так как мы с легкостью можем на исторических примерах доказать, что издревле люди заселяли именно прибрежные зоны.

Помимо прочего геополитика обладает таким важным признаком научного знания, как системность. Геополитика имеет в своей структуре множество теорий, в том числе широко известных. Одной из таких теорий является работа Х. Маккиндера под названием «географическая ось истории». С точки зрения ученого, лучшим положением для государства должно быть срединное. Разумеется, середина – это понятие относительное, но с планетарных позиций в центре мира находится Евразия, а в ее центре «heartland» – плацдарм для контроля над всем миром и ключевая территория в пределах Мирового Острова (Азия, Африка, Европа). Маккиндер структурирует пространство с применением концентрических кругов, согласно которым heartland географически тождественен России. Окраинный полумесяц соответствует береговым пространствам Евразии – это зона наиболее интенсивного развития. Далее идет внешний (во всех смыслах) полумесяц. Согласно Маккиндеру, вся история детерминирована давлением, оказываемым на внутренний полумесяц срединной землей, то есть, условно говоря, «разбойниками суши», и давлением извне, то есть из внешнего полумесяца на Мировой остров «разбойниками моря». Таким образом, история развивается во внутреннем полумесяце, тогда как в heartlande царит застой, а во внешнем полумесяце происходит цивилизационный хаос. Тем не менее роль географической оси крайне велика, и ученый формулирует закон, согласно которому «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над heartland`ом; тот, кто доминирует над heartland'ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром» [7]. На основе своей теории Маккиндер разработал стратегию для внешнего полумесяца, заключающуюся в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от heartland'a и поставить их под влияние «островной цивилизации». Помимо того, что мы относим наличие теорий к доказательству существования системности в геополитике, в данном случае мы можем говорить и о доказательстве возможности практического применения геополитики, так как идеи Маккиндера легли в основу действий США и Северо-Атлантического союза. Ссылка на практику справедлива и для идеи «морского могущества» А. Мэхена. Его теория легла в основу военной стратегии, и, если посмотреть на военную историю США в XX в., по справедливому замечанию А. Дугина, мы заметим, что последняя основывается на соответствующих положениях, и если в ходе Первой мировой войны данная стратегия не принесла ощутимого успеха, то в ходе Второй мировой и холодной войн она себя полностью оправдала.

Геополитика может не только объяснять прошлое, но и делать прогнозы на будущее. В. А. Дергачев считает, что «без геополитических прогнозов невозможно представить будущее страны. В многополярном мире с открытыми и закрытыми обществами и экономиками государственный деятель обязан обладать геополитическим мышлением» [8]. Сэмюэль Хантингтон в 1996 г. публикует часто используемую сейчас политологами работу под названием «Столкновение цивилизаций», в которой дает некоторый прогноз развития международных связей и затрагивает, в том числе, отношения между Россией и Украиной. Ученый выделил три варианта развития событий между указанными выше родственными государствами. Во-первых, возможен вооруженный конфликт из-за таких вопросов, как ядерное оружие, Крым, права русских на Украине, Черноморский флот и экономические отношения. Во-вторых, раскол Украины на две части, из которых восточная войдет в состав России. В-третьих, Украина останется единой, как прежде расколотой и независимой, сохраняя отношения с Россией. Варианты Хантингтон разместил в

порядке возрастания возможности, то есть наиболее вероятным он считал последний вариант [9]. Стоит отметить, что в далеком 1996 г. эти идеи казались многим невозможными и невероятными (кроме третьего варианта, разумеется). Тем не менее в настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что его прогнозы находят подтверждение в действительности.

Последний критерий, который мы будем применять в данной статье к геополитике как науке, – это антидогматизм. Для науки, как бы странно это ни звучало, антидогматичность как способность воспринимать мир иначе, принимать его изменения, чрезвычайно важна. Некоторую абсурдность данного утверждения мы можем заметить на примере естественных наук, где радикальные изменения легче воспринимаются самими учеными, высокообразованными людьми и в гораздо более тяжелой форме остальной частью населения, деятельность которой далека от научной, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Вернемся к геополитике. Геополитическое знание не стоит на месте и не настаивает на каких-либо постулатах как на абсолютной истине. Например, в статье «Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики» И. Ю. Окунев указывает, что даже такой основополагающий постулат, как пространственный детерминизм, влияющий на международные отношения и отраженный в самом названии ГЕОполитики, в последние два-три десятилетия потерял свое влияние в глазах исследователей так называемой критической геополитической мысли. Данные ученые, отразившие в своих взглядах постмодернистский сдвиг, считают, что геополитика государств формируется не из фундаментальных оснований, структуры пространства, а из географического представления, то есть важны не сами границы, а то, как мы видим границы, как их воображаем. Это невероятное, на первый взгляд, видение позволяет отказаться от таких важных ранее бинарных оппозиций, как запад и восток, внешнее и внутреннее, и позволяет посмотреть на все происходящее с другой стороны, отказаться от условностей [10]. К примеру, рассуждая о том, Европа ли Россия, Н. Я. Данилевский приводит свои сомнения, касающиеся обоснованности выделения Европы в качестве отдельной части света: «Америка есть остров; Австралия – остров; Африка – почти остров; Азия вместе с Европой также будет почти островом. С какой же стати это цельное тело, этот огромный кусок суши, как и все прочие куски, окруженный со всех или почти со всех сторон водой, разделять на две части на основании совершенно иного принципа?» [11]. Такого рода сомнение подтверждает некоторую условность географического положения в качестве детерминирующего признака.

В заключение мы можем с уверенностью сказать, что геополитике присущ антидогматизм, она способна не только анализировать прошлое, но и прогнозировать будущее, адекватно оценивать настоящее. Кажущаяся на первый взгляд дисциплинарная разрозненность геополитики, на самом деле является ее отличительной, основополагающей чертой. Геополитическая картина мира стремится включить в анализ интересующих ее процессов, международных и межгосударственных отношений несколько подходов: географический, политологический, идеологический, этнографический, экономический и многие другие. В этом стремлении к междисциплинарному синтезу состоит важная особенность всех геополитических идей. Основываясь на всем вышесказанном, на успешном применении к геополитике демаркационных критериев и на ее стремительном развитии, с современной точки зрения у нас не возникает сомнений в ее научном характере.

Примечания

1. *Кефели И. Ф.* Философия геополитики. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2007. 208 с.
2. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. URL: http://www.klex.ru – свободный
3. *Кефели И. Ф.* Указ. соч.
4. *Дергачев В. А.* Интернет-издание Русской геополитической энциклопедии. URL: http://dergachev.ru – свободный
5. *Дергачев В. А.* Геополитика. URL: http://dergachev.ru- свободный
6. *Лазарев А. Д.* Законы геополитики: современное видение // Вестник КузГТУ. 2004. № 3. URL: http://cyberleninka.ru
7. *Дугин А. Г.* Указ. соч.
8. *Дергачев В. А.* Геополитика.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. URL: http://gradaran.mskh.am – свободный
10. *Окунев И. Ю.* Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. №4/17. С. 6-14. URL: http://cyberleninka.ru
11. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. URL: http://vehi.net

Notes

1. F. Kefeli Filosofiya geopolitiki [Philosophy of geopolitics]. SPb. Publ. house "Petropolis". 2007. 208 p.
2. Dugin A. G. Osnovy geopolitiki [Basement of geopolitics]. Available at: http://www.klex.ru – free
3. I. F. Kefeli. Op. cit.

4. Dergachev V. A. Internet-izdanie Russkoj geopoliticheskoj ehnciklopedii [Online edition of the Russian geopolitical encyclopedia]. Available at: http://dergachev.ru – free
5. Dergachev V. A. Geopolitika [Geopolitics]. Available at: http://dergachev.ru – free
6. Lazarev A. D. Zakony geopolitiki: sovremennoe videnie [Laws of geopolitics: the modern vision] // Vestnik KuzGTU – Herald of KuzSTU. 2004, No. 3. Available at: http://cyberleninka.ru
7. Dugin A. G. Op. cit.
8. Dergachev V. A. Geopolitika [Geopolitics].
9. Huntington S. Stolknovenie civilizacij [Clash of civilizations.] Available at: http://gradaran.mskh.am – free
10. Okunev Y. I. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskij sdvig v issledovatel'skoj paradigme geopolitiki [Critical geopolitics and the post critical shift in the research paradigm of geopolitics] // Sravnitel'naya politika – Comparative politics. 2014, No. 4/17, pp. 6-14. Available at: http://cyberleninka.ru
11. Danilevsky N. Y. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Available at: http://vehi.net

УДК 177

И. А. Хапчаев

Закономерности развития духовной жизни общества как проблема научного познания

Статья посвящена малоисследованной в современной философской науке проблеме, связанной с познанием закономерностей духовной жизни общества. Автор обосновывает, что познание и учет этих закономерностей создают условие для развития социума без кризиса.

Особое внимание уделяется анализу таких закономерностей, как взаимосвязь и взаимообусловленность материальной и духовной жизни, связи форм общественного сознания, преемственности в развитии духовной жизни.

The article is devoted to a scantily explored in modern science philosophical problem connected with cognition of the laws of the spiritual life of a society. The author proves that cognition and consideration of these laws create conditions for the development of society without crisis.

Particular attention is paid to the analysis of such laws as the interrelation and interdependence of material and spiritual life, the communication of forms of social consciousness, continuity in the development of the spiritual life.

Ключевые слова: закономерности, познание, духовное, материальное, общество, ценности.

Keywords: laws, cognition, spiritual, material, society, values.

В настоящее время по вопросу закономерностей развития духовной жизни общества существуют разнообразные точки зрения. Так, например, авторы, исследующие древние цивилизации различных народов, показали, что при наличии несходств указанные цивилизации в то же время обладают рядом значимых обобщенных признаков, которые свидетельствуют о существовании общих закономерностей развития духовной жизни общества [1].

Представляется, что духовная ориентация для России была всегда главнейшей в жизнеустройстве и мировоззрении ее народа. Поэтому проблемы духовности, вопросы возможности познания ее законов были основными в русской философии к XIX – началу XX в. При этом великие русские мыслители С. Л. Франк, П. Я. Чаадаев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, В. О. Ключевский и др. особенности русских видели именно в духовности народа. Однако понятие «духовность» они понимали по-разному: то как непознаваемое бытие, то как высокие нравственные ценности, то как религиозность, то как то и другое и т. д.

Так, например, согласно С. Л. Франку, духовное бытие «по существу непостижимо», так как оно «есть нечто определимое по содержанию, не есть нечто “то” или “иное”, а есть просто откровение бытия как такового», оно имеет трансдефинитность и трансфинитивность конкретного, живого через становление и свободу [2].

При этом, говоря об обусловленности исторического развития общества, С. Л. Франк утверждает, что «первопричина исторического движения лежит в изменении строя духовной жизни и руководящих ею идей… никакие, даже самые успешные военные и политические действия не могут сами по себе спасти человечество… путь к спасению лишь в пересмотре господствующих идей» [3].

© Хапчаев И. А., 2016

Аналогичного взгляда придерживался и П. Я. Чаадаев. Говоря о первоначалах духовности, он считает, что «чувство долга развилось не через мышление, а через таинственные побуждения, которые управляют помимо их сознания. Закон духовной природы обнаруживается в жизни поздно и неясно… Его вовсе не приходится измышлять (он не зависит от нас), как и закон физический» [4].

Ряд исследователей выводят содержание сознания из чистого мышления, при объяснении генезиса духовного отвергается роль материальной жизни общества, закономерности духовной жизни общества объясняются мотивами, волевыми проявлениями индивида. Так, например, пытаясь объяснить закономерности духовной жизни общества лишь психическими мотивами, волевыми проявлениями индивида, А. М. Штирнер отмечает: «Откуда взяться этому духовному миру? Он может возникнуть только из самого духа. Нужны откровения духа и слова, которые он произносит, откровения, в которых он себя раскрывает, это – его мир… Так что же такое дух? Он – творец духовного мира» [5].

Представляется, что в советский период вопросам закономерностей духовного бытия уделялось мало внимания. Но следует отметить, что в то же время имели место отдельные попытки ряда авторов выявить эти законы. Так, например, А. Г. Спиркин, говоря о кроманьонце пишет: «Идеальный образ будущего изделия направлял его реальные трудовые операции» [6], т. е. и он различал главную роль идеального в трудовой деятельности как одну из закономерностей духовной жизни. Однако в советское время часто формулировались и такие законы, которые не существовали. К числу этих законов, например, относился закон «сближение неспециализированного духовного производства со специализированным» [7]. Можно было бы привести и другие взгляды, но в данной статье у нас нет возможности анализировать все множество различных точек зрения по рассматриваемой проблеме, ибо это требует специального и самостоятельного анализа.

Но, говоря о закономерностях развития духовной жизни общества, прежде всего следует отметить, что закономерную зависимость духовной сферы от материального производства невозможно отрицать. Представляется, что материальная жизнь обусловливает общую природу внутренней жизни социума, ее тенденцию, ибо в случае возникновения кризиса, антагонизмов в материальной жизни это обусловливает кризис, антагонизмы и в области внутренней жизни. Так, например, рыночная экономика в России обусловила новые цели и тенденции в совершенствовании духовной сферы. Но переходное состояние российского общества, трудности в экономике, финансовый кризис привели к духовному кризису общества. Вместе с тем такой кризис нельзя считать только отрицательным для выживания общества в целом, ибо в переломные этапы, как правило, происходит выбор духовности индивидами в форме приобщения людей к некоему обобщенному, нежели обыденная индивидуальная и коллективная жизнь, стремление психики личности выйти за пределы индивидуальной повседневности. Поэтому хотя в переходные состояния общества и происходит нарастание кризисности, но в то же время такие периоды отмечены ориентацией людей на такие высшие жизненно-смысловые ценности, как свобода, справедливость, равенство, гуманизм, добро и т. д., инициативным поиском новых путей развития. С этих позиций сейчас российское общество подошло к порогу, за которым нужна новая духовность, новые знания, новая система ценностей [8]. Однако в настоящее время российское общество духовно поражено, размытыми оказались главные центры индивидуального и общественного сознания, система ценностей, идеалы и т. д.

Представляется, что в прежних условиях выбор молодежью ценностных ориентаций сводился к тому, что она обязана была усваивать определенную жестко заданную систему ценностей.

Однако поскольку главные центры традиционных ценностей социалистического типа для современной молодежи нашей страны оказались размытыми, а нормы традиционной общинной культурно-этической системы, существовавшей столетиями, сохраняются в деформированном виде, несмотря на сильнейшее преобразовательное воздействие советского периода, то возникли трудности с выбором, которые обусловлены следующими основными обстоятельствами: социально-психологической и нравственной неготовностью многих к самостоятельному выбору и т. д.

В связи с этим стоит отметить, что духовный потенциал, как правило, формируется в процессе приобщения человека к конкретной системе ценностей, функция которой состоит в регуляции действий людей. Основой духовности индивида в западных демократических странах является господствующий тип материальных и духовных ценностей общества, которые у них складывались веками. При этом правовые механизмы, регулирующие функции духовных ценностей, в этих странах отработаны и стабильны. В современном же российском обществе сейчас еще не сформированы нетрадиционные демократические ценности. Это создает для индивида состояние неопределенности.

В этих условиях в процессе социализации появились поколения людей, считающих любой риск как органическое и обязательное качество общественной среды. В современном демократическом обществе риск, безусловно, связан со свободой, с выбором действия из множества возможных. Но выбор риска является свободным, если он совершен в соответствии с разумом, системой положительных ценностей, имеющих характер добра. В случае же, если выбор подчинен иррациональным страстям, то человек совершает выбор негативной ценности, которая отходит от добра, а значит, справедливости и его рисковые действия становятся произволом.

Сейчас в современном российском обществе нет жестко заданной, единой государственной идеологии, единых мировоззренческих принципов для всех социальных слоев населения. В п. 1 ст. 13 Конституции России подчеркивается: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие» [9]. Отсюда следует, что в России плюралистическая идеология не отрицается. Негативное отношение определенной части российского социума ко всякой идеологии связано, в частности, с незаконными репрессиями инакомыслящих, насильственной депортацией целых народов Северного Кавказа, уничтожением цвета русской интеллигенции и т. д. в период правления И. В. Сталина. В связи с этим французский ученый Н. Верт пишет: «Гулаг продолжает, тревожит умы и выполняет роль могильщика идеологий» [10].

В условиях реформирования всех сторон российского общества духовное обновление – это пересмотр старых догм, мифов, стереотипов и формирование новых знаний идей, концепций и т. д. С нашей точки зрения, из этих знаний концепций, идей организуются системы ценностей, которые образуют внутренний стержень современной российской культуры, духовную квинтэссенцию потребностей индивидов и социальных общностей. В этом отношении, как справедливо отмечает А. И. Герцен, каждая ценность в системе ценностей имеет двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе [11]. С этих позиций природа духовного общественно-индивидуальная. При этом ценности индивида, обусловленные политическими, правовыми, нравственными и т. д. подсистемами духовной жизни современного общества весьма значимы, ибо они выступают показателями духовности личности, ее отношения к формирующимся смысловым ценностям современного демократического общества. Потому в зависимости от этого социальный субъект определяет свои мировоззренческие позиции и установки, на основе которых он выбирает свои стратегические цели, технологии их достижения и несет ответственность за результаты своего выбора перед собой и перед обществом. Но проблема заключается в том, что для такой свободной деятельности человек должен опираться на уже сформировавшиеся ценности. А поскольку такие ценности в России только формируются, то социальные структуры России не могут предлагать в распоряжение индивида, как в западных странах, определенный тип демократических ценностей, ясно очерченных путей и методов социализации, позволяющих преодолеть ему неопределенность и функционировать в качестве полноправного члена общества. В этих условиях значительная часть людей не может совершить свободный выбор. Этим во многом обусловлены в нашей стране факторы, вызывающие стресс, коррупцию, вседозволенность, повышенный риск, алкоголизм, наркоманию, аморализм, преступность и т. д., которые создают угрозу национальной безопасности нашей страны. Поэтому многие ученые причину возникшей кризисной ситуации в современной России видят в духовной сфере. В этом отношении они отмечают, что обновление всех сторон жизни нашего общества началось без сколько-нибудь серьезной, детально продуманной «концептуализации». Так, например, П. Штомпка полагает, что преобразование постсоветского социума расшатало цивилизованные основания российского народа, ибо оно не было нацелено на культурную адаптацию, на ценностную самобытность российского социума. По его мнению, кризисная ситуация не была бы столь острой, если бы были приняты во внимание исторические и социокультурные особенности российского социума в ходе реформирования [12].

Говоря о взаимосвязи материального и духовного в свете современной науки, следует отметить, что зависимость духовной жизни от материальной имеет конкретно-исторический характер. Об этом свидетельствуют факты о том, что в начальный период советской власти материальное производство, т. е. его потребность в квалифицированных кадрах, вызвало осознание необходимости создания рабфаков, ликбезов и т. д. Переходный период в тот период по своей социальной сущности был направлен на переход от традиционного к нетрадиционному обществу с его новыми идеалами, ценностями и требованиями к личности. В отличие от этого в данное время современное материальное производство в России обусловило потребность в компьютерной грамотности, овладении нормами права, основами бухучета и т. д. Однако при этом проведение реформ в сфере образования происходило без осознания того, что современное материальное производство требует подготовки новых, востребованных, конкурентоспособных специалистов высокого качества. Это привело к кризису в системе образования, произошло падение

смысловых ценностей в области обучения, и в то же время возрос интерес подрастающего поколения к компьютерным играм, которые в настоящее время становятся более соблазнительной деятельностью, чем чтение книг, посещение театров, кинотеатров и т. д. В результате этого молодое поколение в недостаточной мере приобщается к миру духовных ценностей, все больше отделяется от литературного и от национально-культурного наследия и т. д.

Поэтому одним из важнейших способов выхода России из духовного кризиса является изменение системы образования, подготовка специалистов высокого качества, отвечающих потребностям современной социокультурной ситуации в России и в мире, а также более эффективное использование средств государства (СМИ, центров информации о праве и т. д.). Представляется, что без этого невозможно возрождение современного производства, подъема культуры, духовной жизни и т. д.

Однако, рассматривая данную закономерность, следует подчеркнуть, что обусловленность духовного бытия материальной жизнью не абсолютна, ибо многие духовные феномены в научной, нравственной и т. д. областях нельзя прямо и непосредственно выводить исходя лишь из материального бытия. Об этом свидетельствует, например, такая актуальная научная проблема, как клонирование живых организмов, которое не определяется необходимыми материальными потребностями современного социума. Поэтому зависимость между материальным и духовным носит опосредованный характер. Хотя материальные потребности исторически предшествуют духовным, но они создают лишь условия для возникновения духовных потребностей. Из этого факта вытекает идея о том, что для духовной жизни характерны свои внутренние специфические законы развития. Одним из таких законов является относительная автономность духовного бытия.

Данная закономерность выражает то, что общественное сознание не просто идет вслед за общественным бытием, а понимает его, раскрывает его содержание и сущность. В этом отношении стоит отметить огромную значимость в переломные периоды уровня духовной сферы общества, ее активность. Это обусловлено тем, что передовые концепции, глубокие научные идеи, политические теории, развитые правовые и моральные нормы и т. д. служат серьезному осмыслению настоящего и, способствуя прогнозированию будущего, организуют духовность общества, которое помогает развитию социума.

В этом плане активность сознания в современной России должна быть рассмотрена под углом потребности совершенствования и развития всей системы общественных отношений. В условиях реформирования современного российского общества формы проявления активности общественного сознания многообразны: формирование цели, научное предвидение, создание новой системы ценностей, преобразование мира, разработка концепции развития рыночной экономики и т. д.

Данная активность в наибольшей степени касается интеллектуального человека, который занимается внутренней рефлексией и делает предметом своей деятельности духовный поиск новых идей, социальных и гуманитарных концепций, отвечающих требованиям рынка труда, императивам сегодняшнего времени, демократических форм государственности, озабочен будущим демократическим общественным устройством и т. д. и тем самым производит духовные ценности, нацеленные на преодоление старых догм, убеждений и на удовлетворение материальных потребностей, отвечающих потребностям рынка труда.

Однако за весь период реформирования российского социума нашей интеллигенции еще не удалось разработать эффективных антикризисных идей, ценностных концепций, способных привлечь массы к более активным демократическим преобразованиям. Некоторые ученые объясняют это тем, что гуманитарная интеллигенция, которая всегда была наиболее совестливой частью общества, теряет свои позиции, ибо из-за материальных трудностей происходит в значительной степени ее переориентация на материальное благополучие.

В связи с этим, говоря об активности сознания, Д. Гершон, Г. Страуб пишут: «Если мы хотим изменить какую-то часть нашей теперешней жизни, мы должны сначала изменить те убеждения, которые создают ее. Если мы хотим создать что-либо новое в своей жизни, мы должны сначала мысленно создать новое убеждение» [13]. Без создания новых убеждений, преодоления деформации общественного сознания, содержащихся в нем догм, стереотипов, бюрократических взглядов, мифов и т. д., и формирования нового демократического мышления, новых взглядов, подходов и оценок невозможно на основе чисто экономических методов, экономических интересов внедрить и развить рыночную экономику.

В этом отношении следует отметить, что еще в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. у нас в России сформировалась своеобразная обстановка, которая сохраняется и в настоящее время. Речь идет о том, что некоторые наши российские реформаторы считали, что экономические интересы сами по себе сменят духовные демократические ценности и станут базой преодоления духовного

кризиса. Но указанные интересы, с нашей точки зрения, носят чисто экономический характер, который связан с возрождением сознания хозяина производства. Но эти интересы не способны заменить духовные ценности. Устранить духовный кризис в обществе и возродить согласие между людьми невозможно чисто экономическими средствами, ибо преодоление духовного кризиса, прежде всего, связано с обновлением духовных ценностей. Это обусловлено тем, что духовные изменения в обществе начинаются с изменений в самих индивидах, происходящих, в первую очередь, в их духовных ценностях, предпочтениях, а потом уже – в их действиях и поступках. В связи с этим Й. Хейзинга считает, что воля к превознесению бытия и жизни, отвергающая руководство со стороны интеллекта, приводит к этическому расшатыванию духа. Единственным противовесом этим деструктивным факторам могут служит только самые высокие этические и метафизические ценности [14].

В соответствии с рассматриваемым законом при отставании общественного сознания от общественного бытия общественное сознание не может оказать активное влияние на развитие общественного бытия, на его преобразования.

И наоборот, при глубоком понимании преобразовательных социальных процессов, осознания изменения шкалы ценностей и т. д. общественное сознание может опережать общественное бытие, тем самым предугадывать закономерный ход событий и указать эффективные пути развития общественного бытия.

Другим аспектом рассматриваемого закона, т. е. относительной автономности общественного сознания, является его преемственность в развитии, благодаря которой в процессе переоценки ценностей в новом из прошлого наследуются и развиваются в творчески преобразованном виде те элементы, которые соответствуют интересам нового общества, все ценное, положительное в духовном наследии поколений, накопленное в различных сферах социального бытия.

Говоря о нарушении закона преемственности, К. О. Касьянова отмечает, что в данное время в результате ускоренного внедрения, без учета культурного наследия поколений, чуждых ценностных систем, чуждых моделей целеполагания и методов действия в российскую действительность происходит «угнетение первичных ценностных систем» [15], индивид, закрытый в узкую область своих личных интересов, чувствует себя как волк, помещенный в клетку: «Его регулярно кормят и даже витамины дают, с голоду он не умрет, но и жить не сможет» [16].

Следует также отметить, что применительно к современной России закон преемственности требует учета факта о том, что российский народ в своей истории не имел смысложизненные страсти к неограниченному потреблению материальных благ, накопительству и т. д., как это происходит в культуре западного мира и США. На Руси превыше всего всегда ценились духовность, знания, мастерство и т. д.

Заметим, что закономерностью духовной жизни общества является также взаимосвязь и взаимообусловленность всех ее компонентов. В этом плане политика, безусловно, оказывает влияние на все другие формы общественного сознания, которые, в свою очередь, влияют на политику.

Так, например, право является способом реализации политики государства. Об этом свидетельствует тот факт, что политические интересы проявлялись при возникновении капитализма в правовых нормах, которые мотивировали правомерность буржуазного правопорядка, защищали капиталистическую собственность, свободу предпринимательской деятельности и т. д. В современной России право выступает средством осуществления политики, направленной на модернизацию общества. Заметим, что взаимосвязь политических интересов определенных политических сил и правовой деятельности проявляется в современной России при совершенствовании законопроектов, защите прав потребителей, земельной собственности и т. п.

Вместе с тем следует сказать, что право, в свою очередь, оказывает обратное влияние на политику, требуя от нее поддержки свободы, справедливости, равенства граждан пред законом. В то же время моральные нормы поддерживаются правовыми механизмами, которые обеспечивают свободу, справедливость, равенство и т. д. в форме законов, устанавливаемых государством. В данном отношении мораль опирается на право. Реальность доминирующей морали, ее реализация в жизненных отношениях в значительной степени зависит от того, насколько действенными являются правовые установления. В то же время законность и правопорядок нуждаются в постоянной опоре на мораль, принцип справедливости как на свое нравственное основание.

В связи с этим следует отметить, что, как только граждане начинают осознавать морально-правовые ценности, их значимость, реляция к морали и нормам права становятся потребностью субъектов социума. Вместе с тем заметим, что мораль и право действуют в едином «поле» социальных связей, хотя морально-правовое регулирование, наряду с общими признаками, обладает и отличительными особенностями. Поэтому особая значимость формирования и реализации морали и пра-

ва состоит в том, что они являются основными механизмами социальной регуляции, правопорядка и норм морали, важнейшими методами борьбы с преступностью и аморализмом.

В связи с этим стоит отметить, что снижение уровня нравственности в современном российском обществе многие ученые связывают с отсутствием эффективных механизмов реализации нормативно-правовых актов. С нашей точки зрения, потребность экономической, общественной, политической основы для реализации законов очевидна. Но следует заметить, что этого не принимают во внимание законодатели, усматривающие в правительстве средство от всех бед. Вследствие этого мы получаем неработающие законы, неурегулированные социальные отношения, непочтительное отношение к праву и морали. В этом плане, говоря о системе духовных отношений, следует отметить, что в данной системе изменение какой-либо одной более значимой структуры ведет к преобразованию других. Но поскольку основными механизмами регуляции поведения людей являются право и мораль, то на основе подготовки работающих законов, с учетом механизмов их реализации, а также выработки соответствующих нравственных идеалов можно было бы изменить всю систему духовных отношений и создать новую систему духовных ценностей, нацеленных на развитие современных социальных отношений в современном российском обществе.

В условиях такой системы человек при взаимодействии с ценностным содержанием целостной системы духовной жизни общества приспосабливается к ее устоям, осваивая в силу своих возможностей то духовное богатство, которое было накоплено до него, обновляет его, производит новые духовные ценности. При этом, в свою очередь, система духовных ценностей общества организует не только внутренний мир индивида, но и его ролевые действия, выступая одним из важнейших мотиваторов поведения индивидов.

На основе вышеизложенного можно заключить, что сложившаяся кризисная ситуация в нашей стране обусловлена, в первую очередь, нарушением закономерностей развития духовной жизни российского общества.

Примечание

1. См.: *Ламбег-Кадловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Наука, 1992. 394 с.
2. См.: *Франк С. Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 392–393, 400–401.
3. *Франк С. Л.* Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998. С. 20.
4. *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989. С. 58–59.
5. *Штирнер А. М.* Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 194.
6. *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960. С. 153.
7. См.: Духовность, художественное творчество, нравственность: материалы «круглого стола» / Л. П. Буева, В. П. Зинченко, А. А. Вознесенский и др. // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 3–40.
8. См.: *Трушников Д. Ю., Беззубцева Н. А.* Ноосферное образование – взгляд в будущее. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2007. С. 73–91.
9. Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 6.
10. *Верт Н.* Гулаг // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 407.
11. См.: *Герцен А. И.* Полное собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 4. С. 406.
12. См.: *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.
13. *Гершон Д., Страуб Г.* Обретение силы. 2-е изд. М.: Изд-во: Московский журнал, 1994. С. 42.
14. См.: *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М.: Изд. группа «Прогресс-Академия», 1992. С. 347–348.
15. *Касьянова К. О.* О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики. 1994. С. 183.
16. Там же.

Notes

1. See: Lambeg-Kadlowski K., J. Sablow. Drevnie civilizacii: Blizhnij Vostok i Mezoamerika [Ancient civilizations: the near East and Mesoamerica]. M. Nauka. 1992. 394 p.
2. See: Frank S. L. Sochineniya [Works]. M. Pravda. 1990. Pp. 392-393, 400-401.
3. Frank S. L. Svet vo t'me. Shyt hristianskoj ehtiki i social'noj filosofii [Light in the darkness. The experience of Christian ethics and social philosophy]. M. Faktorial. 1998. P. 20.
4. Chaadaev P. Y. Sochineniya [Writings]. M. 1989. Pp. 58-59.
5. Shtirner A. M. Edinstvennyj i ego sobstvennost' [The only one and his property]. Kharkov. 1994. P. 194.
6. Spirkin A. G. Proiskhozhdenie soznaniya [Origin of consciousness]. M. 1960. P. 153.
7. See: Duhovnost', hudozhestvennoe tvorchestvo, nravstvennost': materialy «kruglogo stola»- Spirituality, artistic creativity, morality: proceedings of «the round table» / Bueva Sh. P., V. P. Zinchenko, A. A. Voznesensky, etc. / / Voprosy filosofii – Problems of philosophy. 1996, No. 2, pp. 3-40.

8. See: Trushnikov D. Y., Bezzubtseva N. A. Noosfernoe obrazovanie – vzglyad v budushchee [Noosphere education – sight to the future]. Tyumen: Publishing house of TSSHU. 2007. Pp. 73-91.
9. The Constitution Of The Russian Federation. M. 2004. P.6. (in Russ.)
10. Vert N. Gulag [The Gulag] // 50/50: Shyt slovarya novogo myshleniya – 50/50: Experience of the dictionary of new thinking. M. 1989. P. 407.
11. See: Gertsen A. I. Polnoe sobr. soch. i pisem [Full cool. of works and letters]. Pg. 1917. Vol. 4. P. 406.
12. See: Shtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve [Cultural trauma in post-Communist society] // Sociologicheskie issledovaniya – Sociological researches. 2001, No. 2, pp. 3-12.
13. Gershon D., Straub G. Obretenie sily [Attainment of power. 2nd publ.] M. Publishing house: Moscow magazine. 1994. P. 42.
14. See: Heizinga Y. Homo Ludens [Homo Ludens]. M. Publ. group "Progress-Academy". 1992. Pp. 347-348.
15. Kasyanova K. O. O russkom nacional'nom haraktere [About the Russian national character]. M. Institute of national model of economy. 1994. P. 183.
16. Ibid.

УДК 165

М. И. Терехина

Проблема суждений в философии языка

В данной статье рассматривается проблема различения аналитических и синтетических суждений в философии. Автором указывается, что традиционное различение аналитического и синтетического проводится И. Кантом и тесно связано с «общей» логикой и «трансцендентальной». В современных логико-семантических исследованиях проблема аналитико-синтетического различия распространяется на высказывания любой формы и решается в терминах языковых выражений и их значений. Также анализируются неопозитивистский и неопрагматический подходы к указанной проблеме. Характеристика аналитических и синтетических высказываний в неопозитивизме частично совпадает с кантовской, отличие же связано с истолкованием теоретического знания как чисто словесного знания, относящегося лишь к употреблению языка. Неопрагматисты в рассуждениях об аналитичности и синонимии опираются на понятие значения. Указывается, что различение аналитического и синтетического есть выражение знания, фиксированного в языке. Но реализуется это различие в определенной системе, предназначенной для осуществления определенных познавательных и коммуникативных целей.

This article deals with the problem of the distinction between analytic and synthetic propositions in philosophy. The author States that the traditional distinction between analytic and synthetic is Immanuel Kant and is closely connected to "common" logic and "transcendental". In modern semantic research the problem of the analytic-synthetic distinction applies to statements of any form and solved in terms of linguistic expressions and their meanings. It also analyzes and neoplasticeskih neopositivist approaches to this problem. Characteristics of analytic and synthetic statements in neopositivism overlaps with Kant, the difference is connected with the interpretation of theoretical knowledge as a purely verbal knowledge that is relevant only to the use of language. Neopragmatist in discussions about analyticity and synonymy are based on the concept of value. Indicates that the distinction between analytic and synthetic is an expression of knowledge, fixed in the language. But this distinction is realized in a particular system designed for the implementation of specific cognitive and communicative goals.

Ключевые слова: аналитические выражения, значение, неопозитивизм, неопрагматизм, синонимия, синтетические выражения.

Keywords: analytical expressions, value, neopositivism, neopragmatism, synonymy, synthetic expression.

Проблема аналитического и синтетического знания тесно связана с такими центральными вопросами теории познания, как проблема истины и ее типологии, проблема структуры научного знания и познавательной деятельности, а также проблема значения языковых выражений. Различение аналитического и синтетического знания уходит своими корнями в философию Г. Лейбница и Д. Юма.

Но традиционное различение аналитического и синтетического знания опирается на то, что было сделано в этой области И. Кантом. В кантовской классификации суждений есть несколько оснований для их деления. Некоторые исследователи выделяют только гносеологические и логические основания [1]. Однако, учитывая, что Кант осуществляет, в сущности, деятель-

© Терехина М. И., 2016

ностный подход к познанию, рассматривает его, прежде всего со стороны познающего субъекта, необходимо также выделить прагматическое (деятельностное) основание, на котором покоятся основные виды суждений. Не случайно у Канта знанием является суждение, то есть соединение представлений и понятий в сознании, а основной гносеологической проблемой является проблема, как возможны синтетические априорные суждения.

Основными видами суждений, по Канту, являются аналитические априорные, синтетические апостериорные и синтетические априорные суждения. Аналитические суждения (а они априорны), не давая нового знания, выражают то, что уже было заключено в понятии логического субъекта. Поэтому они являются также поясняющими («Все тела протяженны»). Синтетические апостериорные суждения добавляют новое знание на основе опыта; установление их истинности требует фактического знания («Все тела имеют тяжесть»). Синтетические априорные суждения сообщают новое знание, но без обращения к опыту; связь составляющих их понятий усматривается посредством интуиции («7 + 5 = 12»).

Хотя Кант не сформулировал четко аналитико-синтетическое различие и не указал строгих критериев аналитичности, можно утверждать, что он связывает аналитичность с формальной характеристикой суждений: с взаимоотношениями субъекта и предиката, с логической необходимостью – об их истинности можно заключить на основании логических принципов. В контексте философских взглядов Канта (критического периода) проведение аналитико-синтетического различия связано с выделением им «общей» логики (которая, по Канту, аналитична) и «трансцендентальной» логики (которая, по Канту, синтетична) [2]. Следовательно, различие между аналитическим и синтетическим у Канта связано и с различием между соответствующими методами.

Кантовский отход от дихотомии аналитическое-синтетическое и введение синтетических априорных суждений отражают трехчленный характер его модели обоснования знания: непосредственная чувственность, рассудок и связывающая их трансцендентальная апперцепция, – что, в свою очередь, связано с его деятельностным подходом к познанию [3].

Основная классификация суждений Канта в той или иной степени всегда подвергалась критике со стороны различных философских течений.

Однако если учесть некоторые особенности философской концепции Канта, то введение всех трех видов суждений представляется оправданным. К этим особенностям относится прежде всего то, что кантовская модель обоснования знания есть одновременно модель объяснения познавательной деятельности субъекта познания, что априоризм Канта есть априоризм особого рода. Априорные формы мышления (категории) становятся необходимым и общеобязательным знанием только при наполнении их апостериорно данным знанием. Гносеологическим источником кантовского априоризма является то обстоятельство, что научное исследование всегда предполагает некоторый исходный взгляд на мир, предшествующий данной области явлений (и этому взгляду в известной мере соответствуют кантовские синтетические априорные суждения) [4].

В современных логико-семантических и гносеологических исследованиях, в отличие от Канта, проблема аналитико-синтетического различия распространяется на высказывания любой формы и решается в терминах языковых выражений и их значений.

С идеями современной семантики тесно связан неопозитивистский подход к проблеме аналитического и синтетического. Характеристика аналитических и синтетических высказываний в неопозитивизме частично совпадает с кантовской. Аналитические высказывания априорны и неинформативны, логически истинны и относятся к области теоретического знания; синтетические высказывания – апостериорны и информативны, фактически истинны и относятся к области эмпирического знания.

Принципиальное различие подходов к проблеме аналитического и синтетического у Канта и неопозитивистов состоит в том, что последние, отождествляя аналитическое – с априорным, синтетическое – с апостериорным, проводят именно дихотомию знания. Все суждения или аналитические (априорные), или синтетические (апостериорные). Неопозитивизм отрицает существование синтетического априорного знания; синтетические априорные суждения невозможны. К тому же логический эмпиризм проводит четкое различие между синтетическими и аналитическими утверждениями.

Неопозитивистское решение проблемы различия аналитического и синтетического знания связано с истолкованием теоретического знания как чисто словесного знания, относящегося лишь к употреблению языка. По нашему мнению, различие предложений, фиксирующих два качественно противоположных вида знаний, вполне правомерно. Отождествление же аналитического и синтетического знания в неопозитивизме восходит к узкому метафизическому истолкованию опыта, не охватывающему опыта всей практической и преобразующей деятельности людей [5].

В современной логико-семантической литературе аналитичность в основном рассматривается как функция законов логики и значений языковых выражений. Высказывание аналитическое, если и только если оно (1) логическая истина или (2) трансформируемое в логическую истину заменой одних синонимов другими синонимами. Соответственно высказывание синтетическое, если оно фактически истинно. Например, аналитическими высказываниями являются такие, как (1) «Ни один неженатый мужчина не является женатым» и (2) «Ни один холостяк не является женатым», а синтетическими – такие, как (3) «Мистер Джон не женат».

Против неопозитивистского подхода к проблеме аналитического и синтетического знания и против правомерности только что указанного понятия аналитичности выступили такие неопрагматисты, как У. Куайн, Н. Гудмен. Данные философы, признавая логические истины и соответствующие им высказывания, собственно аналитическими признают высказывания второго типа и утверждают при этом, что обоснование такого рода аналитичности сталкивается с неодолимыми трудностями. Кроме того, Куайн утверждает, что даже если различие между аналитическими и синтетическими высказываниями могло бы быть проведено, то невозможно провести резкой границы между ними.

Куайн пытается более основательно аргументировать свои возражения против аналитичности и синонимии [6]. Отвергая значения как абстрактные сущности и возможность их отождествления, он обращается к неэкстенсиональному языку и когнитивной синонимии (то есть синонимии выражений, имеющих то же самое значение для мышления). Взаимозаменяемость в таком языке, содержащем оператор «необходимо», является достаточным условием познавательной синонимии, но такой язык понятен только в том случае, если понятие аналитичности выяснено заранее. Так, для установления синонимичности выражений «холостой» и «неженатый» надо знать, является ли предложение «Все – и только – холостяки есть неженатые мужчины» необходимо истинным. Но понятие необходимости само опирается на понятие аналитичности. Следовательно, пытаться объяснить аналитичность в терминах когнитивной синонимии, в то время как сама когнитивная синонимия опирается на понятие аналитичности, значит вовлекать в доказательство нечто, подобное кругу [7] .

Куайн доказывает, что сходные соображения относятся и к попыткам уточнить понятия аналитичности и синонимии в терминах семантических правил, то есть в искусственных языках (например, как у Карнапа). Он утверждает, что каждое из ключевых понятий в теории значения определяется только в терминах других близкородственных понятий.

Помимо замечаний, связанных с проблемой синонимии, Куайн выдвинул еще один относительно самостоятельный тезис, направленный против аналитичности. Согласно последнему, даже если возможно различие между аналитическими и синтетическими высказываниями или между логической и фактической истинами, то невозможно провести резкой границы между ними. По мнению Куайна, здесь, может быть, самое большее относительное различие.

По Куайну, нельзя говорить об эмпирической проверке, сведении к опыту отдельных положений науки, отдельных высказываний. Такой проверке подвергаются не отдельные положения науки, а вся система знания в целом. «Единица эмпирического значения есть вся наука», – пишет Куайн [8]. Это известный, так называемый «холистический эмпиризм» Куайна. На этом основании нельзя выделять особый класс синтетических истин, основанных на опыте, в отличие от аналитических истин. По мнению Куайна, лучшее, что может быть получено на пути различия между отдельными видами высказываний, есть относительное различие между теми, которые более и которые менее укреплены в системе вследствие их связей с другими элементами этой системы. Первые – это те высказывания в пределах определенной системы, с которыми мы крайне не расположены расставаться, в отличие от тех, с которыми мы готовы расстаться, если требуется так сделать. Мы не идем на пожертвование первыми высказываниями, потому что пожертвование некоторыми из них повлекло бы вместе с этим отказ от данной научной системы.

Следовательно, в отличие от неопозитивистов, которые описывают только «необходимую» (логическую) истину как конвенциональную, Куайн расширяет сферу конвенций и решения до всех истин, которые мы принимаем, то есть распространяет конвенционализм на все положения науки. Эти же идеи Куайн продолжает развивать (в плане языкового поведения) в известной гипотезе о неопределенности перевода. В итоге своей критики аналитичности Куайн приходит к заключению, что определение аналитичности невозможно ни в области естественных, ни в области искусственных языков.

При оценке взглядов неопрагматистов на проблему аналитического и синтетического знания прежде всего следует различать критику этими философами (особенно Куайном) философских догм логического эмпиризма и их возражения собственно против теоретической обоснованности и методологической полезности различия аналитического и синтетического знания.

Так, неопозитивистский принцип редукционизма действительно неоправданная догма. Однако проблема аналитического и синтетического знания может рассматриваться независимо от догмы редукционизма. Как и идеи логической семантики, а также построение искусственных языков не является прерогативой логического эмпиризма, хотя именно представители последнего (особенно Р. Карнап) внесли определенный вклад в развитие этих идей.

Все возражения неопрагматистов против обоснованности различения аналитического и синтетического знания можно подразделить на две группы: (1) связанные с логико-семиотическим аспектом знания (с проблемой значения и синонимии) и (2) с методологическим и деятельностным аспектом познания (с проблемой структуры и обоснования знания).

Не анализируя проблему значения и синонимии детально (это является задачей отдельного исследования), в отношении позиции неопрагматистов по данному вопросу можно сделать следующие замечания. Прежде всего, нельзя согласиться с мнением неопрагматистов, что понятие значения, на которое явно или неявно опираются многие концепции аналитичности, не обладает объяснительной силой.

Сами неопрагматисты в рассуждениях об аналитичности и синонимии так или иначе опираются на понятие значения. Гудмен в соответствии со своим номинализмом и приверженностью экстенсионалистскому тезису принимает экстенсиональную концепцию значения [9]. Но ее слабости обнаруживает уже сам Куайн. При такой характеристике значения взаимозаменяемость слов «холостой» и «неженатый» с сохранением истинности выражений может быть следствием случайных факторов, как и в ситуациях с выражениями «существо с сердцем» и «существо с почками». Если все и только существа с сердцем есть существа с почками, то есть следствие случая (простого факта), что два выражения всегда прилагаются к одним и тем же вещам, но здесь нет необходимого тождества собственно значения. Иначе говоря, Куайн обращает внимание на неправомерность значения с обозначаемым (референтом).

Однако, скептически относясь и к интенсиональным концепциям значения и синонимии, Куайн все-таки неявно допускает значения и их тождество, поскольку он принимает логически истинные высказывания. Любое высказывание есть употребление предложения и составляющих его слов, поэтому, например, высказывание «Все войны – войны» является логически истинным, если только слово «войны» имеет то же самое значение в каждом из его появлений.

Конечно, при объяснении аналитичности с помощью понятия значения и синонимии возникают определенные трудности. Так, аналитичность, необходимость, когнитивная синонимия есть ряд родственных интенсиональных понятий, которые определяются в известной мере друг через друга, и некоторой кругообразности при этом действительно не избежать. Но это не должно особенно смущать, так как данные понятия разделяют судьбу всех других философских понятий, как не поддающихся строго формально-логическим определениям. Следует, очевидно, избегать примитивного круга в определении. И этого можно достичь за счет принятия наиболее подходящей теории значения, которая, по нашему убеждению, должна, в свою очередь, опираться на принцип отражения. Такая теория позволит осуществить семантический спуск с уровня взаимосвязанных определений указанных выше понятий на уровень основных терминов и предпосылок, понимаемых более непосредственно.

Не может быть абсолютной взаимозаменяемости и абсолютной синонимии, ибо это предполагает неразличимость языковых выражений во всех отношениях. Синонимичные выражения всегда отличаются друг от друга, хотя бы лингвистической оформленностью. В то же время отсутствие взаимозаменяемости языковых выражений, традиционно считаемых синонимичными или действительно тождественных по значению, в некоторых контекстах может быть связано с несемантическими аспектами (например, прагматическими).

Относительно второй группы возражений неопрагматистов о проблеме аналитического и синтетического, высказанных в основном Куайном, можно отметить следующее. В противоположность жесткому, формально-логическому подходу неопозитивистов к познанию вообще и к системе аналитического и синтетического знания частности, в доводах этой группы Куайн подчеркивает генетический и деятельностный характер познания. Против наличия такого характера и учета соответствующего аспекта познания в гносеологии возражать не приходится.

В процессе познания мы имеем единство чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, синтетического и аналитического и т. д. Уже Гегель показал, что с точки зрения диалектики в каждом суждении мы имеем единство аналитического и синтетического и что различие между аналитическим и синтетическим познанием и знанием является не абсолютным, а относительным. Поэтому утверждение Куайна об отсутствии резкой границы между аналитическими и синтетическими высказывания в принципе верно. Куайн пересматривает неопозитивистский принцип конвенционализма с позиций «более полного прагматизма» [10]. Генетический и

деятельностный подход к познанию и бихевиористский подход к языку используются им для обоснования релятивизма. В соответствии с его позицией теряется всякая определенность различных типов знания (особенно в структуре теории).

Обычно логическая структура определяется через аналитичность. Именно аналитические принципы, такие как принцип противоречия, принцип исключенного третьего и т. п., конституируют структуру любой концептуальной системы. Но в своей монографии «Слово и объект» Куайн дает следующее образное определение структуры теории: «Теория как целое… это строение из предложений, разнообразно связанных друг с другом и с несловесными стимулами через механизм обусловленной реакции. …Теория обусловливает разделение чувственных данных по предложениям. В арке верхний блок поддерживается непосредственно другими верхними блоками и, в конечном счете, всеми нижними блоками совместно, а не индивидуально; так и с предложениями, когда они теоретически приспособлены. Контакт блока с блоком – это ассоциация предложения с предложением, а нижние блоки – это предложения, обусловленные несловесными стимулами. Возможно, нам следует подумать об арке, шатающейся при землетрясении; так, даже нижний блок поддерживается иногда только другими нижними блоками через эту арку» [11].

Здесь же Куайн замечает, что аналогии с тканью и аркой хорошо дополняются аналогией с сетью, которую развивает Р. Карнап в своих «Философских основаниях физики» [12]. Далее Куайн вслед за О. Нейратом сравнивает науку с лодкой, находящейся в плавании, а ученых – с моряками, которым необходимо ее переделать на плаву [13].

Если перевести метафору на научный язык, то Куайн, в сущности, принимает прагматическую концепцию знания как совокупного общественного продукта. Человек, делающий вклад в науку, стремится к максимальному его увеличению. Однако мы ограничены в том, как мы можем начать, мы не можем отделить умозрительные (концептуальные) украшения от собственно описания объективного мира, и степень понятийного концептуального суверенитета человека (как область, в пределах которой он может пересматривать теорию, в то же время сохраняя данное) фактически ничем не ограничена.

По нашему мнению, теоретическая обоснованность различения аналитического синтетического знания связана с определенностью познания, которая, в свою очередь, задается и конституируется социально-практической направленностью познания через деятельность познающего субъекта. Даже при учете деятельностного аспекта познания можно утверждать, что оно не только обладает неопределенностью, на которую указали неопрагматисты, но и определенностью. Различение аналитического и синтетического знания в общем виде есть выражение качественной определенности знания по глубине отражения объективной реальности и по форме отражения, фиксированной в языке. Но реализуется это различие в определенной функционирующей («работающей») системе, предназначенной для осуществления определенных познавательных и коммуникативных целей.

Аналитичность есть выражение в языке определенной системы понятий. Аналитические высказывания необходимы для фиксации и выражения отношений между понятиями определенной системы как некоторой целостности и относительно самостоятельного образования. Аналитические высказывания истинны на основе отношений между понятиями в определенной системе. Аналитические высказывания, прежде всего, несут информацию о системе понятий. В этом плане даже тавтологии, будучи тривиальными, не являются бесполезными.

Осуществление аналитико-синтетического различия в естественном языке, по нашему мнению, достигается аналогичными способами, хотя в отличие от искусственных языков связано по преимуществу с коммуникативными целями. Хотя значения слов в естественном языке являются «открытыми», изменяющимися (и в этом смысле неопределенными), но они эксплицируются в речевой деятельности говорящих на данном языке.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Представители неопрагматизма (У. Куайн, Н. Гудмен) в своей критике догм неопозитивизма и дихотомии аналитическое/синтетическое обратили внимание на деятельностный и генетический аспекты познания и проблему неопределенности знания. В этом позитивный момент их подхода к проблеме аналитического и синтетического знания.

2. Однако отрицание неопрагматистами правомерности аналитико-синтетического различия ведется с позиций прагматизма и релятивизма. Для них характерна метафизическая ограниченность во взглядах на познание и узкое толкование познавательной деятельности, вырождающееся (например, у Куайна) в бихевиоризм. Хотя неопрагматизм стимулировал более тщательное исследование проблемы аналитического и синтетического знания, чем это делалось ранее, его собственная позиция по этому вопросу мало конструктивна.

3. По нашему мнению, хотя деление знания на аналитическое и синтетическое и не является абсолютным, теоретически обоснованно и методологически полезно. Теоретическая обоснованность указанного деления связана с определенностью познания и знания, которая конструируется практикой. В деятельностном плане различие аналитического и синтетического связано с различием дедуктивного и индуктивного методов познания. В методологическом плане понятие аналитичности позволяет осуществить различные знаковые преобразования на основе значений языковых выражений в определенной системе [14].

Примечания

1. *Карнап Р.* Философские основания физики: введение в философию науки. М.: УРСС, 2003. С. 7.

2. *Абрамян Л. А.* Учение Канта об аналитическом и синтетическом знании // Вопросы философии. 1975. № 2. С. 75.

3. *Терехина М. И.* Аналитические и синтетические знания // Актуальные проблемы философии науки: учеб. пособие / М. И. Терехина, Г. П. Трофимова, М. Х. Хаджаров, В. И. Сорокина. М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. С. 49–68.

4. *Швырев В. С.* Кантово учение о синтетическом априори и современная методология науки // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 135.

5. *Смирнова Е. Д.* К проблеме аналитического и синтетического // Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962. С. 332–333.

6. *Куайн У. В. О.* Слово и объект. М.: Праксис: Логос, 2000. 385 с.

7. *Самсонов В. Ф.* Значение и перевод: спецкурс. Челябинск, 1978. 55 с.

8. *Куайн У. В. О.* Указ. соч. С. 42.

9. *Goodman N.* On Likeness of Meaning // Semantics and the Philosophy of Language. Urbana, 1952.

10. *Куайн У. В. О.* Указ. соч.

11. Там же. С. 11.

12. *Карнап Р.* Указ. соч.

14. *Терехина М. И.* Указ. соч. С. 68.

Notes

1. Karnap R. Philosophical foundations of physics: an introduction to the philosophy of science. M.: URSS, 2003. P. 7

2. Abrahamian L. A. the Doctrine of Kant on analytic and synthetic knowledge //Questions of philosophy. – 1975. – No. 2. – P. 75

3. Terekhina M. I. Analytical and synthetic knowledge // Actual problems of philosophy of science: proc. the allowance /M. I. Terekhina, G. P. Trofimova, M. H. Chagarov, V. I. Sorokina. M.: Flinta : Nauka, 2015.With.49 – 68.

4. Shvyrev, V. S., Kant's doctrine of synthetic a priori and the modern methodology of science // Questions of philosophy. 1974. No. 4. – P. 135

5. Smirnova E. D. To the problem of analytic and synthetic /Philosophical problems of contemporary formal logic. M., 1962. P. 332-333

6. Quine W. V. O. Word and object. – M.: Praksis: Logos, 2000. – 385c.

7. Samsonov, V. F., Meaning and translation. A special course. – Chelyabinsk, 1978. – 55 S.

8. Quine W. V. O. Word and object. – M.: Praksis: Logos, 2000. – P. 42

9. Goodman N. On Likeness of Meaning /Semantics and the Philosophy of Language. Urbana, 1952.

10. Quine W. V. O. Word and object. Moscow: Praksis: Logos, 2000. 385c.

11. Ibid. P. 11

12. Karnap R. Philosophical foundations of physics: an introduction to the philosophy of science. M.: URSS, 2003. 385 p.

14. Terekhina M. I. Analytical and synthetic knowledge // Actual problems of philosophy of science: proc. the allowance /M. I. Terekhina, G. P. Trofimova, M. H. Chagarov, V. I. Sorokina. M. : Flinta : Nauka, 2015. P. 68.

УДК 355.484(092)

Е. Н. Гарин, А. В. Леопа

Выбор Александра Невского как основа приоритетов политики Российского государства

Современный этап российской истории характеризуется выбором путей ее дальнейшего развития, выбором приоритетов и союзников. В контексте повышения давления со стороны ряда западных стран все более актуальным становится исторический выбор, сделанный князем Александром Невским, на время правления которого выпал переломный этап истории России.

При выборе между Западом, навязывающим католицизм в России, и толерантным Востоком – Золотой Ордой – предпочтение было отдано последнему. Сохраненные князем Александром духовные ценности позволили нашему народу набраться сил и впоследствии обрести независимость.

Александром Невским заложены основные приоритеты внешней и внутренней политики нашего государства на многие столетия вперёд. Эти приоритеты лежат в основе многовекового могущества России. Его опыт обращения к духовным ценностям в критические для общества и государства периоды истории может быть положительно воспринят и реализован в современных условиях.

The modern stage of Russian history is characterized by the choice of the ways of its further development, selection of priorities and allies. In the context of increasing pressure from a number of Western countries ever more pressingly becomes relevant historical choice of knyaz Alexander Nevsky, at which time the board has dropped a crucial period of Russian history.

In choosing between the West imposing Catholicism to Russia and tolerant East – Golden Horde, preference was given to the latter. Saved by Alexander spiritual values of our people allowed to gain strength and subsequently, to become independent.

Alexander Nevsky laid down the main priorities of domestic and foreign policy of our state for many centuries to come. These priorities form the basis of centuries of Russian power. His experience appeals to spiritual values at critical to society and the State periods of history can be well received and implemented in modern conditions.

Ключевые слова: Александр Невский, исторический выбор, становление Руси, Золотая Орда, агрессия Запада, духовные ценности.

Keywords: Alexander Nevsky, the historic choice, the formation of Russia, the Golden Horde, the West's aggression, spiritual values.

Сегодня, как и более семи веков назад, Россия стоит перед выбором путей дальнейшего развития, перед выбором своих союзников на этом пути. Как и во времена Александра Невского, сегодня Запад во главе с Соединёнными Штатами Америки пытается навязать нам свой образ жизни, мораль, свою культуру потребительского общества, где царит культ наживы. Наиболее агрессивные политические деятели Запада вынашивают планы расчленения России, чтобы ослабить её, захватить природные богатства, сократить население страны до 50 миллионов и сделать их своими рабами.

Обострение военно-политической обстановки в мире в своём докладе на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны 11 декабря 2015 г. отметил министр обороны Российской Федерации генерал армии Сергей Кужугетович Шойгу: «Наблюдается последовательное расширение блока НАТО… Только за этот год в странах Балтии, Польши и Румынии натовский контингент увеличился по самолетам в восемь раз, а по количеству военнослужащих – в 13 раз. На их территории дополнительно переброшены до 300 танков и БМП, развертываются комплексы противоракетной обороны “Иджис Эшор” в Румынии и Польше» [1].

© Гарин Е. Н., Леопа А. В., 2016

В этих условиях неоценим опыт Александра Невского, сумевшего вовремя распознать замыслы немецких крестоносцев и шведов, правильно оценить угрозы, идущие с востока, и из двух зол выбрать меньшее. Этот правильный выбор Александра Невского позволил спасти Русь от гибели и заложить основы её могущества. Этот опыт весьма актуален сегодня, когда, как отмечал С. П. Капица, «[…] наша страна и мир в целом ищут если не национальную идею, то понимание того, что происходит, ищут духовную опору, определяющую, как двигаться и куда двигаться» [2].

В начале первой половины XIII в. над Русью с двух сторон нависла угроза порабощения иноземными захватчиками – с Запада и Востока.

С запада опасность для Руси представляли немецкие рыцари, шведы и литовцы. В 1230-х гг. папа римский Григорий IX объявил крестовый поход против «еретиков», призвав шведские церковные власти и немецких рыцарей к борьбе с ними. Еретиками были объявлены православные русские, которых крестоносцы должны были либо обратить в католичество, либо уничтожить, а также захватить новые земли, искоренить народы.

Первым с крестоносцами столкнулся отец Александра Невского – Ярослав Всеволодович. К 1234 г. орден меченосцев расширил своё влияние до новгородских земель и начал совершать набеги на них. Ярослав Всеволодович нанёс крестоносцам поражение вблизи занятого ими города Юрьева. По итогам мирного договора крестоносцы уступали Пскову часть своих земель в районе Дерпта.

В 1237 г. Тевтонский орден и орден меченосцев создали в Прибалтике государство «ливонский орден». В 1240–1242 гг. крестоносцы организовали крестовый поход против Новгорода.

Первыми этот поход начали шведские рыцари. В июле 1240 г. они высадились на берегу Невы, в путь их благословили католические священники. Шведский вождь обратился к новгородскому князю: «Если хочешь противиться мне, то я уже пришёл. Приди и поклонись, проси милости, и дам её, сколько захочу. А если воспротивишься, попленю и разорю всю и порабощу землю твою и будешь ты мне рабом и сыновья твои» [3].

Новгородский князь Александр решил ударить по шведам немедленно. 15 июля 1240 г. он нанёс по ним внезапный удар, разгромив их. В честь этой победы на Неве князя Александра стали называть Невским. Зимой 1240–1241 г. немецкие крестоносцы на части завоеванных новгородских территорий основали крепость Копорье и готовились к походу на Новгород. Александр Невский действовал стремительно и решительно. Вначале он взял крепость Копорье и разрушил её. Затем взял Псков и двинулся на запад. Решающее сражение с немецкими рыцарями состоялось 5 апреля 1242 года на Чудском озере, вошедшее в историю как Ледовое побоище. Разгром немецких рыцарей был полным. Эта победа надолго сломила орденские движения на восток, определила путь независимого развития северо-западных земель.

Угрозу Руси с востока представляли татаро-монголы. В 1237 г. хан Батый начал поход на северо-восточную Русь. В результате были захвачены и разгромлены такие города, как Рязань, Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец, Переславль, Кострома, Юрьев-Польской, Галич, Дмитров, Тверь, Торжок, Козельск, Муром, Нижний Новгород и др. [4]

В 1239 г. татаро-монголы начали завоевательный поход на запад. Они разорили Киев, Чернигов, а затем Галицко-Волынское княжество. В 1241 г. Батый нанёс поражения Польше, Венгрии, Чехии, Молдавии, Валахии, Хорватии. Возвратившись в 1242 г., Батый основал в низовьях Волги свою столицу – Сарай-Бату. Это была столица огромного государства – Золотой Орды.

В результате татаро-монгольского нашествия Русь была разорена и опустошена. Большинство городов было сожжено, многие ремесленники либо погибли, либо были уведены в плен, храмы были разграблены. Русский историк М. П. Погодин так описывает это время: «Умилительное высокое зрелище представила Русская земля в эту критическую минуту своей истории, о которой нельзя вспоминать без благоговения! Святая Русь была сокрушена, но после мужественной обороны. Воины дружины, бояре, отроки – все честно исполнили свой долг и положили живот свой за Отечество, за веру христианскую…» [5]

Быть или не быть Руси? Решение этого вопроса выпало на долю Александра Невского.

Свой интерес в установлении отношений с Русью преследовала Римско-католическая церковь. В 1248 г. папа Иннокентий IV прислал Александру Невскому письмо, в котором он предлагал ему стать союзником, присоединиться к Римской церкви. За это папа римский обещал оказать помощь в борьбе с татаро-монголами. В то же время в письме звучала угроза Александру Невскому: если не примешь нашей веры и не подчинишься, то будешь ославлен по всему миру как безумец, лишённый здравого смысла, а если подчинишься, то будешь прославлен и возвеличен как первый среди католиков [6]. Известно, что Даниил Галицкий, князь Галицко-Волынского княжества, принял католичество в надежде на военную помощь папы в противостоянии монголам. Но это не принесло ему ни папской помощи, ни славы.

Одновременно папа Иннокентий IV вступил в переговоры с братом Александра Невского – Андреем Суздальским. Андрей, получивший грамоту на княжение во Владимире после своего отца, Ярослава Всеволодовича, отравленного в Каракоруме по обвинению якобы в союзе с папой римским [7]. Выступив против монгольского войска, князь Андрей потерпел поражение и вынужден был бежать в Новгород [8]. После этого, в 1252 г., хан Золотой Орды Сартак даровал ярлык на княжение во Владимире Александру Невскому, помогавшему татарам.

Александр Невский отказался вступить в союз с папой римским. В своём ответе он заявил, что «мы не хуже вас знаем христианское учение, и потому ваши притязания на первенство и главенство по отношению к нам – не более чем гордыня и политические интриги, не имеющие под собой настоящей основы» [9].

Александр Невский к тому же понимал, что борьба с Золотой Ордой, в которую втягивал русских папа римский, обернулась бы для Руси в её ослабленном и разграбленном состоянии окончательным разгромом и погибелью.

Александр Невский, сделав выбор в пользу Золотой Орды, видел, что, в отличие от Запада, татаро-монголы не захватили территорию Руси. Здесь постоянно не стояли татаро-монгольские войска, не переселялось татарское население. Русские княжества оставались во владении русских князей, но грамоты на княжение – «ярлыки» – они получали у хана Золотой Орды. Первым ярлык на княжение получил отец Александра Невского – Ярослав Всеволодович.

Проведя в 1257–1259 гг. перепись населения, Золотая Орда ввела налоги: дань, поплужные (подать с плуга), ям (на ямскую гоньбу – почтовую службу). Русская православная церковь была освобождена от налогов и получила охранную грамоту, признававшую неприкосновенность православной веры, храмов, церковного имущества. Татары веротерпимо относились ко всем религиям. В Сарае была учреждена епархия Русской православной церкви. Золотая Орда проводила рекрутские наборы в русских городах, в то же время участвовала в разгроме крестоносцев, шведов, литовцев.

Итак, выбор был сделан в пользу Золотой Орды.

Уже в скором времени русские дружины приняли участие в походе на аланов. Конница Золотой Орды не раз оказывала помощь русским князьям в борьбе с немецкими и шведскими крестоносцами.

При поддержке хана Золотой Орды Александр Невский заключил союз с литовским князем Миндовгом против крестоносцев. Он был близок к своей второй дипломатической победе, по значимости равной союзу с Ордой. Но, возвращаясь из поездки в Орду, 14 ноября 1263 г. князь скончался.

Похоронен Александр Невский был в церкви Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире. Митрополит Кирилл говорил: «Чадо мои, знайте, уже зашло солнце земли Суздальской!» [10]

В 1547 г. князь Александр Невский был причислен к лику общероссийских святых. По Указу Петра I 30 августа 1724 г. святые мощи Александра Невского были перенесены из Владимира в собор во имя Святого Александра Невского в Санкт-Петербурге, а в 1790 г. – в воздвигнутый Екатериной II новый соборный храм в Александро-Невской лавре, где и по сей день покоятся в Свято-Троицком соборе. Частица мощей Александра Невского (мизинец) хранится в Успенском соборе г. Владимира.

Усилия Александра Невского не пропали даром. Уже при его жизни начали оживать русские города, восстанавливаться храмы, отстраиваться сёла. Но самым главным результатом усилий этого великого князя стало возрождение гордого духа свободы, стремления к борьбе за независимость своей земли, ненависти к «ордынцам», которые вдохнул Александр Невский в русский народ. Этого он добился и победами над крестоносцами и литовцами на западе, и мудрой политикой в отношениях с Ордой. «Свободный от высокомерия и ощущения исключительности, он действительно заложил основу той политики, что привлекала к России народы Евразии на протяжении веков и даже в новейшее время…» [11], – пишет Н. А. Нарочницкая.

Политику Александра Невского продолжили его сыновья и внуки. В начале XIV в. объединительным центром Северо-Восточной Руси становится Москва. Начинается восстановление единства русских княжеств. Орда теряет былую мощь. В этих условиях политика Александра Невского продолжается в политике его праправнука Дмитрия Донского.

Куликовская битва в 1380 г. стала началом перелома во взаимоотношениях Северо-Восточной Руси и Золотой Орды, завершившегося в 1480 г. завоеванием полной независимости от татаро-монголов.

В 1725 г., по воле Петра I, Екатерина I учредила орден Александра Невского за его выдающиеся заслуги перед Отечеством. В XX в. Александр Невский был заново оценен как величайший образец государственного деятеля. В 1942 г. был учреждён орден Александра Невского – награда

для командиров, проявивших свои полководческие таланты и личное мужество на поле боя. В годы Великой Отечественной войны более сорока тысяч человек были награждены этим орденом. В 2010 г. в новой России орден Александра Невского был возрождён. Таким образом, именно орден Александра Невского стал единственной наградой, существовавшей в Российской империи, Советском Союзе, а теперь и в Российской Федерации.

Этот факт говорит о том, что есть такие заслуги перед своим народом и Родиной, которые одинаково высоко оцениваются при любом общественном строе. Именно такие заслуги перед Родиной имеет князь Александр Невский.

Примечания

1. *Козанчук Ф. Н.* Доклад Верховному Главнокомандующему // Российское военное обозрение. 2015. № 12(140). С. 14.

2. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть… человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 8.

3. История России. С древнейших времён до XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматулин и др.; под ред. Н. Сахарова. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. С 167–168.

4. Там же. С. 161.

5. *Малягин В.* Святой благоверный князь Александр Невский. М.: ООО «Даниловский благовестник», ЗАО ИД «Комсомольская правда». 2013. С. 58–59.

6. Там же. С. 94, 95.

7. *Гумилёв Л. Н.* От Руси к России. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. С. 159.

8. *Бычков А. А.* Московия. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007. С. 172.

9. *Малягин В.* Указ. соч. С. 104.

10. Там же. С. 137.

11. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 32.

Notes

1. Kozanchuk F. N. Doklad Verhovnomu Glavnokomanduyushchemu [The report to the Supreme Commander] // Rossijskoe voennoe obozrenie – Russian military review. 2015, No. 12(140), p. 14.

2. «Kruglyj stol» zhurnala «Voprosy filosofii», posvyashchyonnyj obsuzhdeniyu knigi N. N. Moiseeva «Byt' ili ne byt'… chelovechestvu?» – Round table of magazine "Questions of philosophy", devoted to the discussion of N. N. Moiseev's books "To be or not to be... the mankind?" // Voprosy filosofii - Questions of philosophy. 2000, No. 9, p. 8.

3. Istoriya Rossii. S drevnejshih vremyon do XXI veka - The History of Russia. From ancient times to the XXI century / A. N. Sakharov, L. E. Morozova, M. A. Rakhmatulin, etc.; ed. Sakharov. M. AST: Astrel: Khranitel'. 2008. Pp. 167-168.

4. Ibid. P. 161.

5. Malyagin V. Svyatoj blagovernyj knyaz' Aleksandr Nevskij [Holy Nobleborn Prince Alexander Nevsky]. M. "Danilovsky blagovestnik" LTD, Publishing house "Komsomolskaya Pravda". 2013. Pp. 58-59.

6. Ibid. Pp. 94, 95.

7. Gumilev L. N. Ot Rusi k Rossii [From Rus ' to Russia]. M. AST: AST Moscow. 2008. P. 159.

8. Bychkov A. A. Moskoviya [Moskoviya]. M. Olimp: AST: Astrel. 2007. P. 172.

9. Malyagin V. Op. cit. P. 104.

10. Ibid. P. 137.

11. Narochnitskaya N. A. Rossiya i russkie v mirovoj istorii [Russia and the Russians in world history]. M. Mezhdunar. otnosheniya. 2003. P. 32.

УДК 94(470.342)

И. А. Соловьева

Деятельность Вятской биржи труда (1918–1930 гг.)

Статья посвящена анализу деятельности Вятской биржи труда с момента ее создания в январе 1918 г. до ликвидации в декабре 1930 г. В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Кировской области, практически все они впервые вводятся в научный оборот. Автор рассматривает основные направления деятельности Вятской биржи труда в разные годы. В период Гражданской войны – регистрация безработных, сбор сведений о вакантных рабочих местах, обеспечение исполне-

© Соловьева И. А., 2016

ния всеобщей трудовой повинности. В период новой экономической политики – трудоустройство безработных в разных отраслях хозяйства Вятской губернии и за ее пределами, а также оказание социальной помощи гражданам, потерявшим работу. В статье используются статистические данные, извлеченные из архивных документов.

This article analyzes the activities of Vyatka Labor Exchange since its inception in January 1918, prior to liquidation in December 1930. The research is based on documents from the collections of the State Archive of the Kirov region, almost all of them are first introduced in the scientific usage. The author considers the main activities of Vyatka Labor Exchange over the years. During the Civil War: the registration of the unemployed, collecting information on job vacancies, the enforcement of universal labor conscription. During the implementation of the New Economic Policy: employment of the unemployed in the various sectors of the economy in Vyatka province and beyond, as well as social assistance to citizens who have lost their jobs. The paper uses statistical data retrieved from the archive documents.

Ключевые слова: Вятская губерния, Вятская биржа труда, безработица, безработные, Гражданская война, новая экономическая политика, всеобщая трудовая повинность, коллективы безработных, социальная помощь.

Keywords: the Vyatka province, Vyatka Labour Exchange, unemployment, unemployed, Civil War, New Economic Policy, universal labor conscription, the groups of unemployed, social assistance.

Оказание трудовой и социальной поддержки безработным гражданам является одной из важнейших задач государства, провозглашающего себя социальным. Впервые эта обязанность в широком масштабе была принята на себя российским государством после провозглашения советской власти в октябре 1917 г. В системе новых политических институтов одним из центральных органов исполнительной власти стал Народный комиссариат труда, в ведение которого были переданы все вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений, а также оказанием трудовой и социальной помощи безработным гражданам. На местах, на уровне губерний и уездов, создавались отделы труда местных Советов.

В середине января 1918 г. был сформирован Вятский губернский отдел труда, который первоначально не имел ни четкой структуры, ни определенного круга задач; он занимался в основном разрешением трудовых споров и пытался организовать работу по охране труда. Лишь в июле 1918 г. НК труда принял Положение об отделах труда местных Советов, определяя среди их задач «выяснение потребностей торговли, промышленности, сельского хозяйства и транспорта в рабочей силе; учет и распределение рабочей силы; принятие мер для привлечения к работе способных к труду» [1]. Эти функции возлагались на одно из подразделений отдела труда – подотдел распределения рабочей силы, или биржу труда. «Положение о биржах труда» от 31 января 1918 г. предусматривало учреждение местных бирж труда при органах городского и земского самоуправления в населённых пунктах с числом жителей не менее 20 тысяч. В поселениях с меньшим количеством жителей биржа труда могла быть открыта по ходатайству профсоюзов, рабочих или сельскохозяйственных комитетов. К функциям местных бирж труда относились: регистрация безработных и «спроса на труд» (имеющихся у работодателей вакансий); оказание посреднических услуг по найму работников; сбор сведений о местном рынке труда и издание соответствующих бюллетеней; устройство столовых, общежитий и библиотек-читален для безработных; контроль за получением пособий согласно закону страхования от безработицы. Управление местной биржей труда возлагалось на комитет биржи труда, в который включались по два представителя профсоюзов, местного Совета рабочих депутатов, городского и земского самоуправлений. Услуги биржи труда предоставлялись бесплатно, а расходы на ее содержание покрывались средствами городского и земского самоуправлений, а также государственной субсидией. Одновременно запрещалась деятельность всех частных коммерческих контор и бюро по найму, а нарушение этого запрета влекло наказание до 6 месяцев тюремного заключения [2].

«Положение о биржах труда» предусматривало увольнение с работы «всех состоятельных служащих» и «лиц, имеющих значительные капиталы» с предоставлением освободившихся рабочих мест следующим категориям граждан: материально не обеспеченные семейные и холостые демобилизованные солдаты; материально не обеспеченные семейные и холостые граждане, не несшие военной службы; безработные семейные солдаты, средства которых ограничены и других трудоспособных в семье нет; безработные семейные граждане, в чьих семьях ограничено количество работников и средств; все остальные безработные. Если один из членов семьи служащего получает «вознаграждение, достаточное для прожития семьи», то все остальные служащие – члены этой семьи – должны быть уволены. «Нормальный оклад» для семьи из двух человек определялся в 300 рублей, из трех человек – в 400 рублей, из четырех человек – в 450 рублей, из

пяти человек – в 500 рублей в месяц. Увольнению подлежали также лица, чьих средств достаточно для прожития в течение одного года; имеющие собственные мастерские или земельные наделы с организованным хозяйством; лица, занимающие одновременно две или более должности; получающие «достаточные для пропитания пенсии». Эти правила не распространялись на служащих, занимающих выборные должности. Разрешалось «удерживать на местах рабочих и служащих специалистов в том случае, если замена последнего не специалистом или узко специализированным рабочим может вредить делу». При приеме на работу предпочтение должно было отдаваться специалисту перед работником, не имеющим специальных навыков. Данное постановление носило временный характер: «Вслед за исчезновением безработицы все прежде уволенные вновь возвращаются на свои места» [3].

Вятская биржа труда была открыта 13 декабря 1917 г. и располагалась в здании Совета рабочих и солдатских депутатов на Кафедральной площади губернского центра. Подведомственная ей территория охватывала Вятку и близлежащие уезды: Вятский, Слободской, Орловский. Общее количество зарегистрированных безработных в январе 1918 г. составило 1189 человек, в феврале – 781, среди них преобладали канцелярские и торгово-промышленные служащие, а также рабочие-металлисты [4]. В период Гражданской войны в России действовала всеобщая трудовая повинность в отношении большинства граждан в возрасте от 16 до 50 лет. В соответствии с Положением об органах учёта и распределения рабочей силы, изданным СНК 1 ноября 1918 г., к обязанностям бирж труда добавился учёт «безработных, работы не ищущих, а также всех вообще граждан, не занятых общественно полезным трудом, подлежащих трудовой повинности», и всех лиц, работающих по найму [5].

Приведенные ниже данные свидетельствуют о том, что в период с весны 1918-го до весны 1919 г. официальный уровень безработицы в Вятке и ближайших уездах был невысок и довольно стабилен, но при этом оказывалась велика неудовлетворенная потребность в квалифицированных рабочих (табл. 1).

Таблица 1

Сведения Вятской биржи труда (апрель 1918 – апрель 1919 г.) [6]

Категории безработных	***Специальности***	***Состояло на учёте на 25 апреля 1918 г.***		***Состояло на учёте на 24 апреля 1919 г.***		***Вакансии на 15 апреля 1919 г.***	
		Муж.	***Жен.***	***Муж.***	***Жен.***	***Муж.***	***Жен.***
I	Слесари	3		3		702	
	Кузнецы	2					
	Молотобойцы	1					
II	Плотники	2		3		228	
III	Овчинники	1				77	
	Сапожники						
VI	Наборщики		4				
	Переплётчики		1				
VIII	Хлебопеки	1		1			8
IX	Маляры	1				11	
X	Портные	1				12	
XI	Кладовщики	1					
	Приказчики	1	1	1	1		
XIII	Прислуга		3				
	Сторожа		2		2		
	Рассыльные	2	2	2	1		
XV	Сиделки		4		8		
XVI	Машинистки		2				
	Художники	1					
	Учителя	1	2				
XVII	Писцы	2		2	2		
	Счетоводы	1		1	1		
XVIII	Чернорабочие	17	1	19	3		
Итого		***38***	***22***	***32***	***18***	***1030***	***8***

Поэтому с весны 1920 г. Вятская биржа труда при помощи отделов труда уездных исполкомов аккумулировала еще и сведения о представителях наиболее востребованных профессий, демобилизующихся из армии: горнорабочих, ветеринарах, электротехниках, юристах, полиграфистах, работниках культурно-просветительных учреждений.

Таким образом, в период Гражданской войны Вятская биржа труда была вынуждена решать две встречные проблемы: трудоустройство безработных и поиск квалифицированных рабочих и служащих на имеющиеся вакансии. Полную картину результатов этой деятельности воссоздать пока не представляется возможным ввиду фрагментарности сохранившихся сведений.

С переходом советского государства весной 1921 г. к новой экономической политике стали постепенно уходить в прошлое чрезвычайные меры, была отменена всеобщая трудовая повинность, вновь допускалось частное предпринимательство в легкой промышленности, торговле и сфере обслуживания, разрешался наемный труд и в сельском хозяйстве. По окончании военных действий на фронтах Гражданской войны в города и села стали возвращаться тысячи демобилизованных красноармейцев. В этой ситуации в Вятской губернии стала все больше ощущаться нехватка рабочих мест, тем более что здесь не было крупных промышленных предприятий, восстановление работы которых могло бы обеспечить занятость значительного количества людей трудоспособного возраста. Вятской бирже труда пришлось расширять сферу своей деятельности; в частности, она стала заниматься организованной вербовкой рабочей силы на предприятия за пределами Вятской губернии: в Донбасс, Кузбасс, Северо-Двинскую губернию, на строительство Волховской и Каширской ГЭС, добывающих предприятий «Лензолото», «Уралплатина» и др. С этой целью заводились специальные регистрационные карточки по учету тех или иных специалистов, а начиная с 1922 г. составлялись ежедневные сводки и еженедельные ведомости по состоянию рынка труда.

Важным шагом в оказании трудовой помощи безработным стала организация, начиная с 1923 г., профессиональных коллективов безработных. Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 22 декабря 1924 г. предусматривало создание при биржах труда объединенных коллективов безработных, руководство и контроль за которыми осуществлялись на основании инструкции НК труда РСФСР, изданной 26 сентября 1925 г. В инструкции, полученной правлением Объединенных коллективов безработных при Вятской бирже труда 14 марта 1925 г., говорилось, что производственные, торговые и трудовые коллективы создаются в целях оказания трудовой помощи зарегистрированным безработным. При организации коллективов принимается во внимание количество безработных данной профессии, экономическая целесообразность, состояние рынка труда, возможность получения сырья и сбыта продукции, а также «возможность создания жизнеспособного коллектива, окупающего себя и ни в коем случае не носящего филантропического характера». Отдавать предпочтение следует наиболее трудоемким производствам, чтобы занять большее количество людей; по особому постановлению Комитета биржи труда можно организовывать коллективы для подростков и женщин, «нуждающихся в дотации». Обязательным условием являлась периодическая смена состава работающих членов коллектива (как правило, раз в 6 месяцев) «в целях наиболее равномерного распределения трудовой помощи между безработными»; в особых случаях могла допускаться работа без ограничений в сроке, но не более 20% от общего числа занятых. «Окрепшие в хозяйственном отношении» предприятия и коллективы могли быть переданы хозяйственным органам или реорганизованы в кооперативы (если смена работников по условиям производства нецелесообразна) [7].

25 ноября 1925 г. было зарегистрировано Положение «Об объединении коллективов безработных и их предприятий, находящихся при Вятской бирже труда». Здесь разъяснялось, что коллективы безработных и их объединения считаются государственными органами; их средства складываются из нескольких источников: суммы, вырученные от работы коллективов; субсидии государства и местных органов; средства, предназначенные на выплату пособий безработным, занятым на предприятиях; пожертвования общественных организаций, частных лиц. Чистая прибыль всех предприятий и коллективов поступает в распоряжение Комитета биржи труда, который употребляет эти средства «исключительно на расширение трудовой помощи безработным»; размер оплаты труда работающих определяется тарифным соглашением, заключаемым Правлением с соответствующим профсоюзом [8].

Целый ряд нормативных документов обеспечивал льготные условия деятельности коллективов безработных. Так, инструкция НК труда и НК финансов РСФСР от 22 апреля 1925 г. «О порядке предоставления налоговых льгот предприятиям и коллективам, организуемым Комитетом биржи труда для оказания трудовой помощи безработным» освобождала все предприятия и коллективы независимо от размера оборота от промыслового и подоходного налогов в течение 6 месяцев со дня организации. В дальнейшем они приравнивались к кооперативам: освобождались

от налогов предприятия с оборотом менее 10 тыс. руб. в окладное полугодие и находящиеся вне городов предприятия по производству и первичной обработке сельскохозяйственной продукции. Предприятия с большим оборотом облагались промысловым и подоходным налогами по пониженным ставкам: на 50%, если они сбывали продукцию исключительно своего производства или обслуживали исключительно членов своего коллектива; на 25%, если обслуживали ещё и посторонних лиц или сбывали также продукцию стороннего производства. Все остальные налоги и сборы они выплачивали как государственные органы, состоящие на госбюджете, соответственно от оплаты почтового гербового сбора и договоров по гражданско-правовым сделкам освобождались [9].

С 1923 по 1927 г. в Вятке были созданы и достаточно стабильно функционировали коллективы безработных кожевников, парикмахеров, совторгслужащих, чернорабочих, портных, переплетчиков, прачек и лотошников (людей, занимавшихся мелкой торговлей с лотков вразнос). Организованный в 1927 г. коллектив безработных художников был вскоре передан под руководство профсоюза работников искусства, а коллектив киномехаников пришлось ликвидировать, так как часть его членов стала выполнять заказы на частной основе [10]. В течение очень недолгого периода существовал коллектив безработных цирковых артистов, которые, видимо, вскоре покинули Вятку.

Наибольшее количество безработных в губернском центре и уездах Вятской губернии наблюдалось в 1926 г. – первой половине 1927 г., причем в рамках этого периода наблюдалось сезонное колебание. 1 февраля 1927 г. на Вятской бирже труда состояли 4 363 человека: 1770 мужчин и 2593 женщины, в том числе 473 подростка [11]. В марте 1927 г. было зарегистрировано уже 4 600 безработных, среди них квалифицированные рабочие составляли 13,3%, неквалифицированные – 62,29% (951 человек впервые предлагал свой труд, 270 прибыли из сельской местности, 482 были подростками); «полуквалифицированные» – 24,41% (имели «небольшие навыки для какой-либо работы»). К 1 мая 1927 г. количество безработных сократилось до 3 756 человек, к 1 сентября 1927 г. – до 3 586 (1324 мужчины, 1807 женщин, 455 подростков). Наибольшее количество безработных фиксировалось среди совторгслужащих и чернорабочих [12].

Аналогичным колебаниям подвергалась численность безработных, входящих в коллективы: например, в течение лета трудоустраивалось довольно большое количество чернорабочих, а спрос на труд портных к осени падал (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные данные по вовлечению безработных Вятки в коллективы [13]

Коллективы безработных	***Кол-во членов в сентябре 1926 г.***	***Кол-во членов в мае 1927 г.***	***Кол-во членов в сентябре 1927 г.***
Кожевников-сапожников	47	54	59
Совторгслужащих	36	28	33
Портных	55	87	102
Чернорабочих	103	143	53
Переплётчиков	9	10	5
Прачек	17	17	18
Лотошников	–	4	6
Парикмахеров	4	4	–
Художников	–	–	5
Цирковых артистов	–	–	45

Интересно при этом, что председатель Комитета Вятской биржи труда Корчак на заседании Комитета 16 марта 1927 г. говорил: «…безработица на Вятке рассматривается, как имеющая случайный характер и нельзя её назвать безработицей промышленной» на том основании, что в тот период работали по найму 1 272 человека из числа безработных [14].

В течение 1927–1928 гг. Правлением Объединенных коллективов безработных было заключено несколько десятков договоров и соглашений на выполнение различных видов работ. Наиболее распространенные договоры предусматривали очистку тротуаров и мостовых напротив торговых помещений, «окарауливание» торговых помещений, разделку негабаритного металлолома, продажу в розницу фруктовой и минеральной воды. Встречались договоры на выполнение работ, требующих высокой квалификации. Например, Вятский уездный отдел народного образования оформил заказы на переплет книг и на пошив одежды и постельного белья для девочек и мальчиков [15].

Деятельность Объединенных коллективов безработных давала стабильный доход людям, направляемым на работу, даже в том случае, если тот или иной коллектив нес убытки. Это обеспечивалось целенаправленной финансовой помощью со стороны как государства, так и губернских властей (табл. 3).

Таблица 3

Средний заработок членов коллективов безработных (данные на январь 1927 г.)

Коллектив	*Цех /вид работ*	*Месячный заработок (руб.)*
Кожевники	Сапожный	33,07
	Шерстяной	14,82
	Каблучный	48,12
Портные	Мужской одежды	42,20
	Женской одежды	34,00
	Шубный	68,00
Совторгслужащие		35,37
Чернорабочие	Окарауливание	28,30
	Очистка тротуаров и мостовых	23,25
	Добыча гальки	100,00
Прачки		16,80
Переплетчики		28,80

[16]

Несколько раз в год Правление Объединенных коллективов безработных составляло списки лиц, устроенных на временную работу (так называемых «пропущенных» через коллективы). На ноябрь 1928 г. таковых было 140, на июнь 1929 г. – 341 человек [17], то есть действительно происходила активная ротация трудоустраиваемых безработных, и свою главную задачу коллективы безработных выполняли.

Как один из способов оказания трудовой помощи безработным Комитет Вятской биржи труда рассматривал их переобучение с целью повышения квалификации. Однако его намерение «проработать» этот вопрос претворялось в жизнь очень долго, скорее всего, по причинам финансового характера. Только 18 октября 1927 г. Правление Объединенных коллективов безработных вынесло решение об организации курсов кочегаров и оспопрививателей, приурочив их открытие к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Курсы кочегаров были рассчитаны на 20 человек, частично оплачивать их работу выразил готовность Вятский городской совет народного хозяйства. На трехмесячные курсы оспопрививателей предполагалось приглашать ротных фельдшеров, медсестер и санитаров, имеющих практические медицинские навыки, – всего 25 человек; финансирование этих курсов брали на себя центральные союзные органы власти [18].

В 1920-х гг. нередки были случаи, когда потерявшие работу жители городов Вятской губернии оказывались практически без средств существования. Когда невозможно было оказать им трудовую поддержку, губернские власти предлагали обратиться за социальной помощью. Нуждающиеся обращались с заявлениями чаще всего на биржу труда, откуда документы передавались в губернскую комиссию по назначению пособий по безработице. На основании заявлений создавались специальные комиссии, в состав которых входили представитель биржи труда, председатель домового комитета и понятые. Чаще всего за пособием обращались демобилизованные красноармейцы, а также служащие контор, подвергшихся сокращению. Обязательным условием для назначения пособия была своевременная регистрация безработного на бирже труда. При нарушении этого условия комиссия отказывала в получении пособия, независимо от материального положения обратившегося гражданина [19]. Некоторые сведения об объемах оказанной безработным социальной помощи заключены в следующей таблице (табл. 4).

Таблица 4

Оказание помощи безработным Вятской губернии в 1926 г. [20]

Уезд/ город	*Кол-во безработных на учёте*	*Пособия из страховой кассы*		*Коллективы безработных*		*Другие виды помощи*
		Кол-во полученных пособий	*Сумма пособий*	*Кол-во безраб.*	*Выплаченная зарплата*	
Январь 1926 г.						
г. Котельнич	Учёт не ведётся	121	523 руб. 75 коп.	–	–	–
Нолинский уезд	100	29	144 руб. 33 коп.	–	–	Пособия по безработице на 57 руб. 60 коп.
г. Омутнинск	35 подростков	10	66 руб. 68 коп.	–	–	–
Уржумский уезд	1403	18	172 руб.	5	47 руб. 15 коп.	–
Яранский уезд	547	118	596 руб. 70 коп.	–	–	Союзная помощь из фонда безработицы на 419 руб. 65 коп.
Февраль 1926 г.						
г. Вятка	3034	424	3243 руб. 24 коп.	244	7101 руб. 80 коп.	–
г. Котельнич	Учёт не ведётся	95	616 руб. 63 коп.	–	–	–
Нолинский уезд	104	30	142 руб. 69 коп.	–	–	Пособия по безработице на 85 руб.
г. Омутнинск	31 подросток	17	134 руб. 39 коп.	–	–	–
Яранский уезд	491	117	599 руб. 26 коп.	–	–	Союзная помощь из фонда безработицы на 343 руб.
Март 1926 г.						
г. Вятка	4164	472	3036 руб. 09 коп.	256	6360 руб.	–
Нолинский уезд	113	51	262 руб. 28 коп.	–	–	Пособия по безработице на 108 руб. 65 коп.
г. Омутнинск	35 подростков	15	120 руб. 60 коп.	–	–	–
Яранский уезд	524	124	633 руб. 96 коп.	–	–	Союзная помощь из фонда безработицы на 381 руб.
Май 1926 г.						
г. Вятка	2637	465	3232 руб. 87 коп.	262	4890 руб. 70 коп.	–
Нолинский уезд	107	61	311 руб. 34 коп.	–	–	Пособия по безработице на 44 руб.
г. Омутнинск	37 подростков	9	63 руб. 94 коп.	–	–	–

Таким образом, вторая половина 1920-х гг., приходившаяся на последние годы новой экономической политики, оказалась наиболее напряженным периодом функционирования Вятской биржи труда. В очень непростой финансовой ситуации ее служащим удалось многое сделать для трудоустройства и материальной поддержки людей, потерявших работу. Ситуация на рынке труда стала меняться в лучшую сторону с 1929 г., когда руководством СССР начала реализовываться

политика ускоренной индустриализации. Согласно Постановлению Народного комиссариата труда СССР № 377 от 28.12.1930 г. биржи труда были реорганизованы в управления кадров, а вскоре официально было заявлено о ликвидации в СССР безработицы.

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1041. Оп. 1. Л. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 163. Л. 3.
3. ГАКО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 17. Л. 172–172 об.
4. ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 163. Л. 6.
5. Там же. Л. 47.
6. ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1 Д. 35. Л. 1–1 об., 3–3 об., 5 об. – 6, 15–15 об.
7. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
8. Там же. Л. 6–7 об.
9. Там же. Л. 24–24 об.
10. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.
11. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 36.
12. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.
13. Там же. Л. 41–42.
14. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 68.
15. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 32. Л. 41–42.
16. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.
17. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 54 а. Л. 27–28, 68–72 об.
18. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 134–135.
19. ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1759. Л. 3, 26.
20. ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 2736. Л. 3, 4, 10, 12, 14, 20, 25, 27, 34, 36, 39, 42, 50, 54, 66, 81, 83.

Notes

1. State archive of the Kirov region (GAKO). F. P-1041. Sh. 1. Sh. 1.
2. GAKO. F. P-1041. Sh. 1. File 163. Sh. 3.
3. GAKO. F. 1041. Sh. 1. File 17. Sh. 172-172 turn.
4. GAKO. F. P-1041. Sh. 1. File 163. Sh. 6.
5. Ibid. Sh. 47.
6. GAKO. F. P-1041. Sh. 1 File 35. Sh. 1-1., 3-3., 5. – 6, 15-15.
7. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. File 7. Sh. 15.
8. Ibid. Sh. 6-7.
9. Ibid. Sh. 24-24.
10. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. File 28. Sh. 8.
11. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. 23. Sh. 36.
12. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. File 28. Sh. 40.
13. Ibid. Sh. 41-42.
14. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. 23. Sh. 68.
15. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. File 32. Sh. 41-42.
16. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. 23. Sh. 20.
17. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. 54. Sh. 27-28, 68-72.
18. GAKO. F. P-1047. Sh. 1. 23. Sh. 134-135.
19. GAKO. F. P-1041. Sh. 1. File 1759. Sh. 3, 26.
20. GAKO. F. P-1041. Sh. 1. File 2736. Sh. 3, 4, 10, 12, 14, 20, 25, 27, 34, 36, 39, 42, 50, 54, 66, 81, 83.

УДК 94 (470.342) «1917»

Е. А. Шарин

Роль армии в Февральской революции 1917 г. в столице и провинции (на примере Вятской губернии)

В статье рассматриваются изменения в социальном составе армейских полков во время Первой мировой войны. Анализируется положение и состояние армии на момент Февральской революции 1917 г. Особое внимание уделено причинам, по которым армия была втянута в революционные события. Показано отношение армии к Февральской революции 1917 г. на передовой и в тылу. Описывается роль 106-го за-

© Шарин Е. А., 2016

пасного пехотного полка в г. Вятке во время февральских событий 1917 г. Подчеркивается значение командующего Казанским военным округом генерала А. Г. Сандецкого в сохранении и поддержании спокойствия во вверенных ему войсках. Автор отмечает, что вдали от столицы революция не принесла существенных изменений, сохранились дисциплина и подчинение офицерам.

The article examines the changes in the social structure of army regiments during the First World War. Analyzes the situation and the state of the army at the time of The February Revolution of 1917. Special attention is given to the reasons because of which the army was involved in the revolutionary events. It is shown the attitude of the army to The February Revolution on the front line and in the rear and described the function of the 106th reserve infantry regiment in Vyatka during the events of The February Revolution. Moreover, it is pointed out the significance of Gen. A.G. Sandetsky, the commander of the Kazan Military District, in preservation and maintenance of peace in the troops which were entrusted to him. The author notes that the revolution took place quietly far away from the capital and did not bring significant changes; discipline and subordination to the officers were retained.

Ключевые слова: Февральская революция, Вятская губерния, армия, Временное правительство.

Keywords: the February revolution, Vyatka province, the army, the Provisional government.

Февральская революция 1917 г., произошедшая в Петрограде, затронула все социальные и политические институты государства. Революция подобно мельничным жерновам перемалывала «старую Россию». События, охватившие русское общество в феврале – марте 1917 г., втянули и армию в революционный водоворот. Близится 100-летие Февральской революции, и вопрос, почему войска не встали на защиту монархии, остается дискуссионным до сих пор. Понимание логики солдатского мятежа в Февральской революции 1917 г. является ключевым для осмысления процессов, происходящих в армии с начала Первой мировой войны до марта 1917 г.

Возникает вопрос, почему армия так быстро поддалась анархии и активно включилась в свержение самодержавия? Обратившись к воспоминаниям офицеров царской армии и статистическим данным, можно выделить несколько причин:

1. Антивоенная агитация и нежелание солдат воевать

Солдаты, мобилизованные из крестьян, не понимали смысла войны, развязанной в Европе. Воевать и погибать за непонятные цели и идеалы бывшие крестьяне не желали. Находясь в учебных казармах, новобранцы не видели оправдания своему призыву и легко поддавались пропаганде. Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на солдат. Видя перед собой все вольности городской жизни и не имея той дисциплины, что сосуществовала на передовой, запасные полки морально разлагались еще в тылу.

2. Кадровый состав армии

Война активно перемалывала в себе солдат и офицеров русской императорской армии. Люди гибли миллионами, и на их место приходили другие. Главная проблема при этом возникала в качестве подготовки нового пополнения (особенно для офицерского состава).

В годы Первой мировой войны радикально изменился социальный состав офицерского и унтер-офицерского корпуса. Если на высших офицерских должностях по-прежнему находились преимущественно дворяне, то среди младших офицеров и унтер-офицеров стали преобладать выходцы из крестьянской и рабочей среды [1]. Офицеры пополнялись в основном из ускоренных выпусков училищ. Генерал Н. Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков, прошедших школы усовершенствования в его армии (7-й), около 700 происходило из крестьян, 260 – из мещан, рабочих и купцов и только 40 – из дворян [2]. Другим путем проникновения в офицерские ряды было производство из нижних чинов за боевые отличия – вообще без всякой подготовки.

К февралю 1917 г. «старых» кадровых офицеров в строю осталось очень мало. Сплоченная и единая офицерская прослойка в армии оказалась разбавлена людьми, мечтающими об окончании войны. Рыба, как известно, гниет с головы. Так и армия начала разлагаться именно с офицерской среды. Офицеры, вместо того чтобы одергивать солдат и пресекать малейшие случаи инакомыслия, поддерживали младших чинов, не желающих воевать. Солдаты и офицеры оказались втянуты в политические конфликты.

К примеру, в феврале 1917 г. гвардейские полки Петроградского гарнизона насчитывали до 160 тыс. солдат [3]. В основном это были запасные части, которым предстояла отправка на фронт. Здесь было немало новобранцев из кадровых рабочих, мобилизованных за участие в стачках. Строевые офицеры называли такие новообразованные части «полчищами». Неизвестно, как бы развивались события в Петрограде, будь в нем расквартированы старые гвардейские полки, прошедшие должную «закваску». Царский полковник Д. Ходнев вспоминал в 1935 г.: «Будь гвардейская пехота не так обессилена и обескровлена, будь некоторые полки ее в Петрограде – нет

сомнений, что никакой революции не случилось бы, так как февральский бунт был бы немедленно подавлен» [4].

Эти два наиболее значимых фактора способствовали разложению армии и сведению на нет ее роли в стабилизации обстановки в государстве. Переход на сторону восставших гвардейских полков, расположенных в Петрограде под восторженные крики митингующих, навсегда похоронил надежду на успокоение восставшей столицы. Царская власть сама вооружила толпу крестьян и рабочих, с которой не смогла справиться.

Армия по-разному восприняла революцию. Можно четко проследить две разных тенденции данного события в тылу и на передовой. А. И. Деникин, будучи в это время на фронте, так описал состояние армейских частей: «Войска были ошеломлены – трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...» [5]

В тылу же обстановка радикально отличалась от передовой. В Вятской губернии в запасных частях разницу в армии до революции и после заметить было трудно. Влияние на революционные события в Вятке оказывала 697-я пешая дружина, набранная в основном из мужчин 30–40 лет, и 106-й запасной пехотный полк [6]. При этом дружинники имели свое хозяйство и семьи, поэтому с большой радостью восприняли известия о революции, видя в этом, как уже было сказано ранее, надежду на роспуск по домам.

Сразу же после официального опубликования текста отречения 3 марта 1917 г. в Петроград от командующего Казанским военным округом генерала А. Г. Сандецкого была отправлена телеграмма: «Я и части войск Казанского военного округа признали новое правительство. В частях войск полнейший порядок, спокойно продолжаю работу на благо родины и на усиление ее боевой мощи» [7]. Генерал, отправляя эту телеграмму, не покривил душой. Офицеры и солдаты Вятского гарнизона не до конца осознали значение революции на жизнь в целом. Анархия, захлестнувшая Петроград, пока еще не сказалась на службе 106-го запасного пехотного полка. Одних телеграмм было мало, для того что бы разрушить размеренную жизнь гарнизона, живущего по уставу. Дисциплина и привычка повиноваться офицерам играли немалую роль в сохранении спокойствия.

При этом сами офицеры, вместо того что бы отгородить и изолировать солдат от смуты, просили разрешение 3 марта 1917 г. у командира полка провести манифестацию на Кафедральной площади в связи с победой революции. Разрешение было получено, но только на плацу у Загородного сада. Другими словами, офицеры не настроили против себя солдат и выступили с ними единым фронтом. О том, что командный и рядовой состав полка не понял радикальных изменений революции, можно увидеть на примере данного митинга. Войска, возвращаясь с митинга в казармы, шли не только под марш «Марсельеза», что в принципе понятно и логично, но даже под гимн «Боже, царя храни» [8], что после свержения самодержавия было уже не актуально, а в революционной среде – преступно. Апофеозом революции в г. Вятке стал праздник революции, организованный 12 марта 1917 г. на Александровской площади. Это стало единственным крупным достижением Февральской революции 1917 г. на Вятке.

Немаловажную роль в этом сыграли приказы командующего Казанским военным округом генерала А. Г. Сандецкого. Генерал, понимая, чем может грозить развал дисциплины, с первых дней пытался оградить армию от народа. 3 марта 1917 г. генерал отправил телеграмму начальнику Вятского гарнизона с приказом использовать военнослужащих только в том случае, если в городе начнутся грабежи и беспорядки [9]. Более того, в этот же день был дан дополнительный приказ:

1. Караулы, выставленные для охраны общественных заведений снять.
2. Войскам по требованию гражданских властей из казарм не выходить.

В случаях поступления требований властей о вызове частей войск для содействия, нужно было личное разрешение командующего округом [10].

Эти несколько приказов существенно повлияли на обстановку в г. Вятке. Солдаты были изолированы в казармах от агитаторов и митингов, что позволило сохранить дисциплину с первых дней. Нижние чины не видели революционных изменений и по инерции продолжали нести службу.

Новообразованный комитет по охране г. Вятки 4 марта 1917 г. просил командира 106-го пехотного полка в целях поддержания порядка сделать распоряжение о немедленном разоружении всех чинов жандармской и общей полиции, в том числе и полицейских стражников. Все оружие комитет просил сдать в оружейную мастерскую 106-го запасного пехотного полка [11]. После

этого именно 106-й пехотный полк взял на себя охрану города. На улицах г. Вятки появились первые солдатские патрули.

Под влиянием приказа № 1 5 марта 1917 г. командир вятского гарнизона вынужден был издать приказ № 114 «Регулирование взаимоотношения воинских чинов», содержащий следующие положения:

1. Отменить наименование «нижний чин», заменив его названием «солдат».
2. Отменить титулование, заменив формой обращения «господин генерал», «господин врач» и т. д.
3. При обращении ко всем солдатам как на службе, так и вне ее говорить им «Вы».
4. Отменить все ограничения, установленные для воинских чинов Уставом внутренней службы статьями 100-99, 101, 104.

В частности, снимался запрет на курение на улицах и в общественных местах, помещении клубов и собраний, езду на трамваях, участие в качестве членов в различных союзах, образованных с политической целью [12].

Солдаты восприняли этот приказ как начало вольницы и полной вседозволенности. Нижние чины с ликованием воспользовались своими новыми правами, забывая при этом платить за все увеселения. 22 марта 1917 г. приказом № 154 пришлось уточнить, что посещение театров, музеев, концертов не означает право бесплатного пользования ими [13].

Не удалось избежать и создания солдатских комитетов. Приказом № 41 от 10 марта 1917 г. был организован временный военный комитет из выборных офицеров и солдат для поддержания порядка и создания доверия между командирами и подчиненным.

Цели комитета были выдвинуты следующие:

1. Регулирование вопросов внутренней жизни части.
2. Рассмотрение вопросов бытового характера для нижних чинов [14].

В идеале комитет должен был выступать гарантом спокойствия и разрешать все споры и недопонимания между солдатами и офицерами, но в первые месяцы революции какой-либо роли не сыграл.

Все приказы и действия были разумными и принесли свои плоды. Воинские подразделения в Вятской губернии продолжили жить обычной жизнью. Самоуправства в воинских частях, расквартированных на Вятке, не было. Единственный инцидент произошел 5 марта 1917 г., когда решением солдатского комитета 106-го полка командир был отстранен от командования [15]. На его место командующим был назначен из числа офицеров новый командир.

Агитаторов, призывающих к смещению и убийству командиров, неподчинению приказам вышестоящего начальства, в марте 1917 г. на Вятке замечено не было. Хотя до исполнительного комитета г. Вятки доходили слухи о случаях, когда какие-то подозрительные лица, иногда прикрываясь военной одеждой, вступали на улицах в разговоры с нижними чинами с предложением не выполнять караульную службу и не слушаться своих офицеров [16]. На 31 марта 1917 г. сведений о митингах и демонстрациях среди военнообязанных не поступало [17].

Таким образом, можно увидеть, что кадровый офицерский состав армии в течение войны изменился. Вновь набранное пополнение не желало воевать. Наметившаяся тенденция вовлечения армии в решение вопросов внутренней политики привела к ее стремительной политизированности. Более того, активное участие солдат и офицеров в событиях 1917 г. сказалось на характере революции. Поэтому в решающий момент именно армия сыграла одну из основных ролей в свержении монархии. Самодержавие оказалось некому защищать.

В революции солдаты видели окончание столь непонятной для них войны. Решающий удар по дисциплине и боеспособности армии нанес приказ № 1. Происходит «разложение» воинских частей. Солдаты на фронтах и столице активно включились в политику через митинги и демонстрации, что в конечном счете сгубило армию.

Вдали от столицы революция прошла тихо и не принесла существенных изменений, несмотря на создание комитетов. Главную роль в Февральской революции в г. Вятке сыграл 106-й запасной пехотный полк, разоруживший царскую полицию и взявший охрану порядка на себя. При этом все действия были санкционированы вышестоящим командованием. Прямых нарушений приказов по армии замечено не было.

Временное правительство, пришедшее на место самодержавия, с первых дней стремилось упрочить свое положение в армии, которая продолжалась рассматриваться как опора власти. От стабильного положения вооруженных сил зависели на только успех военных действий на фронте и безопасность населения, но и способность власти контролировать ситуацию внутри страны.

Примечания

1. *Белаш Е. Ю.* Мифы Первой мировой. М., 2012. С. 291.
2. *Герасимов М. Н.* Пробуждение. М., 1965. С. 250.
3. *Мартынов Е. И.* Царская армия в февральском перевороте. М., 2003. С. 153.
4. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению / под. ред. П. В. Волуева. М., 1997. С. 252.
5. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. URL: http://www.rusrevolution.info/books/ index.shtml?11_1_06
6. Вятский край с древности до наших дней / под ред. В. А. Бердинских. Киров, 2006. С. 212.
7. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 1345. Оп. 1. Л. 86. Л. 9.
8. Очерки истории Кировской области / под ред. А. В. Эммаусского и Е. И. Кирюхиной. Киров, 1972. С. 258.
9. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 72. Л. 23.
10. Там же. Л. 24.
11. Там же. Д. 204. Л. 5.
12. Там же. Д. 72. Л. 31.
13. Там же. Ф. 628. Оп. 20. Д. 37. Л. 8–9.
14. Там же. Л. 6.
15. Там же. Л. 6.
16. Там же. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 204. Л. 20.
17. Там же. Д. 86. Л. 43.

Notes

1. Belash E. Y. Mify Pervoj mirovoj [Myths of the First World War]. M. 2012. P.291.
2. Gerasimov M. N. Probuzhdenie [Awakening]. M. 1965. P. 250.
3. Martynov E. I. Carskaya armiya v fevral'skom perevorote [Royal army in the February coup]. M. 2003. P. 153.
4. 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya. Ot novyh istochnikov k novomu osmysleniyu – 1917 year in destiny of Russia and the world. The February revolution. From new sources to new thinking / under. edited by P. V. Valuev. M. 1997. P. 252.
5. Denikin A. I. Ocherki russkoj smuty [Essays of Russian sedition]. Vol. 1. Available at: http://www.rusrevolution.info/ books/index.shtml?11_1_06
6. Vyatskij kraj s drevnosti do nashih dnej – Vyatka region from ancient times to the present day / edited by V. A. Berdinskikh. Kirov. 2006. P. 212.
7. State archive of the Kirov region (hereafter GAKO). F. 1345. Sh. 1. Sh. 86. Sh. 9.
8. Ocherki istorii Kirovskoj oblasti – Essays on the history of Kirov region / edited by A.V. Emausskiy and E. I. Kirjuhina. Kirov. 1972. P.258.
9. GAKO. F. 1345. Sh. 1. File 72. Sh. 23.
10. Ibid. Sh. 24.
11. Ibid. File 204. Sh. 5.
12. Ibid. File 72. Sh. 31.
13. Ibid. F. 628. Sh. 20. File 37. Sh. 8-9.
14. Ibid. Sh. 6.
15. Ibid. Sh. 6.
16. Ibid. F. 1345. Sh. 1. File 204. Sh. 20.
17. Ibid. File 86. Sh. 43.

УДК 330.8

Н. Г. Трошкина

Влияние секуляризационной реформы 1764 г. на положение Новоиерусалимского монастыря

В статье отмечено, что в ходе секуляризационной реформы 1764 г. обширные монастырские имения были переданы в собственность государства с подчинением Коллегии экономии. Только незначительная часть действовавших до реформы мужских и женских монастырей (226 из 954) вошла в так называемые «штаты» и получила казенное денежное жалование. Выявлено, что остальные – «маловотчинные» и «безвотчинные» – монастыри полагалось «на своем содержании оставить» или «по недостатку доходов упразднить и приходскими церквами учинить». Автор показывает, что размер монастырских владений не был

© Трошкина Н. Г., 2016

единственным критерием для выбора заштатных обителей. Проанализированы финансовые, численные и структурные формы и виды модернизации монастырей и их содержания. Представлены пути, которыми монастырь определял свое социально-экономическое положение.

The article noted that during the secularizing reforms in 1764 the vast monastic estates were transferred to the state with the subordination of the College of savings. Only a small part of the force prior to the reform of monasteries and nunneries (226 of 954) entered in a so-called "states" and received a state-owned monetary salary. It was revealed that the rest – "malovotchinnye" and "bezvotchinnye" – monasteries were supposed to "leave at his own expense" or "lack of income and the abolition of the parish church to inflict." The authors show that the size of the monastic estates was not the only criterion for selecting unimportant mansions. Financial analyzes, numerical and structural forms and types of monasteries and modernization of their content. It presents the ways in which the monastery determined its socio-economic situation.

Ключевые слова: монастырь, регулирование, доходы, церковь, положение.

Keywords: monastery, management, earnings, church, position.

Для более точного анализа структуры монастыря необходимо оценить значения и последствия проведенной реформы 1764 г. для Новоиерусалимского монастыря. Важно оценить вотчинное хозяйство, промыслы и хозяйство монастыря, а также необходимо оценить бюджет со структурами его доходов и расходов, так как цель монастырей в исследуемое время была достаточно разнообразной, включала в себя не только просветительские функции, но и социально-экономические. Поэтому рассмотрение влияния кардинальной реформы на положение монастырей является актуальным и своевременным.

В 1654–1658 гг. патриарх Никон (основатель монастыря) приобрел на свое имя покупкой 25 вотчин, пожалованием – 7, вкладами – 1. Главной задачей патриарха было расширить Подмонастырскую вотчину. С его приобретениями она стала огромной и занимала 50 кв. км (табл. 1).

Таблица 1

Список вотчин, приобретенных Патриархом Никоном и утвержденных за Воскресенским монастырем решением Собора 1666–1667 гг. [1]

Уезд, стан	Наименование деревни, села	Бывший владелец
Московский уезд. Горетов и Бурожский станы. Подмонастыр-ская вотчина	дер. Андреевская	Пожаловано царем
	полсела Ивановского	
	дер. Сафатово (Воскресенское)	Р. Ф. Боборыкин
	дер. Котельниково	
	дер. Рячково (Крячково)	
	дер. Кашино	
	полсела Ивановского	Кн. Хованские
	дер. Дорна	И. И. Чаадаев
	дер. Селец (Голованово, впосл. Головановские Пруды)	Б. В. Приклонский
	сельцоКняжье (Полево)	И. Ф. Волынский
	дер. Аксаурово	Кн. В. П. Шереметьев
	дер. Коптерева	Н. Ю. Плещеев
	дер. Бунково	И. Ф. Волынский
	дер. Микулино	Дьяк Л. Т. Голосов
	дер. Редкино	
	пуст. Зиновьева (впосл. Капернаумова)	
	дер. Новая (на р. Песочня)	Кн. А. Н. Трубецкой
Горетов стан	дер. Черново (Назарет)	И. Ф. Волынский
	дер. Тихонково	П. А. Ширин
	дер. Талица	Ф. М. Толчанов
	село Рождествено	Ю. П. Юносов- Ростовский
Коровин стан	сельцо Новое	Ф. П. Обернибес
	дер. Бурцева	
	дер. Халзуево	Чудова монастыря
Мушковский стан	сельцо Сенино	Вдова Н. Плещеева

Монастырю принадлежало около 4000 дворов. Но в связи со строительством к монастырю были приписаны еще 19 монастырей в 15 уездах (табл. 2).

Таблица 2

Список монастырей, приписанных к Воскресенскому монастырю [2]

Уезд	Название монастырей, сел, деревень	Заопределенные в XVIII в.
Волоцкий	Левкиев монастырь (с. Кривое)	Заопределенные
Дмитровский	Пятницкий монастырь (с. Поповка, Миронова, Рыболова)	
Зарайский	Сосновская пустынь (с. Ряденки)	
Кадомский	Старокадомская пустынь	
Карачевский	Тихонова пустынь (с. Глинки)	
Клинский	Зосимова пустынь (с. Покровское)	
Курмышский	Рождественский монастырь (с. Антоново)	
Луховский	Тихонова пустынь	Получили самостоятельность
Мещовский	Боровский монастырь	
Муромский	Бутылецская пустынь	Заопределенные
Ряжский	Семионовский монастырь (с. Семион)	
Рязанский	Нищевский монастырь (с. Ершово)	
	Жерновский монастырь	
Тверской	Астраганский монастырь	
	Дудин монастырь (д. Головачево)	
	Савватиев монастырь (с. Клобуково)	
	Федоровский монастырь (с. Путилково)	
Угличский	Афанасьевский монастырь на р. Мологе (с. Покровское, с. Маслово)	
Шацкий	Андреанова пустынь (с. Борисовское)	
Всего:	19 монастырей в 15 уездах	

Итак, на начало XVIII столетия монастырь представлял собой крупную феодальную вотчину с типичным натуральным хозяйством.

В систему натурального хозяйства монастыря входили:

– пахотные земли (заселенные крепостными крестьянами);

– земли, обрабатываемые крестьянами на монастырь (1/10 часть);

– земли и покосы, сдаваемые в аренду;

– мельницы, конюшни и скотные дворы.

Организация монастырского хозяйства была довольно типичной. Крестьяне с окрестных сел работали на монастырских пашнях, лугах и скотных дворах. Крестьяне с дальних мест платили оброк. Постепенно (табл. 3) помимо денежного оброка крестьяне близлежащих сел платили часть оброка хлебом и сеном. Анализируя данные, приведенные в таблице, необходимо сделать вывод о том, что для вотчин, находившихся далеко (в территориальном смысле), устанавливался фиксированный денежный оброк.

Таблица 3

Ведомость о подушных сборах с монастырских вотчин в 1728 г. [3]

№	Наименование уезда, села, деревни	Количество душ м. п.	Подушные сборы
1	с. Вознесенское	245 (из них каменщиков и гончаров 35, столяров 27)	2 р. 70 к. и s бралось хлебом или сеном
2	с. Воздвиженное и с. Преображенское	624	2 р. 70 к. и s бралось хлебом или сеном
3	с. Черново	665	3 р. 62 к. и j хлебом или сеном
4	с. Рождествено	?	1 р. 52 к. и 2/4 сеном или хлебом
5	Дмитровский уезд	345	59 к.
6	Новгородский уезд	740	59 к.
7	Казанская губерния	1327	9 р.
8	Звенигородский уезд	42	9 р.

Окончание табл.. 3

9	Рузский уезд	343	9 р.
10	Воронежская губерния	216	1 р. 25 к.
11	Нижегородская губерния	67	71 к.
12	Смоленская губерния	100	88 к.
13	Архангельская губерния	104	88 к.
14	Белогородская губерния	2498	88 к.
15	Елоховский уезд	1081	88 к.
16	Массалинов уезд	?	88 к.
17	Бородинская пустынь	2887	88 к.
18	Тихонова пустынь	2498	88 к.
19	Волоколамский монастырь	593	88 к.
20	Впереславская рязанская пустынь	191	88 к.
21	Томский Егоровый монастырь	151	88 к.
22	Угличный Афанасий монастырь	1371	88 к.
23	Дмитровский Пятницкий монастырь	345	88 к.
24	Зосима пустынь	253	88 к.
25	Адреянова пустынь	101	88 к.
26	Благовещенская пустынь	208	88 к.
27	Рязанский Ерновой монастырь	638	88 к.
Пожалованных вотчин было 589 сел с 16 433 душами.			

Накануне секуляризации монастырь являлся одним из крупных вотчинников и входил в число пятнадцати крупнейших монастырей России. Возможно, благодаря этому он и не стал «заопределенным». Данные второй ревизии населения Российской империи, проведенной в 1744 г., приведены в табл. 4.

Таблица 4

Данные второй ревизии населения Российской империи [4]

Название монастыря	Количество крестьянских душ м. п. по данным 2-й ревизии
Воскресенский (Новоиерусалимский монастир)	10386
Томский Егоровый монастырь	3441
Угличный Афанасий монастырь	8463
Дмитровский Пятницкий монастырь	5967

Хозяйство монастыря до реформы 1764 г. было таковым. Имелась 21000 четвертей пахотной земли, более 300 десятин леса и лугов, с которых монастырь получал 34000 копен сена.

Обильные леса давали пропитание, кормили и одевали жителей сел и окрестных деревень. Традиционно в этих местах были промыслы, связанные с обработкой древесины. Обилие зверя и птицы привлекало охотников.

Так, юный император Петр II, приехав в Новый Иерусалим летом 1729 г., задержался здесь почти на три недели. Документы конца XVIII в. сохранили описание богатства подмосковного леса: «Растет береза, сосна, ель, а частию, дуб, ольха, осина, клен, ивняк, черемуха, рябина и другой мелкий кустарник, в коем водятся медведи, волки, лисицы, куницы, зайцы, горностаи, ласочки и ежи; а из птиц: коршуны, ястребы, луни, тетерева, рябчики, куропатки; при реках: дикие утки, гуси, кулики и мелкие певчие птицы; из ягод: малина, земляника, брусника, клюква и ежевика; из грибов: белые, березовые, боровики, масленые, чернушки, грузди и рыжики» [5].

Для дров монастырь использовал, как правило, сухой лес и валежник, растущие же деревня рубили крайне редко, только по особой надобности. На начало 1896 г. число печей и расход отопления помещений составлял: русских печей – 13; голландских – 87; духовых – 7; каминов – 20. Потребность в сажени на год 925; из них 300 сажень заготавливались из монастырских рощ, остальные покупались. Монастырь имел две рощи – Рамскую на реке Песочне и вблизи деревни Соколовой.

Наиболее реальным при таком климате и почве было использование части земель под луга и развитие огородничества. Это и являлось основными отраслями земледелия. Остановимся более подробно на этих отраслях монастырского хозяйства.

К сожалению, сведения о размерах земель, находившихся под лугами и огородами, равно как и сведения об урожайности лугов и огородов, не нашли отражения в монастырских приходо-расходных книгах и сохранившихся документах. Вряд ли можно предположить, что площадь сенокосных угодий могла колебаться. Увеличение лугов потребовало бы больших трудовых затрат, что обязательно отразилось бы в хозяйственных документах. Или, наоборот, значительное сокращение сенокосов было бы связано с какими-то серьезными изменениями в структуре монастырского хозяйства, конечно же не охватывая период секуляризации. Сенокосные угодья не сильно отличались по урожайности и почти не требовали никакой надобности в уходе. В целом в центральных районах в среднем накашивалось по 100 пудов с десятины.

Но в монастырских селах было много необработанной земли, хотя хозяйство развивалось. Была земля, именовавшаяся «пашенный лес» в память об очень давней распашке и успевшей прорасти деревьями. Конечно же, монастырь старался унаваживать эти угодья. Данный способ применялся при мелиорации, т. е. при коренном улучшении луговых угодий. Луга теребились, унаваживались и освобождались от камней.

На Фаворской горе, на Сокольей горке, на Раме были построены несколько скотных дворов с рабочими лошадьми, волами, коровами и овцами. Живность с этого монастыря шла на различные повседневные потребы монастыря, иногда – на продажу. Так, 4 октября 1792 г. было продано с Фаворского скотного двора 20 баранов бобылю Пашке Корнильеву за 2 рубля 8 алтын и 2 деньги. Один баран выходил на 11 копеек.

Большая часть скота шла, как правило, на убой. Забой домашнего скота проводили осенью, когда выяснялось, сколько получено сена и сколько приблизительно на это сено можно прокормить разного скота. Мясо убитого скота обычно засаливалось и шло на пищу наемным работникам и ремесленникам. Шкуры шли на выделку кож для обуви.

Чтобы уточнить, сколько требовалось кормов для содержания монастырского стада, можно исходить из более высоких норм, 1 пуд сена на голову скота в день. Но лошадей помимо сена кормили и овсом. В монастыре всегда старались иметь некоторый запас зерна.

Таким образом, на развитие монастырского животноводства влияло, во-первых, состояние сенокосных угодий, от которых зависело поголовье скота (коров и лошадей). Во-вторых, потребность монастыря в тягловой рабочей силе и самих тружениках. Крупный урон монастырскому хозяйству наносила, конечно, Северная война. Из монастырских вотчин уходили рекруты. По описи 1715 г. в селе Вознесенском (он являлся вотчиной монастыря) на 149 мужчин, оставшихся дома, пришлось 27 взятых в солдаты, причем только один из них пошел добровольно («в вольницу»). В Редкино с 35 дворов взяли 9 солдат, примерно половина дворов числилась за солдатскими вдовами. Были, конечно, и пришедшие с войны, но их было мало. В октябре 1711 г. была подана челобитная Петру I от двух рекрутов о том, что им не платят жалованье, полтора рубля в год, и хлебный запас. Несмотря на царский указ, в их деле сохранилась пометка только о выдаче хлеба. В более поздних документах рекруты не упоминались, и, скорее всего, они не вернулись в село.

Строительство новой столицы не прошло для вотчин монастыря безболезненно. По описи 1715 г. в Петербурге работали 17 каменщиков из села Воскресенского и трое из села Редкино. Вообще документы того времени показывают, что в подмонастырских селениях произошел качественный скачок: они стали ремесленными слободами. По ведомости 1728 г. в селе Вознесенском насчитывалось 35 каменщиков и гончаров, 77 кузнецов, 27 столяров [6].

Земледелие же в подмонастырских вотчинах существенно не изменилось. Практически все жители вотчин имели огороды, держали несколько коров и другой скот. Конечно же, многие занимались и мелкой торговлей. Продавали на местном торге свои излишки: домотканое полотно, изделия из кожи и дерева, а также продукты со своих огородов. Остановимся теперь на другой отрасли монастырского сельского хозяйства – огородничестве. Огородничеством занимались все чуть ли не с основания монастыря.

Конечно, сведения об огородничестве ограниченны. Монастырская же документация о количестве земель под огородами, способах возделывания, урожайности, выращиваемых культур фактически отсутствует. В приходно-расходных документах количество собранного урожая не записывалось. Ведь Синодальная контора сведения об огородничестве не требовала. Поэтому, если и присутствуют какие-то косвенные данные об огородах, то они ограничиваются либо записями о покупке семян (как правило, это статья расхода типа «семян на такую-то сумму», зачастую без указания количества и вида семян), либо отсутствием в списке закупаемых продуктов тех или иных овощей, которые были включены в монастырский рацион, из чего можно сделать вывод, что они выращивались в самом монастыре.

К сожалению, какие-то конкретные данные об огородах отсутствуют, есть лишь описание, которое носит лишь мимолетный характер. «На монастырских огородах выращивались одни и те

же культуры: картофель, капуста, лук, чеснок, хрен, редька, морковь, репа, брюква, свекла, конечно же, и всякого рода зелень». Вероятно, что характер культур совсем не менялся [7].

Так, примерное обеденное меню состояло из холодного (вареная треска с квасом, хреном, луком и перцем), щей (капуста, овсяная или ячменная крупы) и каши. Ужин также состоял из первых трех блюд, только без каши. В скоромные дни в ужин давали на третье творог с молоком. Непременными блюдами в монастыре были картофель и капуста, а еще делали жидкую закуску из хрена. Можно сделать вывод, что чрезмерного употребления в пищу других культур (лук, чеснок, морковь, репа, брюква, свекла) не было. Отсутствие сведений о закупке данных культур может смело говорить о том, что выращиваемого на огороде хватало на небогатую овощами монастырскую пищу.

Следует отметить, что картофель и капуста были бессменными культурами. Обработка полей проводилась конным способом, при помощи сохи (ранее – плуга). Огороды начинали пахать в начале мая. Промежуточными работами были две прополки и окучивание картофеля. Такой же была обработка земли под капусту, но сажали ее рассадой. Удобрением служил исключительно навоз. С увеличением рогатого скота увеличивалось и количество удобрений.

Что же касается хозяйственных заведений., то монастырь представлял собой обширный хозяйственный комплекс, включавший в себя многочисленные мастерские. Все эти заведения были нацелены, в первую очередь, на удовлетворение собственных нужд данной обители, хотя продукция и услуги некоторых часто выходили и за ее пределы. Конечно, со временем число мастерских изменялось.

В конце 50-х гг. XVII столетия, когда шло грандиозное строительство монастыря, вокруг обители создавались специальные слободы. Туда приглашались лучшие мастера из различных городов. Здесь селились искусные резчики по дереву, стекольщики, каменщики, мастера по выделке керамики, специалисты по изделиям по золоту. Целые деревни специализировались в конкретных ремеслах. Деревня Максимовка была знаменита горшечниками, а Сычевка – по выделке изразцов. Рельефные, многоцветные изразцы использовались для наружного и внутреннего убранства храма. Новый Иерусалим единственный, на конец XVII столетия, где имелись керамические иконостасы. С прекращением строительства распался и коллектив строителей. Лучшие мастера переехали в Москву. Но значительная часть крестьян и мастеровых, привезенных из других местностей, так и осела в близлежащих к Воскресенскому собору деревнях и селах [8].

В XVIII в. Новый Иерусалим уверенно вошел в число крупнейших православных обителей России. Сюда постоянно тянулись верующие, желающие поклониться православным святыням. Местные жители очень скоро поняли, что их благополучие главным образом зависит от притока посетителей монастыря, от количества церковных праздников. Монастырские гостиницы и «странноприимный» дом не в состоянии были принять и обслужить всех посетителей. И местные жители с радостью встречали приезжавших и приходивших на богомолье людей.

В. Н. Жуков пишет: «Для богомольцев раскрывался почти каждый частный дом. А здесь – удобный ночлег с питанием на все дни праздников. Да и вообще – на сколько, угодно дней. Для домохозяев это – доходная жизненная статья. У каждого дома есть приличный сад и огород. Для дорогих гостей всегда готов кипящий самоварчик, и – свежие ягоды и фрукты из своего сада, и – огурчики с грядки, и – лучок и редиска из огорода, свежий квас и собственная наливочка. Можно даже наловить свежей рыбки в реке Истре, принести грибков из недалекого леса. Словом, все, чего душа ни пожелает. А с наступлением темноты – удобная постель в чистой комнатке, или в саду под яблонькой, или на террасе… Так было в XVIII, в XIX, в начале XX веков».

Накануне проведения реформы монастырь являлся городом-храмом с огромной подмонастырской вотчиной, которую заселяли крестьяне, платившие натуральный оброк, постепенно замещая его денежным. Монастырь оставался основным работодателем для всех окружающих его окрестностей. Но реформа 1764 г. резко изменила жизнь обители [9]. Синодальный период, по словам И. К. Смолича, – «эпоха государственной церковности» – очень важный и противоречивый период в истории русской церкви. Это эпоха противоречивых процессов, которые крайне осложняли церковную жизнь внутри страны. Известный историк XIX столетия П. В. Знаменский писал, что секуляризация 1764 г. была очень сильным потрясением для российского монашества.

Итак, в 1710 г. Петром I была проведена реформа частичной секуляризации земли. Все вотчины монастырей были разделены на две категории. Одна часть земель принадлежала для удовлетворения потребностей и нужд ее владельцев (назывались «определенные», доход с которых шел на монастырь), а вторая практически поступала в распоряжение государственной структуры – Монастырского приказа (т. е. заопределенные вотчины – доход с них шел в казну). Но в управлении хозяйством главную роль играли сами монахи.

В 30-х гг. этого же столетия происходит увеличение управленческого аппарата в самом монастыре. Система хозяйства оставалась неизменной. Увеличились земельные владения. Но не за счет приобретения новых земель (это было запрещено действующим законодательством), а перераспределением самого монастырского фонда. Доход с «заопределенных» вотчин юридически еще принадлежал монастырю и с 1720-х гг. был для монастыря тем резервом, который служил для увеличения своих доходов (о количестве монастырей см. табл. 5). И к периоду 1764 г. монастырь увеличил свои земельные владения почти в два раза, так как монастырь старался перевести «заопределенные» вотчины в «определенные». Кроме того, деньги с «заопределенных» вотчин тоже шли на ремонтные работы в монастыре.

Здесь стоит отметить, что с увеличением земельных границ увеличилось и население (в данном случае естественный прирост). В 1762 г. Коллегия экономии потребовала перевести все вотчины на «рублевый оброк» т. е. на подушную подать. Один рубль с души мужского пола в год. Естественно, что с ведения такого оклада монастырь мог получать еще больший доход. Но в 1764 г. Екатерина II завершила полную секуляризацию, начатую Петром III, переведя их в Коллегию экономии [10].

Монастырь так и оставался государством в государстве. Население и священнослужители с ближайших вотчин имели дело с монастырскими властями больше, чем с государственными чиновниками и епархиальным начальством. Для начала необходимо установить последовательность проводимых реформ, чтобы проследить те изменения, которые произошли с введением секуляризации церковных земель. Об этом более подробно написано в работе дореволюционного историка-исследователя А. А. Завьялова.

Петр III издал указ, по которому все церковные вотчины передавались в светское ведение; управление ими поручалось лицам офицерского звания; однако еще с 1724 г. вместо барщинных оброков и работ монастырские крестьяне облагались рублевым сбором в пользу государства. В результате государственного переворота на престол взошла Екатерина II, и данный указ о секуляризации церковных земель не был реализован. 12 августа 1762 г. был подписан новый временный указ о возвращении всех вотчин духовенству. Новая императрица подготовила реформу церковного землевладения. Ею была организована Комиссия по церковным владениям, в нее вошли три представителя от духовенства, и пять – от светской власти. В задачи Комиссии входили: описи церковных имений, разработка штатов архиерейских домов, монастырей и соборов, «смотря по достоинству санов их и по достатку церковных имений»; позаботиться об улучшении духовного просвещения (в епархиях организовать гимназии и училищные дома, установить им штат из средств архиерейских домов и монастырей); при архиерейских домах и монастырях устроить инвалидные дома; учредить духовную коллегию, которая распоряжалась доходами с церковных имений. С 29 января 1763 г. во все епархии были направлены обер-офицеры из дворян для описания вотчин по семи пунктам [11]:

1. Географическое положение.
2. Описание монастырских владений.
3. Состав монастырской братии.
4. Состав проживающих при монастыре священников и мирян.
5. Описание приписных монастырей и пустыней.
6. Описание монастырских вотчин и повинностей.
7. Окладные и неокладные доходы с монастыря.

Помимо офицерских описей указом Комиссии от 5 февраля 1763 г. было объявлено о рассылке шнуровых приходно-расходных денежных и хлебных книг с требованием заполнять их согласно прилагаемым образцам. Однако комиссия составила штаты прежде получения офицерских описаний. «Общее направление дел и бунты в монастырских вотчинах побуждали торопиться с делом», – писал А. А. Завьялов.

В итоге 26 февраля 1764 г. был обнародован манифест о секуляризации церковных владений. Что же касалось офицерских описей, мнению С. И. Гурова, они по-прежнему составлялись, только теперь для учета государственной собственности, а не как бывшие монастырские вотчины [12].

Согласно манифесту все церковные владения переходили государству. Крестьяне с этих земель переходили в разряд «экономических» и обязывались выплачивать в Коллегию экономии подушный оклад в размере 1,5 рубля с души мужского пола. По данным третьей ревизии (1762–1764 гг.), число таких душ составляло 991761. Все население Российской империи составляло 11617962 души мужского пола. Это составляло 8,5% всего населения страны [13].

Для содержания монастыря выделялась определенная сумма. Все монастыри были разделены на три класса, по которым и определялся размер содержания и количество насельников.

Новоиерусалимский монастырь был на 14-м месте из первоклассных монастырей. Количество насельников разрешалось в 33 человека и 25 штатных служителей. А точнее, на одного подьячего и 24 служителя. Жалование служителям и подушные и оброчные сборы должна была выплачивать Коллегия экономии. На содержание монастыря давалась сумма в 2017 руб. 50 коп. Ниже (табл. 5) приведена таблица-смета, где подробно расписан расход штатной суммы.

Таблица 5

Расход штатной суммы,
выдаваемой первоклассным монастырям согласно штатам 1764 г. [14]

Виды расхода	Величина (руб.)
Архимандриту	500
Наместнику	50
Казначею	25
8 иеромонахам	104
4 иеродиаконам	52
8 служебным монахам	72
5 больничным монахам	40
2 пономарям	20
Просфорнику	9
Ключнику(хлебодару)	9
Чашнику	9
Подьячему	19
24 служителям	216
На платеж подушных денег на служителей	55
На дрова	150
На всякие необходимые потребности	62,50
На вино	90
На пиво	35
На церковные потребности	100
На праздники и на почтение богомольцев	100
На ремонт	300
Всего:	2017 рублей 50 копеек
Прибавка	300
Итого:	**2317 рублей 50 копеек**

Таблица 6

Список земельных владений монастыря
после секуляризационной реформы 1764 г. и до начала XX в. [15]

Наименование и местоположение	Способ и время приобретения	Площадь в кв. м
Скотный двор под монастырем	Оставлены монастырю в 1764 г.	30
Головинский конюшенный двор		
Рамский скотный двор на р. Песочне		
Луг вокруг монастыря по обе стороны р. Истры		
Огороды против житного двора		
Пруды под монастырем с рыбными ловлями		
Подворье в г. Москве на Ильинке	Пожалованы в 1657–1658 гг.	
Подворье в г. Москве на Сущевской части		
Земли вокруг монастыря		121
Головинский пруд	«Всемилостивейше пожалованы» в 1768 г.	
Луга и покосы на горах Фаворе и Ермоне		
Рамская роща на р. Песочне		57,3
Уриин сад на р. Истра		
Соколовская роща (д. Соколова)	Пожал. в 1774 г.	21
Мукомольная мельница на р. Песочне (слобода Макруша)	Пожал. в 1797 г.	11
«Новиковская земля» в г. Воскресенске, ул. Большая Крестовая	Пожертв. в 1836 г.	1,5
Две каменные лавки в г. Москва	Пожертв. в 1867 г.	

Таким образом, секуляризационная реформа 1764 г. резко изменила экономические условия обители и подвела ее к кризисной ситуации. Но по сравнению с другими монастырями Новый Иерусалим даже в такой ситуации находился в привилегированном положении. Монастырь получает ставропигию и находится в непосредственном ведении Святейшего Синода. Теперь все свои административные вопросы монастырь решал через Синод, не завися от епархиального начальства. Обитель довольно быстро приспособилась к новым экономическим условиям.

Примечания

1. *Зеленская Г. М.* Использование строительных материалов в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима по письменным источникам XVII века // Русский мир в мировом контексте: сб. ст. и материалов Всерос. заочной науч. конф. с междунар. участием / ред. кол.: Е. К. Ромодановская, С. К. Севастьянова, М. Б. Красильников, А. В. Шунков. М., 2012. С. 112.

2. *Авдеев А. Г.* Кто и когда назвал Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом // Никоновский сборник: сб., посв. 400-летию со дня рождения и 325-летию со дня преставления Никона Святейшего Патриарха Московского и всея Руси / отв. ред. и сост. А. Г. Авдеев. М., 2006. С. 93.

3. *Зеленская Г. М.* Воскресенский Новоиерусалимский монастырь в XVII – начале XXI века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: сб. ст. / сост. и науч. ред. Г. М. Зеленская. М., 2011. С. 270.

4. *Беляев Л. А.* Воскресенский Новоиерусалимский ставропигиальный монастырь // Комплексные археологические исследования при строительстве, реконструкции, реставрации, землеустройстве, земляных, мелиоративных и хозяйственных работах. М., 2015. С. 35.

5. *Шмидт В. В*. Скрижали «симфонии»: Воскресенский монастырь Нового Иерусалима – стяжание града небесного // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № S2. С. 124.

6. *Беляев Л. А.* Воскресенский Новоиерусалимский монастырь как памятник археологии начала нового времени // Российская археология. 2013. № 1. С. 37.

7. *Беляев Л. А.* Воскресенский Новоиерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников культуры / отв. ред. А. Б. Бодэ. СПб.; М., 2012. С. 28.

8. *Беляев Л. А.* Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. «Венец устроительной и архитектурной идеи» // Белорусы Москвы. XVII век / сост.: О. Д. Баженова, Т. В. Белова. Минск, 2013. С. 311. (Сер. «Энцыклапедыя рарытэтау»).

9. *Воронова О. А.* Фундаменты Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря // Российская археология. 2013. № 1. С. 56.

10. *Дорошенко С. М.* Настоятели Воскресенского монастыря Нового Иерусалима: живая история обители // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № S2. С. 168.

11. *Зеленская Г. М.* Описи XVII века Воскресенского Новоиерусалимского монастыря как исторический источник // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов Всерос. заочной науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул, 2011. С. 468.

12. *Благовидова Н. Г.* Новоиерусалимский монастырь как уникальный духовно-просветительский центр // Архитектон: известия вузов. 2013. № 41. С. 13.

13. *Крючкова М. А.* Новый Иерусалим // Русская история. 2011. № 3(17). С. 63.

14. *Шалимова Л. А., Зейналова С. Э.* Святыни Нового Иерусалима // Актуальные проблемы современного российского общества: труды междунар. науч.-практ. конф. М.: Перспектива, 2014. С. 23.

15. *Лещинский А. Н.* Сакральный смысл «земли обетованной» на истринской земле // Актуальные проблемы современного российского общества: труды междунар. науч.-практ. конф. М.: Перспектива, 2014. С. 8.

Notes

1. Zelenskyaya G. M. Ispol'zovanie stroitel'nyh materialov v Voskresenskom monastyre Novogo Ierusalima po pis'mennym istochnikam XVII veka [Using of building materials in the Resurrection monastery of New Jerusalem on written sources of the XVII century] // Russkij mir v mirovom kontekste: sb. st. i materialov Vseros. zaochnoj nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem – Russian world in the global context: collection of articles and materials of All-Russia conf. with int. participation / ed. court: Romodanovskaya E. K., S. K. Sevastyanova, M. B. Krasilnikov, A. V. Shunkov. M. 2012. P.112.

2. Avdeev A. G. Kto i kogda nazval Voskresenskij monastyr' Novym Ierusalimom [Who and when did call Resurrection monastery New Jerusalem] // Nikonovskij sbornik: sb., posv. 400-letiyu so dnya rozhdeniya i 325-letiyu so dnya prestavleniya Nikona Svyatejshego Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi – Nikon compendium: collected papers, dedicated to the 400th anniversary of the birth and the 325th anniversary from the date of demise of his Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and all Russia / resp. ed. and comp. A. G. Avdeev. M. 2006. P. 93.

3. Zelenskaya G. M. Voskresenskij Novoierusalimskij monastyr' v XVII – nachale XXI veka [Resurrection New Jerusalem monastery in the XVII – beginning of XXI century] // Nikonovskie chteniya v muzee «Novyj Ierusalim»: sb. st.- Nikon reading at the Museum "New Jerusalem": collection of articles / comp. and scient. edited by G. M. Zelenskaya. M. 2011. P. 270.

4. Belyaev L. A. Voskresenskij Novoierusalimskij stavropigial'nyj monastyr' [The New Jerusalem resurrection Stavropegial monastery] // Kompleksnye arheologicheskie issledovaniya pri stroitel'stve, rekonstrukcii, restavracii, zemleustrojstve, zemlyanyh, meliorativnyh i hozyajstvennyh rabotah Researches in the construction, reconstruction, restoration, land management, excavation, reclamation and economic works. M. 2015. P. 35.

5. Schmidt V. V. Skrizhali «simfonii»: Voskresenskij monastyr' Novogo Ierusalima – styazhanie grada nebesnogo [Tablets of Symphony: Resurrection monastery of New Jerusalem – the acquisition of the heavenly city] // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, Church in Russia and abroad. 2009, No. S2, p. 124.

6. Belyaev L. A. Voskresenskij Novoierusalimskij monastyr' kak pamyatnik arheologii nachala novogo vremeni [Resurrection New Jerusalem monastery as an archaeological monument in the early modern period] // Rossijskaya arheologiya – Russian archaeology. 2013, No. 1, p.37.

7. Belyaev L. A. Voskresenskij Novoierusalimskij monastyr': arheologiya i voprosy restavracii [Resurrection New Jerusalem monastery: the archaeology and restoration] // Restavraciya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury – Restoration and research of cultural monuments / edited by A. B. Bode. SPb.; M. 2012. P. 28.

8. Belyaev L. A. Voskresenskij Novoierusalimskij monastyr'. «Venec ustroitel'noj i arhitekturnoj idei» [Resurrection New Jerusalem monastery. "Crown of building and architectural ideas"] // Belorusy Moskvy. XVII vek – Belarusians of Moscow. XVII century / comp.: O. D. Bazhenova, T. V. Belova. Minsk. 2013. P. 311. (Ser. «Энцыклапедыя рарытэтау»).

9. Voronova O. A. Fundamenty Voskresenskogo sobora Novoierusalimskogo monastyrya [Foundations of the Resurrection Cathedral of New Jerusalem monastery] // Rossijskaya arheologiya – Russian archaeology. 2013, No. 1, p. 56.

10. Doroshenko S. M. Nastoyateli Voskresenskogo monastyrya Novogo Ierusalima: zhivaya istoriya obiteli [Abbots of the monastery of the Resurrection in New Jerusalem: a living history of the monastery] // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, Church in Russia and abroad. 2009, No. S2, p.168.

11. Zelenskaya G. M. Shisi XVII veka Voskresenskogo Novoierusalimskogo monastyrya kak istoricheskij istochnik [Inventory of the XVII centuryof the Resurrection New Jerusalem monastery as a historical source] // «Svoyo» i «chuzhoe» v kul'ture: sb. st. i materialov Vseros. zaochnoj nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «CHelovek i mir cheloveka» – "Their" and "foreign" in culture: collection of articles and materials of all-Russia conf. with int. participation "Man and the world of man." Barnaul. 2011. P. 468.

12. Blagovidova N. G. Novoierusalimskij monastyr' kak unikal'nyj duhovno-prosvetitel'skij centr [The New Jerusalem monastery as a unique spiritual and educational center] // Arhitekton: izvestiya vuzov – Architecton: proceedings of higher education. 2013, No. 41, p.13.

13. Kryuchkova M. A. Novyj Ierusalim [New Jerusalem] // Russkaya istoriya – Russian history. 2011, No. 3(17), p. 63.

14. Shalimova L. A., Zeynalova S. E. Svyatyni Novogo Ierusalima [Shrines of New Jerusalem] // Aktual'nye problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva: trudy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.- Actual problems of modern Russian society: proceedings of the international. scientific-pract. conf. M. Perspektiva. 2014. P. 23.

15. Leshchynskiy A. N. Sakral'nyj smysl «zemli obetovannoj» na istrinskoj zemle [Sacred sense of the "promised land" on the Istra land] // Aktual'nye problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva: trudy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.- Actual problems of modern Russian society: proceedings of the international. scientific-pract. conf. M. Perspektiva. 2014. P.8.

УДК 940.5+947

И. Ю. Трушкова

Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг.

Статья посвящена вопросам проведения оптации в контексте отношений советской России и молодых государств Эстонии и Латвии в 1920-х гг. На материалах центральных и региональных архивов, музеев и экспедиций показаны черты данной политики на одной из наиболее характерных территорий – северо-востоке европейской части России, куда входил и Вятский край.

The article is devoted to the questions of option in the context of relations between the Soviet Russia and the young Estonian and Latvian states in the 1920s. The features of this policy in one of the most typical areas – the north-east of the European part of Russia, which includes Vyatka region – were showing on materials of the central and regional archives, museums and expeditions.

Ключевые слова: оптация, эстонцы, латыши, специфика выезда из России в 1920-е гг., Приуралье, национальный и классовый вопросы.

Keywords : An option, Estonians, Latvians, specificity leaving of Russia in the 1920s, the Urals, the national and class questions.

© Трушкова И. Ю., 2016

Историю балтийских территорий и стран можно воспринимать не только как созвездие сюжетов в российской реальности, но и в качестве истории ближнего зарубежья, а также в контексте событий ряда стран из Западной Европы. Особое место в таком «исследовательском пограничье» занимают национальные вопросы.

До XX в. и в первые его десятилетия взаимоотношения России и Прибалтики строились с учетом исторического опыта внутренней и внешней политики в рамках Российской империи. Во время Первой мировой войны побережье Балтики воспринималось как важный стратегический рубеж, здесь были построены сухопутные укрепления, обустроены порты, в том числе и в Либаве (Лиепае), откуда можно было контролировать территорию на далекие расстояния и в то же время оборудовать необходимые фортификационные защитные сооружения. Не случайно царские офицеры даже позднее, уже находясь в эмиграции, констатировали важность постоянного внимания к побережью Балтики. «С военной точки зрения Прибалтийский край открывает подступы не только к Петрограду, но и к центру России. Культурность края и богатство его путями сообщения делают его чрезвычайно удобным для действий больших масс войск. Обладание этим краем – свободный выход в Балтийское море и господство в Финском заливе» [1]. Военные специалисты понимали стратегическую важность балтийского побережья как форпоста при возможных вооруженных конфликтах [2].

В начале XX в. полностью однородного по этническому признаку населения, чистых локальных групп в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях не отмечалось. Особая этноконфессиональная картина наблюдалась в городах. Многоязычие было весьма распространенным явлением. Показательный пример – одна из многих заметок в газете. «Объявление. Девушка, знающая русский, немецкий и эстонский языки, желает получить место продавщицы или кассирши. Справляться по ул. Яманской, № 20» [3]. В этот список многоязычной коммуникации включаются и типичные объявления властей, в том числе и о режиме поведения в дни революции 1905 г. в прибалтийских губерниях. Тексты в них печатались столбцами сразу на трех языках – немецком, русском и эстонском [4]. Национальная политика царизма учитывала внешнеполитический и внутренний – экономический – аспекты и проводила определенные мероприятия в плане регулирования национального состава населения Прибалтийского края и переселения его части на Европейский северо-восток России [5]. В результате переселений в восточные губернии России локальная территория балтийских этносов стала приобретать черты дисперсности. Диаспоры эстонцев и латышей появились во многих провинциальных регионах России – от Петербургской губернии, к центральной России, Поволжья, Урала, Сибири вплоть до Дальнего Востока. Особая этническая территория прибалтийцев оформилась в Приуралье [6].

После 1917 г. западные губернии России были охвачены огнем немецкого вторжения, Гражданской войны, выход из которой обозначался подписанием мирных договоров с новой, советской Россией. Важным последствием этого явилась оптационная кампания, имевшая серию специфических характеристик, которые объяснялись рядом имевшихся на то время этнокультурных, экономических и политических реалий.

Классовый и национальный вопросы стали смешиваться и использоваться в своих целях как большевистскими властями, так и их оппонентами в западноевропейских странах. Известно, что большевики, обретя власть, заявили о своем разрыве с прошлым, с наследием Российской империи. Представления об империи как «тюрьме народов» позволили коммунистическим вождям довольно легко расстаться с «национальными окраинами», часть из которых, в том числе Литва, Латвия и Эстония, в 1918 г. стали независимыми государствами. Огорчало только одно: новые государства не получились маленькими копиями красной России, а выбрали свой путь суверенного существования. Впрочем, в пылу Гражданской войны, когда будущее большевистской власти было обозначено одним большим вопросом, о таких «мелочах» мало кто задумывался всерьез. Эти проблемы оставались на совести мировой революции, ради которой, собственно, все и затевалось. Поэтому в 1920 г. Советская Россия без особых проблем подписала мирные договоры с Эстонией (2 февраля), Литвой (12 июня), Латвией (11 августа), руководствуясь принципом самоопределения народов. Это означало, что РСФСР признала независимость балтийских республик и отказалась «от всех суверенных прав Российской империи» на народ и территорию этих государств [7]. Так, подмена национального вопроса классовым не привела к ожидаемым результатам, мировая пролетарская революция потерпела поражение в Прибалтийском крае, однако надеждой большевистской власти остались отряды пролетариата в эти регионах/странах.

Особо выглядел и внешнеполитический аспект ситуации. «Несмотря на признание Латвии Советской Россией, правительства США и Франции продолжали заявлять, что они выступают за восстановление “единой и неделимой” буржуазной России и в том числе против отделения от нее Прибалтики. Не помогли многочисленные меморандумы и записки делегаций Литвы, Латвии и

Эстонии к Парижской мирной конференции, в которых постоянно подчеркивалось стремление этих государств к демократии. О демократической республике и о дипломатическом признании говорилось одновременно.

Согласно свидетельствам министра иностранных дел Польши Е. Сапеги, Франция считала прибалтийские государства "временным неизбежным злом" и "будущей добычей возрожденной России". Позиция Франции стала меняться только в конце 1920 г. – после окончательного поражения войск Врангеля – последних крупных сил русского Белого движения. Допуская воссоединение Прибалтики с восстановленной прежней Россией, Франция была решительно против усиления советского государства за счет сохранения в его составе бывших прибалтийских провинций. По этой причине они выступали за консолидацию на границах РСФСР сил, которые впоследствии можно было бы использовать в новой интервенции. В создавшихся условиях Париж счел целесообразным признать независимость Латвии и других прибалтийских государственных новообразований. Согласно французской печати, был избран путь "децентрализации" Советской России, в котором виделось "средство борьбы против Советов"» [8].

Еще один важный штрих к картине внешнеполитических отношений времен Гражданской войны в России. «Формирование балтийского союза, особенно с участием Польши, расценивалось Москвой как "непосредственная угроза безопасности СССР" ...Разногласия между Латвией, Литвой и Эстонией, а также явная недальновидность балтийских политиков помешали образованию Балтийского блока, или, как его стали со временем называть, Балтийской Антанты» [9]. Неоднородность экономической, социальной, этнической и конфессиональной ситуации, разный уровень включенности этнических сообществ в рыночные, индустриальные отношения влияли на сознание общества и элит в Прибалтике в то время. Разногласия между ними можно объяснить разной степенью сложения этнической идентичности и ментальности, сформированности национальных элит; в основном это был «разночинный уровень», который можно было соотнести в какой-то степени с уровнем народовольцев в центральной России пореформенного и послереформенного периода.

Именно на таком фоне внешнеполитических отношений стала реализовываться политика оптации. Дело в том, что после выделения из состава России новоявленных суверенных государств – Эстонии, Латвии и Литвы – необходимо было разделить не только территории, но и определиться с гражданами. Поэтому в ходе оптационной кампании бывшие граждане Российской империи балтийских народностей должны были определиться, в какой стране им жить – либо оставаться в России, либо вернуться на свою этническую территорию после расселений по Поволжью и Сибири, растянувшихся во времени с XVIII столетия по 1910-е гг., времена знаменитой Столыпинской реформы.

Как известно, оптационная кампания началась с того, что в статье IX Тартуского мирного договора от 2 февраля 1920 г. фиксировалось право лиц эстонского происхождения, проживающих на территории Советской России, в течение одного года со дня ратификации мирного договора оптировать гражданство Эстонии. Лицами эстонского происхождения признавались те, которые сами либо их родители были соответственно приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории, ныне составляющей Эстонию. Для проведения оптации из Эстонии в Москву прибыла правительственная контрольно-оптационная комиссия в составе примерно 200 человек. 12 мая 1920 г. ее представитель Ю. Картау сообщил в Наркоминдел, что комиссия приступила к работе. Примерно в то же время отделение контрольно-оптационной комиссии открылось в Петрограде, а в октябре того же года – в Омске [10].

Положение усугубилось тем, что на пеструю картину расселения прибалтов во внутренних регионах России в ходе Гражданской войны накладывались районы концентрации «белочехов». Некоторые военные части из Прибалтийского края рассредоточились буквально до Владивостока; «классический» пример из которых – «латышские красные стрелки». Приказом Народного комиссариата по военным делам от 14 апреля 1918 г. латышские полки были объединены в Латышскую стрелковую советскую дивизию, считавшуюся первой дивизией Красной армии. В ее рамках было предусмотрено создание десяти стрелковых полков, кавалерийского полка, артиллерийской бригады, инженерных и технических частей, а также авиадивизиона. Начальником дивизии был назначен И. Вацетис, комиссарами – К. Петерсон и К. Дозит. Помимо частей Латышской дивизии в Советской России весной и летом 1918 г. формировалось много национальных частей и отрядов из латышских красноармейцев в Витебске, Саратове и Симбирске – латышские полки, в Уфе и Самаре – батальоны, в Архангельске, Пензе, Тамбове, Москве, Петрограде и других городах – эскадроны, роты и отряды. Большинство из них в конце 1918 г. влилось в Латышскую дивизию. Всего в то время в Латышской дивизии, в отдельных частях и отрядах, по неполным данным, находилось около 9000 штыков, 2000 сабель, свыше 400 пулеметов, около 80 орудий, 20 самолетов. Общий численный состав – 23–24 тыс. стрелков [11].

В некоторых провинциальных регионах латышские стрелки сыграли важную роль в установлении и закреплении советской власти [12]. Региональный аспект работы латышских коммунистов просматривается и в таком документе:

«Anketa.

1. Sekzijas adrese: гор. Вятка, ул. Дрылевского № 38
2. Sekzijai puschkirtas rajona tujibas
3. Sekzija pastahiv no 7 julia 1918 gada
4. Sekzija paschlaik skaitas 37 beedru (Beedru skaits stipri samajinajees ais komm. rotas aisbrauklann us Latur – jas fronti sajtalweja as 70 beedru
5. Pee Sekzijas pastahiv strahdnuku klubs «J.Ojara» wahrda
6. Kluba sastahv 52 beedri… /

Анкета

1. Адрес секции: гор. Вятка ул. Дрылевского № 38
2. Секции присвоены права района
3. Секция существует с 7 июля 1918 года
4. В секции в настоящее время состоит 37 членов (число немного уменьшилось, т. к. комм. рота уехала на Латвийский фронт, которая состояла из 70 чел.)
5. При секции существует Клуб рабочих, назван именем «Я. Ояра»
6. В Клубе состоит 52 чел….» (здесь и далее – пер. с латыш. В. И. Гущина) [13].

Что касается латышского населения в Приуралье, то по переписи 1920 г. латышей в Вятской губернии насчитывалось 456 чел., в Северо-Двинской – 589 чел., Архангельской – 365 чел., Вологодской – 484 чел., Костромской – 461 чел., Пермской – 1643 чел. Итого: 3998 чел. при общем количестве по стране – 138395 чел. [14]

Эстонцев в названных губерниях насчитывалось 149928 чел., в том числе – в Вятской – 331 чел., Вологодской – 477 чел., Архангельской – 188 чел., Северо-Двинской – 147 795 чел., Костромской – 355 чел., Пермской – 782 чел. Общее число по стране – 282 396 чел. [15] Вероятно, революционный романтизм захватил больше именно латышское население. Эстонские крестьяне, особенно в районе Опарино (С.-Двинская губ.), поддерживали связи с земельными наделами.

На территории советской России оставалась и определенная часть прибалтийской интеллигенции, в основном это учительство в местах компактного проживания, переселенное по правительственным программам, мастеровые на заводах и транспорте, однако среди них числились и потомки бывших ссыльных уголовников, детоубийц, поджигателей деревенских домов и т. д. [16] Все это накладывало свой отпечаток на ход оптации.

Сам ход оптации прибалтийцев можно разделить на несколько этапов.

Ее начало определенная группа населения восприняла с воодушевлением, началась так называемая «оптационная лихорадка». Из приуральских, поволжских, сибирских регионов взоры эстонцев устремились в далекий от них Таллин.

Еще в дореволюционные годы и в ходе Гражданской войны в ряде советских городов возникали так называемые эстонские общества и национальные комитеты, которые возглавляли обычно адвокаты, профессора, врачи. Эстонский отдел Наркомнаца 20 апреля 1920 г. в письме на имя народного комиссара внутренних дел сообщал, что эти организации пытаются присвоить себе права официальных представительств Эстонской Республики. Большинство из них было ликвидировано органами революционной власти, но кое-где (во Владивостоке, Иркутске, Омске, Симферополе) правительство буржуазной Эстонии добилось предоставления им прав консульств. Эти консульства, а также созданная в Москве так называемая комиссия эстонских поселенцев стали опорой контрольно-оптационных комиссий. Официальная пропаганда Эстонии заявила о необходимости объединения всего эстонского населения в границах национального государства под национальным флагом. Предполагалось, что число оптантов должно составить 150 тыс. человек… В соответствии с этой установкой контрольно-оптационные комиссии и завербованные ими агенты (различного рода самозваные консулы и другие националистически настроенные элементы) развернули в Советской России агитацию на выезд в буржуазную Эстонию, они распространяли в поселениях и городах в большом количестве воззвания, в которых призывали эстонцев «проявить патриотизм» по отношению к буржуазной республике и вернуться на свою прежнюю родину. Газета «Эдази» сообщала, что представители белой Эстонии стремились поссорить эстонцев с советской властью и коммунистической партией. В тех местах, где агитация в пользу оптации не давала желаемых результатов, агенты контрольно-оптационных комитетов ходили по селениям и, выдавая себя за коммунистов, призывали колонистов ехать в Эстонию, чтобы «свергнуть там власть буржуазии» [17].

Настроения переселиться отмечались и у латышей, живших на территории Советской России. Численность вятской латышской коммунистической ячейки к 1920-м гг. стала падать, встал вопрос о ее закрытии [18]. В переписке Вятской Латышской секции с ЦК РКП(б) за 1918–1922 гг. есть такая телеграмма: «Латышская коммунистическая секция Вятской организации просит содействовать в отправлении назначению Харьков семейств коммунистов едущих ешалоном № 127 вагон № 795203 выданных евакуационных удостоверений = Председател секции Аленсон Адрес Вятка ул. Дрылевского д № 35 Аленсон (орфография сохранена. – *И. Т.*)» [19].

Огромное влияние на судьбу оптации стал играть «пролетарский натиск», мощная пропаганда. Этнический фактор стал подменяться классовым. Если буржуазия всех призывала «разъехаться» по «национальным квартирам», то большевики активно использовали известный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Несмотря на частично иссякнувшие силы, простые люди вставали с ним под знамена и боролись за советскую власть.

ЦК РКП(б) не позволил закрыть секцию в Вятке, работали латышские секции в Опарино, Ижевске и Сарапуле [20].

В ходе оптации наступил период активной коммунистической пропаганды. В документах на латышском языке, но хранящихся в региональных фондах российских архивов, обнаружены свидетельства, что в те годы в Вятском крае работала знаменитая коммунистка – «латышская Крупская» – Алиса Эйзенграудс. Получается, что ее перу принадлежат некоторые протоколы собраний, заполненные анкеты, проливающие свет на историю латышских коммунистов в 1920-е гг. [21]

Революционный подъем наблюдался и в рядах эстонских коммунистов в российских регионах, в частности в Приуралье, в вологодско-вятском пограничье, хотя и с некоторой спецификой. Материалы характерного собрания – «Põhja-Dьina Kubermangu Eesti haridus osukonna Esimohebele» – включают интересные тексты о культурной и пропагандистской работе. Среди них – и следующий: «Председателю эстонского образовательного отдела Сев.-Двинской губернии. Отчет. Весной 1921 года мы основали Моломский кружок образования. Этим кружком проведено 2 спектакля. Проводились репетиции певческого хора. Были еще некоторые песни и спектакли. После чего эта деятельность остановилась из-за нехватки инструкций и разного нужного материала. Буду продолжать работу дальше. Когда получу полные наставления и нужные материалы. Руководитель образовательного кружка Г. Петерсон» (пер. с эст. Ю. В. Власова) [22].

Так, контрпропаганда со стороны Советской России имела определенное значение, отток граждан-оптантов сокращался, прибалты рассредоточивались по просторам страны. Известно, что в общей сложности в течение 1920–1921 гг. примерно 50% эстонского населения, проживавшего на территории РСФСР и других советских республик, подало заявления о желании оптировать эстонское гражданство. Среди причин – недовольство «военным коммунизмом», призыв в армию, обещания получить много земли в Эстонии, строительство домов солдатам и т. д. Однако большую роль в разъяснении истинного положения сыграли эстонские коммунисты. Они призывали укрепить молодую Советскую Республику, строить коммунистическое общество. Такую же позицию заняли эстонские большевистские организации в Советской России [23].

Наложение движения на этническую родину и противодействия ему в проведении политики оптации правительствами России и молодых прибалтийских государств привело к тому, что максимальных результатов в ней не достигла не одна сторона. «Вскоре до еще не выехавших владельцев эстонских паспортов стали доходить слухи, что положение оптировавшихся незавидное. В Тарту 95% оптировавшихся – безработные… Переход к нэпу притормозил выезд. И приехавшие люди бы создавали конкуренцию для местных дельцов… Всего, по данным Эстонского правительства, из Советской России в Эстонию выехало 37.578 чел. (из них в 1920 г. – 14 909, в 1921-м – 15 866, 1922-м – 5380, и 1923 г. – 1423). Среди них были и лица русской (3,7%), а также немецкой (1,4%) национальностей» [24]. Политический аспект определялся стремлением руководства РКП(б) разрушить прежние административно-национальные устои, подменив их классовой солидарностью, что и удавалось.

В целом оптация эстонцев и латышей растянулась до 1923 г. Сходная политика вначале распространялась и на украинцев, и на грузин, и другие народы. Но позднее, при вхождении их республик в состав РСФСР, эти процессы сошли на «нет», причем быстрее, чем в отношении прибалтийцев. Получается, что у рассматриваемой политической кампании имеется достаточно четкое начало, но не фиксируется достаточно четкий финиш. Легальные и нелегальные переезды, нахождение на ставших чужими территориях выявляли органы власти еще и в 1930-е гг. Так, в секретной переписке и циркулярных указаниях по лишению избирательных прав и порядке проживания иностранцев за 1931 г. в Опаринском районе Северного края имеется список иностранных граждан, живших в указанное время в данном районе.

Список иностранных граждан, проживающих в Опаринском р-не на 11|/VIII-1931 г. [25]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Подданст-во	Форма	дата	№	Срок действ. вида	Местожительство
1	Лопман Мария Гановна	Эстония	1	26/V–27	002818	23/I – 31	Альмежский с/совет
2	Клямор Георгий Ян.	То же	1	3/VI –27	002819	22/X –30	В-Кузюгский с/совет, уч. № 152, № 9
3	Клямор Альмида Густавов.	То же	1	3/VI –27	002820	22/X –30	То же
4	Эрг Эдуард	То же	1	18/XI– 27	002829	31/XII– 30	Лузский с/совет, уч. № 98
5	Эрг Минна	То же	1	18/XI– 27	002830	31/XII– 30	То же
6	Вахер Самуил Юганович	То же	1	13/XII –27	002831	15/I – 30	Переселенческий с/совет, уч. № 221
7	Вааб Отто Якубович	То же	1	10/X–28	002843	31/XII – 30	Лузский с/совет, уч. № 98
8	Консар Анетта Самуиловна	То же	1	24/II – 30	002848	24/VIII – 30	Альмежский с/совет, уч. № 6 № 2
9	Ситтер Юрий Гансович	То же	1	2/IV – 30	002849	2/X – 30	То же

№ 0959 Председатель Опаринского Районного Исполнительного Комитета (Кошешев?)
Делопроизводитель Рай ЗАГС (Замов?)

Также в 1930-е гг. в СССР определялись правила нахождения иностранцев на его территории.

«Объявление иностранного отдела Севкрайисполкома

Граждане, заявляющие об их принадлежности к иностранном гражданству и проживающие в СССР по видам на жительство по форме номер 2 (зеленого цвета), а также лица, заявляющие себя иностранцами и не имеющие вида на жительство, в том числе и бывшие военнопленные этих категорий, для признания за ними иностранного гражданства, обязаны не позднее 1-го февраля 1932 года представить в Иностранный отдел Крайисполкома, через местные Городские Советы и Райисполкомы, соответствующее о том заявление, приложив имеющийся иностранный паспорт и другие национальные документы, доказывающие право на иностранное гражданство.

Лицам, заявляющим о гражданстве стран, имеющим в СССР посольства, миссии, Консульства и не имеющим национальных паспортов, рекомендуется обратиться в указанные иностранные учреждения с просьбой о выдаче иностранных паспортов. После вышеуказанного срока (1-е февраля 1932 г.) заявления о признании иностранного гражданства Иностранным Отделом Крайисполкома приниматься не будут.

Лица, уже возбудившие ходатайства о признании за ними иностранного гражданства и имеющие об этом соответствующие справки Иностранного Отдела Крайисполкома, также обязаны явиться не позднее указанного срока для получения ответа по поданным ими ходатайствам о признании за ними иностранного гражданства.

Прием заявлений о принадлежности к иностранному гражданству производится путем личной подачи таковых в следующем порядке: граждане названной категории, проживающие в г. Архангельске, его пригородах и Приморском районе непосредственно в Иностранный отдел крайисполкома (ул. П-Виноградова 57); проживающие в г. Вологде и Вологодском районе – в Иностранный тол Вологодского Горсовета; в гор. Сыктывкаре – в иностранный стол Коми Облисполкома и проживающие в др. местностях края – в свои местные Райисполкомы пос. Опарино.

В случае невозможности личного прибытия заявителя, вследствие болезни, инвалидности и др. уважительных причин допускается пересылка необходимых документов и заявлений в указанные органы заказным почтовыми отправлениями и через других лиц, но с объявленным приложением врачебных свидетельств или других документов заверенных местными властями подтверждающих невозможность личной явки.

Граждане, предъявляющие при заявлениях национальные паспорта, в которые вписаны их жены, должны предъявить документы о выходе последних из Советского гражданства.

На граждан, проживающих до сих пор по видам на жительство (форма № 1) (розового цвета) настоящее объявление не распространяется и явке, в силу его, они не подлежат.

Иностранный Отдел Севкрайиспокома» (орфография сохранена. – *И. Т.*) [26].

В целом оптация была не до конца успешной, ее половинчатый характер объясняется рядом причин: размытостью границ, большим количеством внутренних анклавов, участием в Красной и белой армиях, метаниями в сторону Прибалтики и оттуда, коммунистической пропагандой, силой родственных корней по обе стороны новоявленных границ.

Достаточно яркое и четкое ее начало и размытое, с некоторыми флуктуациями окончание выявляет некоторое сходство с крестьянскими обрядностью и календарем в традиционном сознании населения, находящегося именно на такой стадии развития этнической культуры или на стадии перехода к индустриальному будущему.

Политика оптации в контексте международных отношений выявляет достаточно веские причины и результаты – «дележ граждан» и борьба за умы и трудовые ресурсы всегда расценивалась как условие экономической и культурной стабильности страны. Однако так называемая «лимитрофность» территорий влияет на перманентный характер преобразования их административно-политического облика, на увеличение или отток граждан не только из-за радикальных мер во внешней политике, но и благодаря «мягкой силе» и по другим причинам.

Примечания

1. ГАРФ. Ф-5834. Оп. 1. Д. 4. Л. 54–56.

2. *Трушкова И. Ю.* Геополитические интересы России на западной границе во время Первой мировой и Гражданской войн (по данным белогвардейских документов) // Войны в истории и культуре стран и народов: деструктивная сущность и возможности предотвращения: электронный сб. науч. тр. кафедры ВИ ВятГУ. Киров, 2010.

3. Дерптский листок. 1891. № 6. С. 24.

4. Rapina vallaarhiiv (RVA). Eesti. Tartu. F. A S. XXVII. № 216. S. 173–174.

5. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 9.

6. *Трушкова И. Ю.* Вологодско-вятские прибалтийцы: этнокультурные очерки. Киров: «Старая Вятка», 2013. 339 с.

7. *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОСПЭН, 2008. С. 18–19.

8. *Воробьева Л. М.* История Латвии от Российской империи к СССР. Кн. 1. М.: «Стрит принт», 2009. С. 175–176.

9. *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 21.

10. *Маамаяги В. А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. С. 77.

11. *Воробьева Л. М.* Указ. соч. С. 125–126.

12. *Трушкова И. Ю., Тимкин Ю. Н.* Прибалтийские коммунисты и интернационалисты на Вятке в 1918–1921 годах: из этнического опыта производства социалистической революции // Актуальные вопросы исследования и современного использования этнокультурного наследи стран и регионов: сб. науч. трудов. Вып. 1. Киров: «Старая Вятка», 2006. С. 58–75.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 62. Д. 47. Л. 17.

14. Национальный состав населения РСФСР // Жизнь национальностей. Кн.1(6). 1924. С. 145.

15. Национальный состав населения РСФСР. С. 159.

16. Must Aadu. Siber ja Eesti. Jalaraua kolin. Tartu: Tatru Ulikool Kirjastus, 2012. S. 495–496, 507.

17. *Маамаяги В. А.* Указ. соч. С. 77–78.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 62. Д. 47 Л. 20.

19. РГАСПИ Ф.17. Оп. 62 Д. 47 Л. 21.

20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 62. Д. 96. Л. 21–21 об.; Д. 47. Л. 5., 12–13, 17, 19, 22.

21. Там же. Д. 96. Л. 24–25; 31–31 об.

22. ГАСПИКО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Л. 69.

23. *Маамаяги В. А.* Указ. соч. С. 78, 79.

24. Там же. С. 80, 85.

25. ГАКО. Ф. 2674. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 11.

26. Там же. Л. 16.

Notes

1. GARF. F-5834. Sh. 1. File 4. Sh. 54-56.

2. Trushkova I. Yu. Geopoliticheskie interesy Rossii na zapadnoj granice vo vremya Pervoj mirovoj i Grazhdanskoj vojn (po dannym belogvardejskih dokumentov) [Russia's Geopolitical interests on the Western border during the First world war and the Civil war (according to white papers)] // Vojny v istorii i kul'ture stran i narodov: destruktivnaya sushchnost' i vozmozhnosti predotvrashcheniya: ehlektronnyj sb. nauch. tr. kafedry VI VyatGU – Wars in history and culture of the countries and peoples: destructive nature and the possibility of preventing: electronic collection of scientific works. Department of World history of VyatSU. Kirov. 2010.

3. Dorpat leaf. 1891, No. 6, pp. 24.

4. Rapina vallaarhiiv (RVA). Eesti. Tartu. F. A. S. XXVII. No. 216. Pp. 173-174.

5. Avrekh A. Ya. [P. A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. M. Publ. of polit. lit. 1991. P.9.

6. Trushkova I. Y. Vologodsko-vyatskie pribaltijcy: ehtnokul'turnye ocherki [Vologda-Vyatka Balts: ethno-cultural essays]. Kirov. "Old Vyatka". 2013. 339 p

7. Zubkova E. Yu. Pribaltika i Kreml' [Baltic States and the Kremlin. 1940-1953]. M. ROSSPEN. 2008. Pp. 18-19.

8. Vorobeva L. M. Istoriya Latvii ot Rossijskoj imperii k SSSR [History of Latvia from the Russian Empire to the USSR]. Book 1. M. "Street print". 2009. Pp. 175-176.
9. Zubkova E. U. Op. cit. P. 21.
10. Maamayagi V.A. EHstoncy v SSSR. 1917–1940 gg. [Estonians in the USSR. 1917-1940 gg.] M. Nauka. 1990. P. 77.
11. Vorobeva L. M. Op. cit. Pp. 125-126.
12. Trushkova I. Yu., Yu. N. Timkin. Pribaltijskie kommunisty i internacionalisty na Vyatke v 1918–1921 godah: iz ehtnicheskogo opyta proizvodstva socialisticheskoj revolyucii [Baltic Communists and internationalists in Vyatka in 1918-1921: the ethnic experience in the production of socialist revolution] //Aktual'nye voprosy issledovaniya i sovremennogo ispol'zovaniya ehtnokul'turnogo nasledi stran i regionov: sb. nauch. trudov – Actual problems of modern research in the use of ethno-cultural legacy of countries and regions: collection of scientific works. Is. 1. Kirov. "Old Vyatka". 2006. Pp. 58-75.
13. RGASPI. F. 17. Sh. 62. File 47. Sh. 17.
14. Nacional'nyj sostav naseleniya RSFSR – National composition of population of the Russian Federation // ZHizn' nacional'nostej – Life of nationalities. Book1(6). 1924. P. 145.
15. Nacional'nyj sostav naseleniya RSFSR – National composition of the population of the RSFSR. P. 159.
16. Must Aadu. Siber ja Eesti. Jalaraua kolin. Tartu: Tatru Ulikool Kirjastus, 2012. S. 495–496, 507.
17. Maamayagi V.A. Op. cit. Pp. 77-78.
18. RGASPI. F. 17. Sh. 62. File 47 Sh. 20.
19. RGASPI, F. 17. Sh. 62 File 47 Sh. 21.
19. RGASPI. F. 17. Sh. 62. File 47 Sh. 21.
20. RGASPI. F. 17. Sh. 62. File 96 Sh. 21-21 об.; File 47. Sh. 5., 12-13, 17, 19, 22.
21. Ibid. File 96. Sh. 24-25; 31-31.
22. GASPIKO. F. 1920. Sh. 1. File 2. Sh. 69.
23. Maamayagi V.A. Op. cit. Pp. 78, 79.
24. Ibid. Pp. 80, 85
25. GAKO. F. 2674. Sh. 2. St.unit 22. Sh. 11.
26. Ibid. Sh. 16.

УДК 94(4)"1943/1945"

А. А. Калинин

Советская политика в Греции в оценках американских дипломатов и разведчиков (1947–1949 гг.)*

Статья посвящена анализу оценок американских дипломатов и разведчиков в отношении советской политики в Греции в 1947–1949 гг. Особое внимание уделяется отношению американского руководства к соседним с Грецией странам и их готовности поддерживать советскую политику в Балканском регионе. Автор приходит к выводу, что американцы искаженно воспринимали задачи СССР в отношении Греции и преувеличивали масштабы возможной советской экспансии на юге Балканского полуострова.

The article is devoted to analyzing the assessments of US diplomats and intelligence of the Soviet policy in Greece in 1947–1949. The author paid considerable attention to the U.S. attitude to the neighboring countries of Greece and their willingness to support the Soviet policy in the Balkan region. The author concludes that the American misperceptions of USSR' objectives in Greece lead to the exaggeration of the extent of a possible Soviet expansion in the south of the Balkan Peninsula.

Ключевые слова: внешняя политика США, внешняя политика СССР, ЦРУ, гражданская война в Греции, Балканы, холодная война.

Keywords: U. S. foreign policy, USSR foreign policy, CIA, Greek Civil War, the Balkans, the Cold War.

К началу 1947 г. Вашингтон охватили опасения относительно советской угрозы Греции. Перелом в восприятии политики СССР в американских внешнеполитических и разведывательных кругах произошел во второй половине 1946 г., когда в администрации Г. Трумэна сформировался антисоветский консенсус, создававший базу для выработки стратегии сдерживания коммунизма.

© Калинин А. А., 2016
** Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.*

В американской историографии после рассекречивания документов американских спецслужб и Совета национальной безопасности (СНБ) опубликовано несколько монографий, в которых рассматриваются вопросы стратегического планирования в этот период, в том числе и греческий аспект обеспечения национальной безопасности США [1]. В отечественной историографии некоторые аспекты темы рассматриваются в работах А. А. Калинина и В. Т. Юнгблюда [2].

Летом 1946 г. в Греции начинается гражданская война. Сообщения американских дипломатов из Афин рисовали все более мрачную картину усугубляющегося кризиса в стране. Вашингтон теперь был убежден, что Советский Союз встал на путь экспансионизма, который угрожает жизненным интересам США [3].

В Палате представителей Конгресса весной 1947 г. посол США в Греции Л. Маквей отверг определение событий в Греции как гражданской войны, считая их коммунистическим мятежом, инспирированным СССР. Мировой коммунизм, утверждал дипломат, захватив власть в Болгарии и Югославии, теперь стремится установить диктатуру пролетариата и в Греции [4]. В инструкциях Госдепартамента руководителю американской миссии помощи Греции Д. Грисуолду от 11 июля 1947 г. отмечалось, что греческая ситуация должна рассматриваться на фоне усилий международного коммунизма свергнуть правительства, неподвластные СССР. В Вашингтоне были убеждены, что «под руководством Советского Союза» компартии Югославии, Болгарии и Албании преследуют цель установить в Афинах коммунистический режим [5]. В подготовленном в Госдепартаменте в апреле 1948 г. отчете «Перспективы сохранения независимости Греции» признавалось возможное наличие конфликта интересов между коммунистическими государствами по вопросу «агрессии против Греции», однако был сделан вывод, что «все акции… осуществляются с предварительного уведомления и одобрения Москвы и при участии советских координаторов» [6].

Выступая во время дебатов по доктрине Трумэна в Комитете по международным отношениям Сената, посол Маквей обратил внимание на геополитическую составляющую греческого кризиса, который являлся следствием новой расстановки сил в Европе. Советская Россия, по его словам, стала единственной великой державой на европейском континенте, и у Великобритании нет возможности сформировать коалицию против доминирующей континентальной державы. В результате освобождения Красной армией северной части Балканского полуострова, а британскими войсками – Греции, здесь установилась граница между Западом и Востоком. Также в руках Москвы есть контроль над «пятой колонной» – Коммунистической партией Греции [7]. Маквей выделял «опасный полумесяц» – от Афганистана до Финляндии – сферу притязаний Советского Союза. Ключевой установкой международного коммунизма он считал стремление поглощать все новые и новые страны и, исходя из этого постулата, делал вывод, что для Америки очень важно остановить продвижение коммунизма на стратегической линии Греция – Турция, не допуская распространения революций на Ближний Восток [8].

Весной 1947 г. военными аналитиками из Объединенного комитета по вопросам стратегических исследований Греции было отведено высокое десятое место в списке важнейших для национальной безопасности США стран (после Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов, Австрии, Италии, Канады и Турции). С учетом первоочередности оказания помощи Греция в итоговом списке поднялась на пятое место (после Великобритании, Франции, Германии, Италии). В случае войны с коммунизмом Ближний Восток признавался вторым по стратегическому значению регионом после Западной Европы и Великобритании [9]. Таким образом, Греция в списке американских приоритетов оказалась первой среди средних по размеру стран Европы и шла сразу же вслед за наиболее промышленно развитыми государствами.

К сентябрю 1947 г. американская общественность также была твердо настроена против советизации Греции. В соответствии с опросом Института Гэллапа, 40% американцев высказались за то, чтобы США дали понять Москве, что дальнейшее расширение советской экспансии в Греции «будет рассматриваться как объявление войны остальному миру». 28% опрошенных поддержали отправку в Грецию американских войск для патрулирования ее северных границ. Смириться с установлением советского контроля над Грецией готовы были не больше 10% американцев [10].

Выдвижение доктрины Трумэна служило серьезным сигналом Москве, и американцы надеялись, что этот шаг может изменить советскую греческую политику. Однако если она и менялась, то в противоположную от ожидаемой сторону. 11 июля 1947 г. посол Л. Маквей писал госсекретарю, что греко-турецкая программа ни в коей мере не изменила политику славянских коммунистических государств в отношении Греции [11]. Американская разведка получала данные об усилении поддержки греческих повстанцев со стороны стран народной демократии [12]. Особую озабоченность Вашингтона вызвало известие о намерении Коммунистической партии Греции (КПГ) образовать правительство Свободной Греции, озвученное на съезде Французской

коммунистической партии в Страсбурге. Поступающие данные свидетельствовали об усилении гражданской войны, которую США считали агрессией против Греции ее северных соседей. По данным американцев, на рассвете 12 июля крупный отряд хорошо вооруженных партизан численностью примерно 2,5 тыс. человек вторгся в Грецию с территории Албании в районе реки Аоос (албанское название Вьоса) [13].

В то же время Госдепартамент не видел непосредственной опасности большой войны и не считал, что Москва стремится ее развязать в связи с тяжелыми последствиями недавнего военного конфликта. Выдвигалось предположение, что Советский Союз использует коммунистические партии для организации подрывных действий в зарубежных странах с тем, чтобы погрузить стратегически значимые государства в хаотическое состояние с перспективой установления подвластных Кремлю режимов [14]. Непосредственной задачей советской политики в Греции американцы считали поддержание постоянного хаоса, что делало невозможным экономическое восстановление страны. Утверждалось, что СССР использует партизан с целью подрыва греческой экономики и морального духа греков и поддерживает КПГ в качестве «пятой колонны». Таким образом, предполагалось, что Москва ведет войну на истощение, надеясь подорвать американскую программу помощи и, в конечном итоге, привести коммунистов к власти [15].

Греческие правительство и пресса в 1947 г. активно муссировали тему возможного создания коммунистами интернациональных бригад по образцу гражданской войны в Испании. В начале июня Министерство внутренних дел Франции высказалось в пользу достоверности появившейся в греческой прессе информации о том, что коммунисты начали вербовку во Франции (назывались города Нарбон и Перпиньян) интернациональных бригад для их участия в гражданской войне в Греции. Утверждалось, что в основном в бригады записываются участники испанских интербригад. По этому факту во Франции было начато расследование [16]. Вскоре появилась информация из Италии со ссылкой на журналистов о том, что штаб набора интернациональной бригады для Греции перенесен в Милан, где добровольцы получают инструкции, значительную денежную выплату и туристические документы для путешествия в Югославию. Наибольшее число добровольцев якобы были немецкими коммунистами и анархистами, бывшими бойцами Народной армии Испании и жертвами нацистских преследований [17]. В американское посольство в Риме также поступила информация, что более 2000 бойцов интернациональной бригады якобы уже сконцентрированы в г. Сплите (Югославия) и около 300 человек находятся в г. Влёра (Албания) [18]. Затем греки сообщили американцам о начале вербовки бойцов во французской Тулузе и просили принять необходимые «превентивные меры» [19].

В Вашингтоне с осторожностью относились к поступающей информации, справедливо полагая, что шум вокруг интербригад базируется лишь на слухах. Французские власти после проведенной проверки сообщили американцам, что слухи о формировании интернациональных бригад для войны в Греции распространяет испанская разведка с целью вызвать симпатии к режиму Ф. Франко. МИД Франции также сообщил Госдепартаменту, что в югославский Сплит иностранные граждане пребывают с целью не воевать за греческих коммунистов, а участвовать в международной трудовой бригаде. У греческих военных не было никаких подтверждений участия иностранцев в войне на стороне Демократической армии Греции (ДАГ) [20]. 23 июля было обнародовано заявление госсекретаря о том, что США не могут ни подтвердить, ни опровергнуть информацию об участии в боях за города Коница и Янина интернациональной бригады [21].

В составленном в августе меморандуме суммировались поступившие в Госдепартамент косвенные данные о возможном создании интернациональных бригад. Кроме Франции и Италии сведения в вербовке добровольцев или подготовке к такой вербовке поступали из Германии, Румынии, Чехословакии и Польши. В то же время отсутствовали достоверные данные о формировании какого-либо подразделения из иностранцев для участия в греческой гражданской войне или записи в ДАГ иностранных граждан [22].

Для проверки поступающей информации о вербовочной деятельности югославов в Военную миссию Югославии в Берлине явились два агента американской разведки, предложив свои услуги для участия в греческой гражданской войне. Однако конкретного ответа на вопрос о возможности поехать воевать в Грецию агентам получить не удалось [23].

Большую тревогу в Госдепартаменте вызвало нападение ДАГ на г. Коница в июле. По оценке американцев, нападавшие вторглись в Грецию из Албании. Заместитель госсекретаря Р. Ловетт в меморандуме для Дж. Маршалла констатировал серьезное ухудшение ситуации в Греции, в северных пограничных районах которой могла быть провозглашена «народная республика». Ловетт сравнивал сложившуюся ситуацию с иранским кризисом марта 1946 г. [24]

В Вашингтоне теперь не исключали возможность потери Греции и с августа 1947 г. прорабатывали план собственных действий в случае установления власти коммунистов в Афинах [25].

В представленном Отделом планирования политики Госдепартамента 18 сентября документе «Политика Соединенных Штатов в случае установления коммунистической власти в Греции» констатировалось сохранение опасности быстрого распада политических и экономических структур греческого государства, что привело бы к установлению коммунистического режима. Несмотря на недавнюю реорганизацию и назначение 7 сентября премьер-министром лидера Либеральной партии Ф. Софулиса, греческое правительство оставалось слабым, элиту пронизывали страх перед коммунистами, эгоизм и коррупция, престиж афинских властей был невысок, а их власть не распространялась на некоторые районы Греции. Еще больше усугубляло ситуацию прискорбное состояние греческой экономики, что активно эксплуатировалось коммунистической пропагандой. Задачей США признавалось «спасение Греции».

Установление коммунистического господства в Греции, считали аналитики отдела, может спровоцировать рост пораженческих настроений среди антикоммунистических сил в Европе и на Ближнем Востоке. В Вашингтоне склонялись к мнению, что победа КПГ приведет к скорому торжеству их единомышленников в Италии, а это, в свою очередь, окажет влияние на Францию и Северную Африку. Если не принять адекватных мер противодействия, то крах Греции в скором времени мог привести к падению Турции и Ирана. Также потеря Греции воспринималась бы как явный признак слабости Америки, нанеся ущерб престижу Вашингтона и провоцируя триумф антиамериканских и антизападных движений в Средиземноморье. На этом фоне прогнозировалось установление советского военного контроля над островом Крит, Додеканесом, Дарданеллами, а также преобладания в Персидском заливе. Таким образом, в Вашингтоне всерьез опасались, что без адекватных действий со стороны США крах Греции мог нанести серьезный удар по американским стратегическим позициям в Восточном Средиземноморье и сделать его уязвимым для советского проникновения.

Установление контроля Кремля над Грецией посредством «скрытой агрессии» американцы оценивали как изменение основ взаимоотношений СССР и западных держав, которые сложились после окончания Второй мировой войны и заключались в том, что ни одна из соперничающих сторон не пыталась расширить зону своего военного и политического контроля за пределы территорий, достигнутых ее вооруженными силами к концу войны. В связи с этим особое значение приобретала возможная реакция США на установление коммунистического господства в Греции. В Государственном департаменте пришли выводу, что если Вашингтон не отреагирует на такой ход событий, то Москва может попытаться установить контроль над всей Евразией. Соединенные Штаты же явно не были готовы к войне с Советским Союзом из-за Греции. В то же время в случае захвата коммунистами континентальной Греции американцы не собирались отдавать Москве греческие острова. Предполагалось также расширить экономическую и военную помощь Турции, Италии, Ирану и арабским странам. Единственным эффективным американским ответом признавалось наращивание военного присутствия в Средиземном море. Речь не шла о направлении американских войск непосредственно в Грецию, которое только сыграло бы на руку коммунистам, позволив им обвинить США во вмешательстве в греческие дела. К тому же участие американских войск в борьбе против ДАГ могло привести к боевым столкновениям с войсками московских сателлитов и даже с Советской армией. Кроме того, США намеревались использовать ООН как инструмент мобилизации мирового общественного мнения для дополнительного давления на СССР, отстаивая позицию, что захват Греции извне является вызовом Объединенным Нациям. В Вашингтоне весьма пессимистически оценивали эффективность экономической политики коммунистического правительства и прогнозировали рост недовольства новым режимом. Соединенные Штаты могли использовать эту ситуацию, содействуя организации антикоммунистического подполья и партизанского движения в стране. Американцы не собирались признавать новую коммунистическую власть в Афинах и планировали сохранять отношения с «законным» правительством, которое по возможности должно было оставаться на греческой территории. Предлагался также созыв специальной сессии Конгресса для рассмотрения кризисной ситуации [26].

В сентябре в ЦРУ пришли к заключению, что СССР вряд ли пойдет в ближайшее время на открытую военную агрессию в Европе. Его стратегия будет заключаться в избегании новой войны, наращивании военного потенциала, а также расширении сферы своего влияния и усилении контроля над ней политическими, экономическими и психологическими методами [27].

В конце 1947 г. американские спецслужбы констатировали дальнейшую эскалацию греческого кризиса. В еженедельном разведывательном обзоре ЦРУ от 7 ноября указывалось на наращивание советской военной помощи Югославии и Болгарии, что оценивалось как активизация усилий по установлению контроля над Грецией. По предположению разведчиков, Москва тем самым создавала условия для увеличения югославской и болгарской помощи греческим партизанам, а также способствовала превращению Белграда и Софии в наиболее сильные в военном отношении госу-

дарства Юго-Восточной Европы. ЦРУ получило сведения о советских планах увеличить помощь греческим повстанцам, создать общий военный штаб на Балканах якобы под руководством бывшего посла СССР в Греции адмирала К. К. Родионова и интернациональную бригаду («Балканскую армию»), состоящую главным образом из греков, югославов, албанцев и болгар. Также ожидалось формирование гражданского правительства на севере Греции, что позволило бы открыто использовать вооруженные силы, организуемые в Югославии и Болгарии. В то же время в Вашингтоне по-прежнему не ожидали открытого участия СССР в греческом конфликте [28]. В самой Греции, по оценке американцев, победы Коммунистической партии желали примерно 10% населения [29]. В ноябре в Госдепартаменте не исключали начала коммунистами гражданских войн во Франции, Италии и кульминации «интенсивного наступления на Грецию» [30].

В декабре 1947 г. посольство США в Греции констатировало некоторое улучшение обстановки. Дипломаты считали, что ситуация достигла «весьма хрупкого равновесия». В то же время отмечалось, что мятеж внутри страны по-прежнему разрастается, не утихает и «война нервов» коммунистического блока против Греции. С одной стороны, Афинам удалось заручиться поддержкой подавляющего числа стран-членов ООН. Но с другой стороны, «враги Греции» действовали все более открыто, о чем свидетельствовало учреждение Коминформбюро со штаб-квартирой в Белграде. В связи с этим не было оснований ожидать разгрома мятежа по крайней мере до конца 1948 г. Изменить хрупкий баланс в неблагоприятную сторону могло провозглашение «Свободного демократического правительства» Греции. Американцы не исключали, что СССР и его сателлиты в этом случае могут пойти на разрыв отношений с законным греческим правительством в Афинах и увеличить масштабы помощи мятежникам. Это изменило бы ситуацию в Греции в пользу коммунистов. Деятельность Специального комитета ООН по Балканам становилась в этом случае бессмысленной, так как северные соседи могли открыто помогать Демократической армии. Серьезные опасения вызывали также сообщения о возможном появлении в распоряжении ДАГ авиации [31].

После создания в декабре 1947 г. Временного народно-демократического правительства во главе с Маркосом Вафиадисом важнейшей заботой американцев стало недопущение признания «хунты Маркоса» (Вашингтон избегал слова «правительство» [32]) другими государствами [33]. Американский посол в Москве У. Смит в телеграмме госсекретарю выразил уверенность, что Временное демократическое правительство не могло быть провозглашено без одобрения Кремля, но не считал неизбежным признание правительства Маркоса со стороны стран народной демократии [34]. Уже на следующий день после обнародования Акта об образовании Временного правительства, американский посол в Белграде К. Кэннон указал югославскому руководству на абсолютную недопустимость признания Югославией, членом ООН, кабинета Маркоса [35].

Специальный комитет ООН по Балканам по инициативе американцев единодушно занял жесткую позицию, согласно которой любое признание нового «правительства» (даже де-факто) со стороны других государств будет являться серьезной угрозой миру и безопасности во всем мире. Госдепартамент счел полезным такое решение, ибо оно позволяло возможное признание каким-либо государством «хунты Маркоса» рассматривать как противоречащее позиции ООН [36].

Американская разведка считала создание кабинета Маркоса инспирированным Советским Союзом с целью увеличить моральную и материальную помощь греческим повстанцам. 2 января 1948 г. ЦРУ в специальной оценке для президента Г. Трумэна формирование «Свободного» правительства охарактеризовало как первый из нескольких последовательных шагов Москвы с целью получить контроль над Грецией. Предполагалось, что далее события будут развиваться поэтапно в соответствии со следующим алгоритмом: сначала будет развернута масштабная пропагандистская кампания в поддержку кабинета Маркоса; затем последует его признание одним или больше сателлитом СССР (наиболее вероятным кандидатом рассматривалась Албания как не связанная ни мирными договорами, ни членством в ООН) и увеличение помощи ДАГ (включая поставки самолетов, тяжелой артиллерии и танков); и, наконец, советское признание «Свободного» правительства и открытая помощь ему. Каждый последующий шаг означал для стран народной демократии увеличение риска столкнуться с серьезным противодействием со стороны США и ООН. Помощь грекам могла быть представлена советской пропагандой как симметричный ответ на доктрину Трумэна. В то же время признание СССР режима Маркоса и прямая военная помощь ему означали угрозу войны с Западом. Однако ЦРУ по-прежнему не считало Советский Союз готовым к новой мировой войне и поэтому предсказывало, что Кремль предпочтет осторожно подойти к вопросу признания партизанского правительства, двигаясь к нему постепенно, если будет убеждаться в благоприятных перспективах режима Маркоса и неготовности Запада к масштабному военному конфликту из-за Греции. Допускалось, что в связи с этими опасениями СССР

может отказать «Свободному» правительству в признании до установления Маркосом контроля над основной территорией страны, что вовсе не исключало масштабную помощь ДАГ [37].

В обзоре от 12 января колебания стран народной демократии по вопросу признания кабинета Маркоса американские разведчики связывали в том числе и с твердой позицией США. Попытка штурма г. Коница продемонстрировала способность повстанцев совершить опасное нападение на город. ЦРУ ожидало в будущем попыток установления контроля ДАГ над значительными территориями Греции [38].

Также аналитики ЦРУ проанализировали последствия установления власти компартии над всей территорией Греции. В документе «Возможные последствия установления коммунистического режима в Греции при отсутствии противодействия США» от 9 февраля 1948 г. проводилась мысль, что «Греция является краеугольным камнем, как в политическом, так и в военном смысле, антикоммунистического яруса». С военной точки зрения она рассматривалась как важный плацдарм западных демократий, который в случае войны мог служить базой для защиты Проливов и освобождения Балканского полуострова. В отчете отмечалось, что победа коммунистов без быстрой и энергичной реакции со стороны США означала бы скорое установление советского военного доминирования в Проливах, охват Турции и угрозу ограничения свободы судоходства в Восточном Средиземноморье. По оценке военных, действуя с греческих баз, советская авиация и подводный флот могли заблокировать все торговое сообщение в Восточном Средиземноморье. Пагубными были бы психологические и политические последствия. Аналитики предсказывали «глубокий психологический шок» по всему миру, ибо падение Афин означало бы первое расширение советского территориального контроля после Второй мировой войны и показало, что СССР способен успешно осуществлять экспансию с помощью тайной подрывной деятельности в мирное время, а гарантии поддержки со стороны США не являются эффективными против советской агрессии. ЦРУ ожидало в этом случае установления советского господства в Иране и Иракском Курдистане, что обеспечивало Москве контроль над иранскими и иракскими месторождениями нефти. Турция и арабские государства продолжали бы сопротивляться советскому давлению, но оказались в «серьезной опасности». Таким образом, с экономической точки зрения самым серьезным последствием могла стать потеря контроля над нефтяными ресурсами Ближнего Востока (40 процентов доказанных мировых запасов), что нанесло бы западным странам серьезный ущерб. Еще одним последствием советизации Греции, считали в ЦРУ, могла стать победа коммунистов в Италии. Во Франции, напротив, к власти пришел бы генерал Ш. де Голль как альтернатива коммунистам [39].

Пессимизмом были пропитаны и ежемесячные обзоры международной обстановки, которые готовились в ЦРУ. Апрельский обзор 1948 г. констатировал доминирующий в греческой элите страх перед возможной советской оккупацией. Наращиванию американской военной помощи Афинам советский блок мог противопоставить увеличение помощи Маркосу со стороны северных соседей Греции. Разведчики в связи с этим приходили к выводу, что решающая победа над партизанами летом 1948 г. невозможна [40].

Осенью – зимой 1947–1948 гг. в Вашингтоне развернулась дискуссия о целесообразности отправки американских войск в Грецию. Военные ведомства были скептически настроены в отношении этого предложения. Иной позиции придерживались некоторые влиятельные дипломаты. Управление ближневосточных и африканских дел Госдепартамента (УБАД) во главе с Л. Гендерсоном считало, что в Грецию при необходимости следует послать американские войска, возможно, совместно с другими странами, выразившими готовность помочь грекам. Дипломаты не согласились с мнением военных специалистов, что США лучше «потерять» Грецию, чем отправить туда сухопутные силы. В Госдепартаменте подчеркивали, что этот шаг ни в коем случае не следует рассматривать как намерение превратить Грецию в главное поле битвы между Западом и мировым коммунизмом. Отправка американского контингента являлась бы лишь политическим жестом, ясным сигналом Москве о готовности Вашингтона остановить агрессию. Если же СССР в этом случае пойдет на масштабное вмешательство в конфликт, то будет ясно, что мировой коммунизм предпочитает развязывание новой войны отказу от агрессивной политики и США следует принять необходимые ответные меры в международном масштабе [41].

В начале 1948 г. Совет национальной безопасности несколько раз обсуждал греческий вопрос. 6 января был выпущена директива СНБ-5 «Позиция США в отношении Греции», которая зафиксировала точку зрения Л. Гендерсона относительно греческой политики Вашингтона. В документе давались крайне жесткие оценки советской политики в Греции. Коммунистическое движение в этой стране рассматривалось как часть советской стратегии установления «мирового господства». Восточное Средиземноморье и Ближний Восток признавались жизненно важными для безопасности Соединенных Штатов регионами, для защиты которых Вашингтон должен за-

действовать имеющуюся в его распоряжении политическую, экономическую, а в случае необходимости и военную мощь. Установление советского контроля над любой из четырех стран (Италией, Грецией, Турцией и Ираном) оценивалось как прямая угроза безопасности США. Также выдвигалось предположение, что Временное демократическое правительство может признать СССР или кто-либо из его сателлитов, чтобы затем открыто предоставить ему военную помощь с целью установления контроля «Свободного» правительства над значительной частью территории Греции. Возможное признание правительства Маркоса и иностранную помощь ему предлагалось оценивать как агрессию против государства-члена ООН. В этом случае следовало созвать Специальную сессию Генеральной Ассамблеи для выработки ответных мер. В директиве предлагалось направить американские войска в Грецию, если возникнет угроза краха афинского режима из-за прямой или косвенной агрессии [42].

Через несколько дней в меморандуме госсекретарю Гендерсон обратил внимание на активизацию партизан в Греции. Нападение ДАГ на г. Коница, во время которого использовалась артиллерия, рассматривалось директором УБАД как свидетельство увеличения помощи мятежникам северными соседями Греции в нарушение резолюции Генассамблеи ООН. Гендерсон сравнивал Грецию с пробиркой, за которой наблюдают другие народы с целью выяснить способность западных держав сопротивляться экспансии коммунизма. И если США допустят завоевание Греции, то другие нации сделают собственные выводы и возобладают неуверенность и разочарование. Невозможно спасти Европу, подчеркивалось в меморандуме, если ее народы будут убеждены в неготовности Вашингтона прибегнуть к силе для их защиты [43].

Однако вскоре рекомендация направить американские войска в Грецию была поставлена под сомнение. Голоса против (которые историк Л. Уиттнер назвал «бюрократической контратакой») раздавались как в военных, так и в дипломатических кругах. 8 января начальник штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами США У. Леги заключил, что любое дополнительное развертывание американских вооруженных сил потребует проведения частичной мобилизации [44]. Юристы Госдепартамента указали на правовую несостоятельность ряда положений директивы СНБ-5. Признание правительства Маркоса иностранными государствами не могло рассматриваться как «вооруженное нападение» и повлечь за собой применение положений статьи 51 Устава ООН. Даже появление добровольцев негреческого происхождения в рядах ДАГ не было идентично «вооруженному нападению», если только этими добровольцами напрямую не руководило иностранное государство [45].

Позиция Отдела политического планирования Госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном в целостном виде была изложена в сообщении от 10 января «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции». Отдел выступил против точки зрения Гендерсона о необходимости отправки в Грецию американских войск, считая это предложение преждевременным [46]. Скепсис Дж. Кеннана опирался на рассуждения, что «войти» американцы могут легко, а «выйти» будет гораздо сложнее. К тому же он считал, что отправка американских военных на помощь Афинам создаст новый прецедент, который скорее всего будет использован при постановке вопросов о направлении войск в другие страны Средиземноморья и Ближнего Востока [47].

На заседании СНБ 13 января заместитель госсекретаря Р. Ловетт сообщил мнение главы Госдепартамента Дж. Маршалла о необходимости изменения директивы. Военные ведомства также скептически отнеслись к идее отправки американских войск. В Пентагоне были убеждены, что США все равно не способны развернуть в Греции достаточно сил, чтобы отразить совместное нападение Югославии, Албании и Болгарии. Поэтому возможное размещение американских войск имело бы больше психологический эффект. В итоге решением СНБ директива была возвращена для пересмотра [48]. 12 февраля обсуждался новый вариант документа СНБ-5/2. На заседании Совета последовательными противниками направления американских войск в Грецию выступили Дж. Маршалл и министр обороны Дж. Форрестол. Такой же позиции придерживался Отдел политического планирования Госдепартамента [49]. В соответствии с новой директивой США для противодействия коммунистам в Греции следовало использовать все средства, кроме американских войск. Вопрос об отправке войск не был полностью снят с повестки дня, но теперь рассматривался как возможная контрмера в случае дальнейшей эскалации коммунистической агрессии против Греции. Документ получил одобрение президента Г. Трумэна [50]. Только полномасштабная открытая агрессия с севера против Греции могла быть расценена Соединенными Штатами как casus belli, правда, воевать предполагалось преимущественно на других театрах военных действий [51].

В обзоре внешней политики США от 24 февраля, подготовленном отделом Кеннана, проводилась мысль, что использование для противодействия коммунистическим элементам в любой зарубежной стране (в том числе Греции) американской регулярной армии будет опасным и бес-

полезным обязательством, которое принесет больше вреда, чем пользы. В качестве альтернативы отдел предложил связать уровень военного присутствия США в Восточном Средиземноморье с интенсивностью коммунистической деятельности в Греции и Италии. Кеннан выражал уверенность, что для Кремля безопасность Советского Союза гораздо важнее интересов греческих и итальянских коммунистов. Если Москва будет знать, что утверждение коммунистического правительства в Афинах приведет к созданию американских авиабаз в Ливии и на острове Крит, то она, скорее всего, окажется от планов подчинения Греции. Отказ советских сателлитов признать правительство Маркоса и выговор Кремля болгарскому лидеру Г. Димитрову в связи с его заявлением о возможности создания Балканской федерации с участием Греции американские аналитики связывали с активизацией военно-морской деятельности США в Средиземном море и открытыми дискуссиями о возможности отправки американских войск в Грецию. Поэтому американцы должны дать понять СССР, что уменьшение коммунистической угрозы Греции и Италии приведет к сокращению американского военного присутствия в Средиземноморье, противоположное же развитие событий заставит Вашингтон пойти на еще большее вовлечение в региональные дела [52].

В разведывательной оценке ЦРУ «Последствия некоторых вариантов действий в отношении Греции» от 5 апреля 1948 г. рассматривалась проблема возможной реакции Советского Союза на размещение в Греции американских войск. По сравнению с контролем над Западной Европой советизация государств Ближнего Востока имела гораздо меньшую ценность для СССР. Аналитики ЦРУ отмечали, что объективно интересы Москвы в Греции в военном смысле вытекают из уязвимости жизненно важных объектов в Советском Союзе от налетов дальней авиации с аэродромов стран Ближнего Востока. Поэтому она может стремиться создать защитный пояс по образцу восточноевропейского со стороны своих южных границ. В этот пояс могли бы войти Греция, Турция, Иран и арабские государства. По крайней мере, Москва считает важной задачей недопущение превращения Греции в «империалистическую» цитадель, направленную против Советского Союза. Вероятность того, что Кремль пойдет на риск глобальной войны из-за Греции или другой страны на южном фланге, оценивалась как невысокая и допускалась только в случае, если Москва сочтет развитие событий представляющим реальную угрозу безопасности СССР или советскому контролю над государствами-сателлитами. Поэтому, считали в Вашингтоне, СССР и его сателлиты и в дальнейшем будут избегать открытого вмешательства в дела Греции, не направят туда вооруженные подразделения и вряд ли будут готовы признать правительство Маркоса до того момента, когда оно установит контроль над большей частью страны. В то же время не исключалась вероятность поставок ДАГ самолетов, танков и большего количества артиллерии. Советская поддержка коммунистических партизан, по оценке разведки, включала в себя, во-первых, психологическую войну против греческого правительства, британского и американского вмешательства в греческие дела, во-вторых, координацию и контроль операций партизан на греческой территории, в-третьих, предоставление партизанам баз в странах народной демократии и, наконец, поставки со стороны северных соседей Греции.

С точки зрения СССР, по предположениям американцев, доминирование в Эгейском море предотвратит любое враждебное военно-морское вторжение в Черное море вне зависимости от того, кто будет контролировать Проливы. Захват Греции позволил бы осуществить двойной охват Турции, усилить давление на нее, что вело к нейтрализации этой страны либо к установлению советского контроля. Действуя с греческих баз, советские самолеты и подводные лодки могли поставить под угрозу торговые маршруты в Восточном Средиземноморье, советская авиация угрожала бы также Ливии, Киренаике, Египту и государствам Леванта. Кроме того, крах Греции имел бы выгодные СССР психологические и политические последствия. В целом вывод аналитиков ЦРУ заключался в том, что текущая советская политика в Греции – это использование благоприятных возможностей в собственных интересах на второстепенном фронте [53].

К лету Вашингтон окончательно отказался от идеи ввода любого контингента американских войск в Грецию, даже символического. Дж. Маршалл в закрытом режиме сообщил сенатскому комитету по иностранным делам, что в случае переброски небольших сил в Грецию, администрация сразу же вставала перед лицом существенных рисков: при усилении военного давления со стороны советского блока оставалось с позором выводить свои войска либо перебрасывать уже крупные воинские контингенты [54]. В специальном меморандуме, подписанном министром обороны Дж. Форрестолом 19 апреля, отправка американских войск на помощь Афинам признавалась «в военном отношении необоснованной» [55]. В целом Пентагон был убежден, что Греция – явно не место для прямого военного столкновения со странами советского блока. Данная точка зрения была зафиксирована в директиве СНБ-5/3 от 25 мая «Позиция Соединенных Штатов в отношении использования военной силы в Греции» и ее доработанной версии СНБ 5/4 от

3 июня. В документе констатировалось улучшение перспектив греческого кризиса, но подчеркивалось, что «благоприятный исход отнюдь не гарантирован». Американцы отмечали, что помощь партизанам Маркоса оказывалась в меньших масштабах, чем можно было ожидать, и этот факт заставлял вновь задуматься об истинных целях советской политики. При этом греческим правительственным войскам удалось добиться некоторых успехов в борьбе против партизан. В случае ухудшения ситуации предполагалось вернуться к изучению вопроса о направлении американских войск. Директива СНБ-5/4 была одобрена президентом Трумэном [56].

Гендерсон продолжал отстаивать прежнюю позицию. В меморандуме от 1 июня он подчеркнул, что предложение направить в Грецию американские войска имеет в первую очередь политическую, а не военную подоплеку и призвано служить вполне определенным сигналом для Советского Союза. УБАД при этом вовсе не предлагал считать Грецию возможным театром военного противостояния Москве в случае мировой войны. Наоборот, дипломаты считали отправку войск в Грецию способом предотвратить глобальный военный конфликт [57].

Любой шаг навстречу, сделанный с другой стороны «железного занавеса», воспринимался американцами с крайней подозрительностью и оценивался только как признак слабости. Так, мирные предложения, переданные от имени Временного демократического правительства по радио «Свободная Греция» 31 мая и 2 июня, в американском посольстве в Греции восприняли как «лучшее свидетельство слабости партизан» и проявление желания СССР спасти их от грядущего поражения. Любой мирный процесс поверенный в делах США в Греции К. Ранкин рассматривал через призму возможности повторения в стране чехословацкого сценария [58]. В Госдепартаменте ожидали, что в случае дальнейшего ухудшения положения повстанцев Москва усилит «мирное наступление» и еще до полного уничтожения или бегства армии Маркоса предложит политическое решение греческого конфликта (этот прогноз оправдается в 1949 г.). В Вашингтоне опасались, что некоторые члены ООН могут позитивно отнестись к подобным предложениям. В связи с этим следовало подготовиться к новым пропагандистским нападениям «советского блока» на внутреннюю политику греческого правительства [59].

Итоги военных операций 1948 г. оказались двойственными: в июле – августе Национальной армии в районе Граммоса удалось провести ряд успешных военных операций, однако несколько тысяч партизан смогли бежать в Албанию, а затем возвратиться в Грецию для продолжения борьбы с правительственными силами. В итоге в целом стратегическая ситуация в Греции существенно не изменилась, а на Пелопоннесе обстановка даже ухудшилась. Страны народной демократии по-прежнему избегали непосредственного участия в военных действиях, кроме пограничных инцидентов. Помощь Югославии партизанам, по данным американцев, уменьшилась, а поддержка Албании увеличилась. Появление в Греции американских войск СССР мог использовать как предлог для размещения собственных воинских подразделений в балканских странах народной демократии. Теперь американцы склонялись к мысли, что советское руководство может прийти к заключению о невозможности военной победы партизан, пока продолжается масштабная помощь США афинскому правительству. На этом основании в Госдепартаменте предположили, что Москва будет пытаться продолжительное время держать Грецию в состоянии хаоса, принуждая Афины и Вашингтон растрачивать ресурсы в надежде заставить США свернуть программу помощи Греции. В связи с этим в Вашингтоне не видели причин считать, что СССР может согласиться на политическое урегулирование греческого кризиса. СНБ подтвердил прежнее решение, что Соединенные Штаты должны воздержаться от отправки своих войск [60].

В директиве СНБ № 42/1 «Цели США в отношении Греции и Турции для противодействия советской угрозе безопасности США», одобренной президентом Трумэном 23 марта 1949 г., подтверждались прежние установки в отношении греческой политики. В случае прекращения американской помощи предсказывалось резкое ухудшение экономической ситуации в Греции. Предполагалось постоянно следить за развитием ситуации в стране. Наиболее слабым звеном в советской системе после конфликта И. В. Сталина и И. Б. Тито стала Албания, которая оказалась изолированной от государств Коминформа, будучи в то же время небольшим государством и обладая весьма слабой экономикой. Соединенные Штаты, используя заинтересованность Тито в развитии экономических контактов с западными государствами и его стремление проводить отличную от СССР и советских союзников внешнюю политику, намеревались вступить в более тесные экономические отношения с Югославией, в том числе с целью добиться отказа Белграда от помощи греческим партизанам [61].

Летом американцы ожидали скорого разгрома партизанского движения. В начале июня американский посол в Греции Г. Грейди предположил, что военная победа над партизанами приведет к переменам в советской политике и заставит Москву отказаться от планов установления контроля над этим государством. Прецедентом для такого шага Кремля мог стать отказ СССР от

притязаний на Иранский Азербайджан в 1946 г. [62] В конце августа 1949 г. партизаны в Греции потерпели окончательное поражение и вынуждены были отступить в Албанию и Болгарию. Гражданская война закончилась.

Однако американцы вовсе не считали, что Советский Союз изменит свое поведение после поражения в Греции. Американский посол в Москве А. Кэрк призывал Госдепартамент к «предельной бдительности», так как СССР не отказался от своих конечных целей в Греции, осуществление которых было «временно приостановлено поражением партизан и отступничеством Тито». «…Я убежден, – писал посол, – что Советы по-прежнему будут использовать любую политическую или дипломатическую возможность, чтобы поставить своих друзей у власти в Афинах» [63]. Поэтому в декабре он предостерегал от значительного сокращения американской помощи Греции. Порядка 10 тыс. бойцов ДАГ, которые находились на территории стран народной демократии, Кэрк рассматривал как «скрытую военную угрозу» Греции. Американская разведка считала, что Коминформ разработает новый план установления коммунистического контроля над Грецией [64]. Начальник американской Объединенной группы военных советников и планирования генерал-лейтенант Дж. Ван Флит также думал, что Советский Союз может «возобновить атаку» [65].

Подводя итог анализу восприятия американцами советской греческой политики, можно констатировать, что его краеугольным камнем было представление об агрессивности мирового коммунизма. В русле господствовавшего «группового мышления» в Вашингтоне склонны были искать истоки гражданского противостояния в Греции не внутри страны, а видеть первопричину кризиса в происках мирового коммунизма, которым руководит Кремль. В рамках теории «всемирного коммунистического заговора» явно преувеличивалась степень сплоченности коммунистического блока. В ЦРУ были убеждены, что действия КПГ, так же как и компартий северных соседей Греции, тайно направляются из Москвы. Поэтому американцы ответственность за греческий международный кризис всецело возлагали на Советский Союз, который якобы стремился расширить сферу своего влияния за пределы территории, освобожденной Красной армией в 1944–1945 гг.

Греческий кризис рассматривался как геополитическая угроза западному миру. В американском восприятии доминировали идеологические стереотипы, что вело к упрощенному пониманию советской политики. Конфликт интерпретировался как «игра с нулевой суммой»: либо Советский Союз установит полный контроль над Грецией, либо Соединенные Штаты «спасут» колыбель демократии. Такой подход исключал возможность внутриполитического компромисса в Греции: единственно приемлемой для Вашингтона была капитуляция партизан. В американском внешнеполитическом мышлении преобладающей становится логика «доктрины домино»: вслед за порабощением коммунистами Греции ожидалось последующие «падение» других средиземноморских государств. Кризис в Греции вызывал опасения и с точки зрения возможности утраты контроля Запада над нефтяными ресурсами Ближнего и Среднего Востока.

Военно-стратегическое планирование США исходило из перспективы развязывания СССР новой мировой войны, но не раньше чем через 5 лет. Именно этим американские аналитики объясняли сдержанную позицию Москвы по Греции: предполагалось, что Советский Союз опасается открытого военного конфликта с Соединенными Штатами до восстановления собственной экономики. Американская разведка вполне справедливо считала Грецию второстепенным для Кремля «фронтом» холодной войны.

Сопоставление имеющихся данных о мотивах Советского Союза и стран Восточной Европы с американскими аналитическими разработками указывает на серьезное искажение восприятия Соединенными Штатами целей советской внешней политики. Так, Москве приписывались планы неограниченной экспансии в Евразии, экономического истощения США. Советская политика поддержки греческих повстанцев связывалась с желанием Москвы ослабить западные позиции в Европе и на Ближнем Востоке. Распространенным стало представление, что в Греции СССР тестирует готовность Запада ответить на коммунистическую агрессию. Американцы считали, что Советский Союз избрал Грецию в силу ее внутренней слабости как новый объект экспансии косвенными методами: через погружение страны в хаос и гражданскую войну. Априори предполагалось, что только твердая позиция Вашингтона может заставить «Советы» отступить в Греции.

Разногласия в американском руководстве касались лишь масштаба участия в греческих делах. Греция в силу географического положения и ландшафта никогда не рассматривалась как возможный театр военного противостояния Советскому Союзу в случае мировой войны. В то же время в Вашингтоне высказывались опасения, что слишком мягкая американская позиция по Греции побудит Москву к дальнейшим агрессивным действиям, которые повлекут за собой новый глобальный конфликт. Наибольшие споры вызвал вопрос о размещении в стране американских войск. Некоторые дипломаты во главе с Л. Гендерсоном выступали в роли «ястребов», энер-

гично поддерживая идею переброски в Грецию американских воинских контингентов. Военные ведомства и Отдел политического планирования Госдепартамента склонялись к более осторожному курсу.

Примечания

1. *Leffler M. P.* A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford (California), 1992; Sale S. L. The Shaping of Containment: Harry S. Truman, the National Security Council, and the Cold War. Saint James, N. Y., 1998; Hogan M. J. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954. N. Y., 2000; и др. Интересна также диссертация С. Сейл: Sale S. L. Harry S. Truman, the Development and Operations of the National Security Council, and the Origins of United States Cold War Policies: A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate College of the Oklahoma State University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Oklahoma State University, 1991.

2. *Юнгблюд В. Т., Калинин А. А.* Советская политика в Греции в 1947–1949 гг. в оценках американских военных и разведывательных ведомств // Научное мнение. Исторические, социологические и экономические науки. 2015. № 8. С. 48–58; *Калинин А. А.* Советская угроза Греции в восприятии администрации Г. Трумэна (1947–1948 гг.) // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 7 / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Курск, 2015. С. 143–155.

3. См. подробнее: *Калинин А. А.* «Красная угроза» в Греции в оценках американских дипломатов в 1946–1949 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(1). С. 56–58.

4. United States. Congress. House. Committee on International Relations. Selected Executive Session Hearings of the Committee, 1943–1950. Vol. VI. Military Assistance Programs. Part 2. Wash., 1976. P. 317–324.

5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1947. Vol. 5. P. 219–220.

6. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949 // Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / ed. by L. Baerentzen, J. O. Iatrides, O. L. Smith. Copenhagen, 1987. P. 235.

7. United States. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Legislative Origins of the Truman Doctrine: Hearings Held in Executive Session before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Eightieth Congress, first session, on S. 938. Wash., 1973. P. 33.

8. Ibid. P. 46, 66; *Jones H.* "A New Kind of War". America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. N. Y.; Oxford, 1989. P. 50.

9. FRUS. 1947. Vol. 1. P. 736–750; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by Th. Etzold and J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 71–83; Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.: пер. с англ. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М., 2006. С. 99–115.

10. The Gallup Poll: Public opinion, 1935–1971. Vol. 1: 1935–1948. N. Y., 1972. P. 675.

11. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 225–226.

12. *Jones H.* Op. cit. P. 74.

13. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 238–240.

14. Ibid. P. 364.

15. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 235.

16. U. S. Military Attaché, American Embassy in France to AGWAR for WAR G-2. Paris. June 5, 1947. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (далее – NARA). RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-547; Department of State to U. S. Embassy in Greece. Washington, D. C. June 6, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-647.

17. Памятная записка с этой информацией была вручена греческим послом в США Л. Гендерсону 13 июня: Memorandum of Conversation. International Brigade. Participants: The Greek Ambassador; Mr. L. Henderson, Director, NEA. Washington, D. C. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-1347; Royal Greek Embassy to Department of State. Aide-Memoire. No. 3708. Washington, D. C. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-1347.

18. J. Dunn (U. S. Ambassador to Italy) to Secretary of State. Rome. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-1347.

19. Royal Greek Embassy to Department of State. Aide-Memoire. No. 4102. Washington, D. C. June 24, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-2447.

20. Department of State to U. S. Mission to the United Nations. Washington, D. C. July 16, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/7-1647.

21. International Brigade. Statement by the Secretary of State [Released to the press July 23] // The Department of State Bulletin. Vol. XVII. No. 422. August 3, 1947. P. 228.

22. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 292–293.

23. Office of Military Government for Germany, U. S. (C. Offie, Political Officer) to the Secretary of State. Possible Recruiting Activities for the Inter¬national Brigade in Greece. Frankfurt. September 15, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/9-1547.

24. R. Lovett to the Secretary of State. Memorandum for the Secretary. Washington, D. C. July 15, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/7-1547.

25. Miscamble W. D. George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, N. J., 1992. P. 87.

26. The State Department Policy Planning Staff Papers / Introd. by A. Kasten Nelson. Vol. I: 1947. N. Y., 1983. P. 91–101. Этот документ упоминается в дневниках Дж. Форрестола: The Forrestal Diaries / ed. by W. Millis. N. Y., 1951. P. 307.

27. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-204051-i1-9. United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security of the United States. CIA 4, January 12, 1948. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 8.

28. Weekly Summary Excerpt, 7 November 1947, Soviet Preparations to Gain Control in Greece. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf . P. 149–150.

29. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 67.

30. FRUS. 1947. Vol. 1. P. 770, 776; Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 91, 96; Главный противник. С. 125, 131.

31. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 440–444.

32. Греческим властям было рекомендовано не применять публично слово «правительство», а называть Временное демократическое правительство «хунтой», «коммунистами», «мятежниками» (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 476).

33. Так, в американское посольство в Белграде Госдепартамент направил инструкции как можно скорее довести до сведения югославских властей позицию США, что признание самозваного «правительства» Маркоса будет скандальным нарушением Устава и решений Генассамблеи ООН (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 471–472). Аналогичные демарши в Белграде и Софии предприняло британское правительство (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 475–476).

34. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 470–471.

35. Εμφύλιος πόλεμος: Έγγραφα από τα γιουγκοσλαβικά και τα Βουλγαρικά αρχεία / επιμέλεια Β. Κόντης, Σ. Σφέτας. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 98–99.

36. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 222.

37. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-239575-i1-4. Prospects for Soviet/Satellite Support for the “Free” Greek Government, January 2, 1948. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet

38. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-204051-i1-9. United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security of the United States. CIA 4, January 12, 1948. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 4.

39. United States. Central Intelligence Agency. Possible Consequences of Communist Control of Greece in the; Absence of U. S. Counteraction [Includes Enclosures]. Secret, Intelligence Estimate, ORE 69, February 9, 1948. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CSE00022

40. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-204530-i1-13. United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security

of the United States. CIA 4-48, April 8, 1948. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 6.

41. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 458–459; Wittner L. S. American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 237.

42. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 2–7; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 6–14; United States. National Security Council. The Position of the United States With Respect to Greece, National Security Council Report, January 6, 1948. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver= Z39.88-2004&res_dat=xri: dnsa&rft_dat= xri:dnsa:article:CPD00009 ; Condit K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. The Joint Chiefs of Staff and National Policy. Vol. II: 1947–1949. Wilmington (Delaware), 1979. P. 43; Wittner L. S. Op. cit. P. 237–238; Miscamble W. D. Op. cit. P. 90; Leffler M. P. Op. cit. P. 195.

43. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 9–12; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 15–19; Condit K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. II: 1947–1949. P. 44–45.

44. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 8–9.

45. Ibid. P. 15–18.

46. Ibid. P. 21–26; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. N.Y., 1983. P. 1–4; Miscamble W. D. Op. cit. P. 89–90; Wittner L. S. Op. cit. P. 238.

47. Iatrides J. O. George E. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // World Policy Journal. Vol. 22, No. 3 (Fall 2005). P. 133.

48. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-246986-i1-7. Minutes of the 5th Meeting of the National Security Council in the Conference Room at the White House, January 13, 1948. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 27–28; Miscamble W. D. Op. cit. P. 90–91; Condit K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. II. P. 43–46.

49. Leffler M. P. Op. cit. P. 195; Sale S. L. The Shaping of Containment. P. 39–40; см. также: Miscamble W. D. Op. cit. P. 91; Wittner L. S. Op. cit. P. 238.

50. United States. National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to Greece, NSC 5/2, February 12, 1948. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00011; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 46–51.

51. См., например: FRUS. 1948. Vol. 4. P. 64–65.

52. FRUS. 1948. Vol. 1. Part 2. P. 518–520; Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 121–123; об этом также: Hixson W. L. George F. Kennan: Cold War Iconoclast. N. Y., 1989. P. 60.

53. United States. Central Intelligence Agency. Consequences of Certain Courses of Action With Respect to Greece [Includes Enclosures]. Top Secret, Intelligence Estimate, ORE 10–48, April 5, 1948. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000258949.pdf ; http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CSE00026 . P. 3–5.

54. Wittner L. S. Op. cit. P. 239.

55. FRUS. 1948. Vol. 1. Part 2. P. 564–567.

56. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 93-95, 101; United States. National Security Council. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the Position of the United States with Respect to the Use of U. S. Military Power in Greece, NSC 5/3, May 25, 1948. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00012; United States. National Security Council. Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to the Use of U. S. Military Power in Greece, NSC 5/4, June 3, 1948. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00013

57. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 98–99.

58. Ibid. P. 101–102.

59. Ibid. P. 118–119.

60. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 518–522; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 205–208; 1949. Vol. 6. P. 235–236.

61. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 269–279; United States. National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on U. S. Objectives with Respect to Greece and Turkey to Counter Soviet Threats to U. S. Security, NSC 42/1, March 22, 1949. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00123 ; Sale S. L. The Shaping of Containment. P. 100; Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-213194-i1-11. United States. National Security Council. Memorandum for the President, March 23, 1949. URL: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 4–5; текст первого варианта директивы от 4 марта 1949 г.: United States. National Security Council. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on U. S. Objectives with Respect to Greece and Turkey to Counter Soviet Threats to U. S. Security, NSC 42, March 4, 1949. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00122

62. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 353–354.

63. Ibid. P. 417.

64. Ibid. P. 467.

65. Ibid. P. 454–455.

Notes

1. Leffler M. P. A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford (California), 1992; Sale S. Sh. The Shaping of Containment: Harry S. Truman, the National Security Council, and the Cold War. Saint James, N. Y., 1998; Hogan M. J. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954. N. Y., 2000; и др. Интересна также диссертация С. Сейл: Sale S. Sh. Harry S. Truman, the Development and Sherations of the National Security Council, and the Origins of United States Cold War Policies: A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate College of the Oklahoma State University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Oklahoma State University, 1991.

2. Jungblut V. T., Kalinin A. A. Sovetskaya politika v Grecii v 1947–1949 gg. v ocenkah amerikanskih voennyh i razvedyvatel'nyh vedomstv [Soviet policy in Greece in 1947-1949. in the USA military and intelligence offices] // Nauchnoe mnenie. Istoricheskie, sociologicheskie i ehkonomicheskie nauki – Scientific opinion. Historical, sociological and economic science. 2015, No. 8, pp. 48-58; Kalinin A. A. Sovetskaya ugroza Grecii v vospriyatii administracii G. Trumehna (1947–1948 gg.) [Soviet threat to Greece in the perception of the administration of Harry Truman (1947–1948)] // Amerikanistika: aktual'nye podhody i sovremennye issledovaniya: mezhvuz. sb. nauch. trudov – American Studies: current approaches and current research: interuniversity collection of scient. works. Is. 7 / under the editorship of T. V. Alentieva, M. A. Philimonova. Kursk. 2015. Pp. 143-155.

3. More info: Kalinin A. A. «Krasnaya ugroza» v Grecii v ocenkah amerikanskih diplomatov v 1946–1949 gg. ["Red menace" in Greece in the assessments of American diplomats in the years 1946-1949] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta- Herald of Vyatka State Humanities University. 2012, No. 4(1), pp. 56-58.

4. United States. Congress. House. Committee on International Relations. Selected Executive Session Hearings of the Committee, 1943–1950. Vol. VI. Military Assistance Programs. Part 2. Wash., 1976. P. 317–324.

5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1947. Vol. 5. P. 219–220.

6. Iatrides J. O. Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949 // Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / ed. by Sh. Baerentzen, J. O. Iatrides, O. Sh. Smith. Copenhagen, 1987. P. 235.

7. United States. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Legislative Origins of the Truman Doctrine: Hearings Held in Executive Session before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Eightieth Congress, first session, on S. 938. Wash., 1973. P. 33.

8. Ibid. P. 46, 66; Jones H. “A New Kind of War”. America’s Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. N. Y.; Oxford, 1989. P. 50.

9. FRUS. 1947. Vol. 1. P. 736–750; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by Th. Etzold and J. Sh. Gaddis. N. Y., 1978. P. 71–83; The main enemy: Documents of American foreign policy and strategy 1945-1950: transl. from English. / comp. and ed. introd. article by I. M. Ilinskiy. M. 2006. Pp. 99-115.

10. The Gallup Poll: Public opinion, 1935–1971. Vol. 1: 1935–1948. N. Y., 1972. P. 675.

11. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 225–226.

12. Jones H. Op. cit. P. 74.

13. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 238–240.

14. Ibid. P. 364.

15. Iatrides J. O. Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 235.

16. U. S. Military Attaché, American Embassy in France to AGWAR for WAR G-2. Paris. June 5, 1947. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (hereinafter – NARA). RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-547; Department of State to U. S. Embassy in Greece. Washington, File C. June 6, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-647.

17. Aide-memoire with this information was presented to the Greek Ambassador in the United States L. Henderson on June 13: Memorandum of Conversation. The International Brigade. Participants: The Greek Ambassador; Mr. Sh. Henderson, Director, NEA. Washington, File C. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945-1949. 868.00/6-1347; Royal Greek Embassy to the Department of State. Aide-Memoire. No. 3708. Washington, File C. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945-1949. 868.00/6-1347.

18. J. Dunn (U. S. Ambassador to Italy) to Secretary of State. Rome. June 13, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-1347.

19. Royal Greek Embassy to Department of State. Aide-Memoire. No. 4102. Washington, File C. June 24, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-2447.

20. Department of State to U. S. Mission to the United Nations. Washington, File C. July 16, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/7-1647.

21. International Brigade. Statement by the Secretary of State [Released to the press July 23] // The Department of State Bulletin. Vol. XVII. No. 422. August 3, 1947. P. 228.

22. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 292–293.

23. Office of Military Government for Germany, U. S. (C. Offie, Political Officer) to the Secretary of State. Possible Recruiting Activities for the Inter¬national Brigade in Greece. Frankfurt. September 15, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/9-1547.

24. R. Lovett to the Secretary of State. Memorandum for the Secretary. Washington, File C. July 15, 1947. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/7-1547.

25. Miscamble W. File George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, N. J., 1992. P. 87.

26. The State Department Policy Planning Staff Papers / Introd. by A. Kasten Nelson. Vol. I: 1947. N. Y., 1983. P. 91–101. This document Is mentioned in the diary of J. Forrestal: The Forrestal Diaries / ed. by W. Millis. N. Y., 1951. P. 307.

27. Declassified Documents Reference System (GALE). Document DDRS-204051-i1-9. United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security of the United States. CIA 4, January 12, 1948. Available at: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 8.

28. Weekly Summary Excerpt, 7 November 1947, Soviet Preparations to Gain Control in Greece. Available at: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf . P. 149–150.

29. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 67.

30. FRUS. 1947. Vol. 1. P. 770, 776; Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 91, 96; Main enemy. Pp. 125, 131.

31. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 440–444.

32.The Greek authorities were advised to not publicly use the word "government" and call a Temporary democratic government "junta", "Communists", the "rebels" (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 476).

33. So, in the American Embassy in Belgrade, the state Department has sent instructions as soon as possible to inform the Yugoslav authorities of the US position that the recognition of the self-styled "government" of Markos will be flagrant violation of the Charter and decisions of the UN General Assembly (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 471-472). Similar demarches in Belgrade and Sofia has taken the British government (FRUS. 1947. Vol. 5. P. 475-476).

34. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 470-471.

35. Εμφύλιος πόλεμος: Έγγραφα από τα γιουγκοσλαβικά και τα Βουλγαρικά αρχεία / επιμέλεια Β. Κόντης, Σ. Σφέτας. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 98-99.

36. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 222.

37. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-239575-i1-4. Prospects for Soviet/Satellite Support for the “Free” Greek Government, January 2, 1948. Available at: http://infotrac.galegroup.com/ galenet

38. Declassified Documents Reference System (GALE). Document DDRS-204051-i1-9. The United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security of the United States. CIA 4, January 12, 1948. Available at: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 4.

39. The United States. Central Intelligence Agency. Possible Consequences of Communist Control of Greece in the; Absence of u.s. Counteraction [Includes Enclosures]. Secret, Intelligence Estimate, ORE 69, February 9, 1948.

Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat= xri:dnsa:article:CSE00022

40. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-204530-i1-13. The United States. Central Intelligence Agency. Review of the World Situation as it Relates to the Security

of the United States. CIA 4-48, April 8, 1948. Available at: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 6.

41. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 458-459; Wittner Sh. S. American Intervention in Greece, 1943-1949. N. Y., 1982. P. 237.

42. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 2-7; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 6-14; United States. The National Security Council. The Positions of the United States With Respect to Greece, the National Security Council Report, January 6, 1948. Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00009 ; Condit K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. The Joint Chiefs of Staff and National Policy. Vol. II: 1947-1949. Wilmington (Delaware), 1979. P. 43; Wittner Sh. S. Op. cit. P. 237-238; Miscamble W. File Op. cit. P. 90; Leffler M. P. Op. cit. P. 195.

43. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 9-12; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 15-19; Condit K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. II: 1947-1949. P. 44-45.

44. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 8-9.

45. Ibid. P. 15-18.

46. Ibid. P. 21-26; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. N. Y., 1983. P. 1-4; Miscamble W. File Op. cit. P. 89-90; Wittner Sh. S. Op. cit. P. 238.

47. Iatrides J. O. George

E. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // World Policy Journal. Vol. 22, No. 3 (Fall 2005). P. 133.

47. Iatrides, J. O. George E. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // World Policy Journal. Vol. 22, No. 3 (Fall 2005). P. 133.

48. Declassified Documents Reference System (GALE). Document DDRS-246986-i1-7. Minutes of the 5th Meeting of the National Security Council in the Conference Room at the White House, January 13, 1948. Available at: http://infotrac.galegroup.com/galenet; FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 27-28; W. File Miscamble Op. cit. P. 90-91; Condit, K. W. History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. II. Pp. 43-46.

49. Leffler M. P. Op. cit. P. 195; S. Sh. Sale, The Shaping of Containment. Pp. 39-40; see also: W. D. Miscamble Op. cit. P. 91; Sh. S. Wittner, Op. cit. P. 238.

50. United States. The National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to Greece, NSC 5/2, February 12, 1948. Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat= xri: dnsa:article:CPD00011; FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 46-51.

51. See, example: FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 64-65.

52. FRUS. 1948. Vol. 1. Part 2. Pp. 518-520; Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 121-123; also: W. Sh. Hixson, George F. Kennan: Cold War Iconoclast. N. Y., 1989. P. 60.

53. United States. Central Intelligence Agency. Consequences of Certain Courses of Action With Respect to Greece [Includes Enclosures]. Top Secret, Intelligence Estimate, ORE 10-48, April 5, 1948. Available at: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000258949.pdf ; http://gateway. proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri: dnsa:article: CSE00026 . P. 3-5.

54. Wittner Sh. S. Op. cit. P. 239.

55. FRUS. 1948. Vol. 1. Part 2. Pp. 564-567.

56. FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 93-95, 101; United States. The National Security Council. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the Position of the United States with Respect to the Use of U.S. Military Power in Greece, NSC 5/3, May 25, 1948. Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00012; United States. The National Security Council. Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to the Use of U.S. Military Power in Greece, NSC 5/4, June 3, 1948. Available at: http://gateway.proquest.com/ openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00013

57. FRUS. 1948. Vol. 4. Pp. 98-99.

58. Ibid. Pp. 101-102.

59. Ibid. Pp. 118-119.

60. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 518-522; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 205-208; 1949. Vol. 6. P. 235-236.

61. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 269-279; United States. The National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on U.S. Objectives with Respect to Greece and Turkey to Counter Soviet Threats to U. S. Security, NSC 42/1, March 22, 1949. Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00123 ; Sale S. Sh., The Shaping of Containment. P. 100; Declassified Documents Reference System (GALE). Document DDRS-213194-i1-11. United States. The National Security Council. Memorandum for the President, March 23, 1949. Available at: http://infotrac.galegroup.com/galenet . P. 4-5; the text of the first version of the Directive of 4 March 1949: United States. The National Security Council. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on U.S. Objectives with Respect to Greece and Tur-

key to Counter Soviet Threats to U. S. Security, NSC 42, March 4, 1949. Available at: http://gateway.proquest.com/openAvailable at?Available at_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00122
62. FRUS. 1949. Vol. 6. Pp. 353-354.
63. Ibid. P. 417.
64. Ibid. P. 467.

УДК 327(597):8142

У. А. Омарова

К ранней истории чамского этноса в Камбодже

В статье впервые рассматривается ранняя история чамского этноса Камбоджи в период «культуры Сахюина» (со II до I в. н. э.) и в период Линьи (II–VII вв.). Проводится анализ материалов исследований по рассматриваемой тематике. Особое место в работе занимает анализ гипотез о месте зарождения чамской цивилизации. В процессе написания статьи изучаются дискуссионные вопросы оценки найденных артефактов и формируется представление о дискуссионности ранних работ в этом направлении. Автором представляется опыт изучения не только непосредственно исторически-структурной парадигмы, но также и перспектив развития этноса в условиях глобализации. Представлены региональные особенности перспектив развития структур в мировом пространстве и непосредственно региональных филологических исследований. Предлагаются пути оптимизации ситуации.

The paper first examines the early history of the Cham ethnic group of Cambodia during the "cultural Sahyuina" (from II to I century AD) and during Linyi (II–VII centuries). The analysis of materials on the subjects of research. special place in the work devoted to the analysis of hypotheses on the birthplace of Cham civilization. In the process of writing this article examines controversial issues of assessment found artifacts and form a view of diskusionnosti early work in this direction. The author presents a learning experience not only directly historically structural paradigm, but also the prospects for the development of the ethnic group in the context of globalization. Presents the regional characteristics of structures development prospects in world space and direct regional philological studies. The ways to optimize the situation.

Ключевые слова: Камбоджа, жат, Сахюин, Линьи, Чампа, чамский этнос.

Keywords: Cambodia, RAT, Sahyuin, Linyi, Champa, Cham ethnicity.

Наиболее древней империей Юго-Восточной Азии (ЮВА) являлась Чампа – родина этноса чамов современной Камбоджи, которая некогда располагалась на берегу Южно-Китайского моря. По словам Хубера, исследование цивилизации чамов может стать необходимым элементом раскрытия исторических основ развития ЮВА: «Чампа долго не имела своих представителей, она 700 лет была загадочной, 1000 лет разрушалась, и 300 лет была забытой» [1].

Постепенно исчезая под ударами чингизидов, затем вьетов, Чампа в 1832 г. была окончательно аннексирована Вьетнамом. Чамы же, освоившие территорию всей юго-восточной Азии, в том числе и Камбоджу (в 37 деревнях), размышляя о Чампе как о воображаемой «родине тех, которую потеряли», мечтают о географическом закреплении границ.

В последнее время тема Чампы и чамского этноса в Камбодже является предметом исследования многих ученых, как российских, так и западных, Первооткрывателями в этом направлении исследований были французы, которые активно изучали особенности развития Чамского этноса в конце XVIII в. Рассматриваемая тематика явилась результатом и основой многочисленных монографий и научных диссертаций. При этом специфика исследовательских работ состоит в том, что историю чамов рассматривают лишь со II в. Длительный исторический период Чампу считали единым царством, с единым языком и располагали её столицу в северо-восточной части ЮВА [2].

Исследуя историю Чампы во II–VII вв., русский ученый А. О. Захаров опирается на 22 надписи на старочамском языке на берегу реки Тхубона (около Дананга) и на относящиеся к IV–VIII вв. эпиграфические надписи. Захаров рассматривает пути локализации царства Линьи, прародины Чампы, являющейся главной болью многих ученых Запада [3]. Ученые, в большинстве своем, рассматривают чамов через эпиграфику вьетнамской цивилизации.

© Омарова У. А., 2016

Что касается названия чамского этноса в Камбодже, то, по общему признанию, чамы распространены вместе с малайцами, где их называют словом «кхмер-ислам», иногда – «чамы», а иногда в сочетании двух терминов: «чамы и малайцы» или «чвеа», среди которых имеются чамы с эндонимом (самоназвание) «чам-жат» («Jat» – в санскрите jati – «race») [4], которые обособляются религией (с письменностью на основе арабской графики) и традициями не только от кхмеров-буддистов (тхеравады), вьетов-буддистов (махаянов или кудаистов), но и от «чвеа»-мусульман суннитов.

Термин «жат» (персид. جَاطٌ) является особой проблемой для западных исследователей-«ориенталистов» [5], которые, не замечая наличия двух гласных звуков «а», один короткий, другой длинный, перед эмфатическим «Т», создающих эффект наличия придыхательного «h», транскрибируют этот термин как «жахат» или «жахед», так же как «қан» с эмфатическим «Қ» (перс. قان) обычно транскрибируют как «кахан», хотя здесь нет звука «х».

Американский ученый В. Коллинс в 1990-х гг. предложил использование термина «джахад» (или «джахед»), ошибочно транскрибированного от жат (перс. جَاطٌ), кроме того, ошибочно уточняет, что этот экзоним применяется ортодоксальными чамами (суннитами) по отношению к традиционалистам (шиитам), и интерпретирует смысл слова в арабском Jahad или Jahid как «плохо верующий или расист». Этих слов нет в арабском языке. Есть слово Jihad (араб. جهادٌ-борец за религию), от которого, очевидно, В. Коллинс отказывается из-за несоответствия. Отметим, что используемый звук «х» мог бы так писаться, если бы в середине слова была одна из арабских букв ح, خ, ء или ه, которые обычно на латыни транскрибируются через «х», но их, как известно, нет в словарях, то есть имеются лишь два согласных «жт».

Термин «Jahad/джахад» применяется сегодня в прессе и в различных научных интерпретациях западных ученых, но он отсутствует в рукописях, написанных на чамском языке или в ранних исследованиях. Этот термин «чам-джахад или джахед» (cham-jahed) американца Коллинса как экзоним используется француженкой Де Фео наряду с её «чам-сот» (фр. «cham-sot» – глупый) [6].

Канадец Брунель использует термин «тсат» (tsat), относя его к этой же народности Hun, но в Китае: по-русски «хуэй» для благозвучия или пиньинь: Hunhuī – мусульманин, который можно бы перевести как «инородный» [7], хотя у Масперо приводится как «варварский», то есть на китайский лад по отношению к жителям местности Женнан (около Линьи).

Термин «цат» (близкий к «джат» или «жат») используется языковедом Грэм Тургуд, который изучает на острове Хайнань (Китай) чамский язык («tsat»), принадлежащий к группе чамов (кит. «hui»), которые себя называют «уцулами» (эндоним) с языком «утсат», «которая с Чампы переселилась в Китай, начиная с 986 года несколькими волнами с численностью по тысяч лиц». По мнению Тургута, этот язык был широко распространен в Камбодже в провинциях Кампонгчам, Такео и около старой столицы Удонга, в Малайзии и Индонезии.

Исследования русских ученых [8] группы дунганов, которые переселились из Китая в Казахстан, показывают, что они также являются «хуэй» или с вкраплением множества шиитских (персидских) черт, как у чамов-жат в Камбодже.

Таким образом, геометрию (форму) с уничижительными западными экзонимами «чам-сот» (фр. cham-sot – глупый) или «чам-джахад» (англ. Jahad – расист) мы приводим с положительным смыслом (жат – перс. جَاطٌ- «инородный»), означающий их принадлежность к наследию Чампы, и уверены, что это наглядно устранило бы пористость самого этнонима.

Ученые, изучавшие чамский этнос в Камбодже, склонны были считать, что в начальный период (со II в.) их страна Чампа называлась Линьи и была единым королевством, простиравшимся от того, что сейчас называют Северным Вьетнамом, до Нячанга (по крайней мере), где была найдена надпись «Вокань», традиционно относимая к Чампе.

Миф о Чампе в коллективной памяти чамов и надежда на воскрешение их «психического богатства» все больше доминирует в структуре научного дискурса, как говорит Де Фео: «Чампа для чамов – это миф, доразумное сознание, не подвластное разуму слово».

По мнению М. Виккери, А. Захарова и других авторов, не только долина Тхубон (на севере) и Нячанг (на юге) не составляли единого государства, но и рядом находящаяся Линьи была автономна от Чампы: «…вопреки традиционному мнению историографии, Линьи и Чампа едва ли могут быть тождественны» [9].

А. Захаров анализирует множество эпиграфических надписей Чампы, среди которых старейшая надпись чамов (датируется IV в. н. э.) в местности Вокань, написанная кушанским шрифтом, две надписи на санскрите, датированные V (Донг Йен Тяу) и VII вв. Он иллюстрируют региональное расчленение центров Чампы, а наскальную надпись в местности Донг Йен Тяу в долине

реки Тхубон он относит к периоду Бхадравармана I [10]. Он отмечает, что в надписи из Мишона впервые приводится название Чампы в формах: campapuri, campapura, campagari.

Помимо приведенных надписей раннего периода, надо бы отметить ещё рядом расположенные три наскальные надписи из местности Само/Sa Mo (в начале реки Тхубон, около Лаоса), пока ещё не вошедших в классификацию, но приводимых в LSACHA.

1. *karvvāv jmāy la*
2. *c[l]ā niy*

1. *nariy talā[ṅ] toṅ*
2. *ja [da] laṅ adis*
3. *sā voḥ kananāy ·*

1. *[svasti] ya do kluñ usir ājñā*
2. *ja s ākara ya mṛ ṅ i - n lalāṅ pattaṅ*
3. *saṁ-ṅ i–ca j[m]as tlūv—ṅ.....i....*
4. *duṁ[m]pāṅ d[ū]ta[ṅ] ya–mvvi*
5. *t[i]ju pā[t] voḥ*

Наскальные надписи из местности Само/Sa Mo

Анализ этих надписей на основе палеографии и сравнение их с надписями в Донг Йен Тяу показывают их графическую схожесть, то есть они относятся к V в.

Линьи, относящаяся к территории зарождения Чамской цивилизации, слишком часто упускается из виду. Многие авторы даже отрицают его существование [11]. Рассмотрение же его, даже частично, по нашему мнению, может помочь исследованию реальных отношений Линьи и Чампы и пониманию китайских и индийских источников, основывающихся на самых загадочных древних культурах полуострова ЮВА.

Цивилизация Линьи имеет ряд особенностей, которые мы находим у чамов: приверженность к культуре, заимствованной из Центральной Азии, Китая и Индии; этнолингвистическая групповая сплоченность с враждебной средой к соседям [12].

Изучение китайских текстов в «Хоу Хань шу» (кит. 好汉倏 – история поздней династии Хань), законченное в 445 г., посвященное проблеме месторасположения Линьи, не дает убедительных ответов, но сообщает о создании к 192 г. «Царства Линьи» (кит. 區連 K'iu Lian – король Шри Мара) на основе мелких княжеств со своим «варварским» языком.

Современные исследователи столицу, как правило, располагают непосредственно к северу от Хюэ [13], что оспаривается из-за отсутствия сведений в археологических раскопках в Куангчи.

Этнический состав, на основе которого Ф. Стерн пытался уточнить, что из себя представляет Линьи, привел его к условному признанию, что Линьи населяла народность австронезийского языка, что значительно сужает историю современного чамского этноса в Китае (с языком «чам-тсат») и в Камбодже (с арабоязычным «чам-жат»).

В историографии о чамах (по хронологии Масперо) принято рассматривать «три династии». Первая династия приводится на основе китайского источника «Сань го чжи» (кит. 散国支 – описание трех царств), составленной в конце III в. Этот период охватывает 220–280 гг., где приводится «первая местная сила» (имя которой не уточнено), которая посылает первый из длинной серии налогов не к императору, а губернатору соседнего «губернаторства Жиао-чи» (кит.照吃 – zhao chi, очевидно, после поражения). Именно в этот раз появляется название «Линьи» (кит.林艾 – Lin-Yi), не как страна, а как столица.

В китайских текстах в 270 г. король Фаньсюн (или Фам Хун) (кит.范雄 – Fan Hiong), внук основателя по женской линии династии короля Шри Мары носил имя Фан (кит. 范Fan) в начале своего имени, как и его преемники. Его сын Фаньи (кит.范逸 – Fan Yi) посылает в 284 г. посольство с данью во двор Китая, а не губернатору, как перед этим, что говорит о новом отношении к королевскому двору Китая.

Во вьетнамских сведениях говорится, что главным советником Фаньи был прокитайский местный человек по имени Вэнь Цзябао (кит. 文大家阿宝 – wen djabao), который часто подчеркивал необходимость внедрения китайской культуры в Линьи [14].

Вэнь Цзябао взял власть в свои руки (его считают узурпатором) под именем Фань Вэнь (кит. 范文 – Fan Wen) (336–349 гг.), создавая новую (вторую) династию (336–420 гг.). Он развивал

в своем королевстве ткачество, изготовление золотых изделий, литейное производство. По китайским сведениям, Фань Вэнь «пользовался профессией работорговли… их корабли возили людей вместе с товарами» [15].

Приемник Фань Веня Фаньфо (кит.范佛 – Fan Fo), сообщает, что «он попытался вернуть отнятые у них северные земли», но напрасно, что китайские войска своими походами на земли Линьи вынудили его принести клятву. В 382 г. Фаньфо присылал посольства с дарами ко двору Цзинь [16].

В китайских источниках не приводятся ни имя, ни родство следующего царя Фаньхуда (кит.范胡達 – Fan Hu Da) или Ху Та（кит.須達 – Hu Ta）(399–413 гг.), который оставил три надписи на санскрите (C41, C105, C174) под именем Бхадрамарман I (380–413 гг.), важные по значимости после надписи (C 40) «Вокан», комментарии к которым даются у Захарова [17].

Судьба царя Фаньхуды (или Ху-Та) точно не известна, но известно, что в 413 г. напал на вьетскую область Нятнам (кит. Женнан 者难 – Zhe nan) и был побежден. В результате этого он был казнен, так же как его сын Чен Чен (кит. 沉沉 – Chenchen), являвшийся королем Жиао Лонг (кит. 找龙 – Zhao long), или обратился в бегство. Масперо признается, что ему не известно это королевство Жиао Лонг [18].

Царь Гангараджа, или Ди Чен (кит. 敵眞 – Di Zhen), относящийся по хронологии Масперо ко второй династии, является сыном Фаньхуды (Ху-Та) и основателем (мифическим?) династии в соответствии с надписью из Мишона E 6 (C 96, в которой приводится Пракашадхармана) [19], отрекся от престола. Он уехал в Индию, сказав: «Вид Ганги вызывает великую радость…», оставив престол своему племяннику Манорaтхаварману, которого убил его брат и страну превратил в хаос.

В третьей династии (420–528 гг.), которая была создана Фан-Ян Май I (кит. 范陽邁 – Fan Yang Mai) в 421 г., имена царей известны только по китайским сведениям. Имя нового князя, добавленного современными учеными, является вторым во власти чамов – Ян Май, то есть «золотой принц», который носил имя Фан-Ян Май II (431–446 гг.) и стал жертвой нападения Китая в их морских набегах на побережье Ринана [20]. Говорят, что репрессия в 446 г. была ужасной: разрушение столицы Цюй Су сопровождалось бойней всех мужчин старше 15 лет и преобразованием золотых статуй в слитки (которые были бы эквивалентны 48 000 кг). На этом прерываются сведения о царях третьей династии в китайских источниках. Отметим, что имеются многие неточные тексты, например о последнем царе Виджаявармане.

В процессе полевой практики, пересекая горное ущелье между Ратанакири (Камбоджа) и Куйнёном (Вьетнам), где более чем полувека властвовали чингизиды из Средней Азии (войска Cagatu of the Jalair) и где ходил член «монгольского посольства» Чжо Дагуан, составивший наиболее достоверную историю об Ангкор Вате (Камбоджа), нам удалось услышать о древней цивилизации Сахуина.

«Культура Сахуинь»/Sa Huynh, относимая ко 2-му и 1-му столетиям до начала нашего летоисчисления, когда производились промышленные и погребальные керамические предметы, принадлежит южной части Чампы. Археологические находки и железные артефакты в провинциях, начиная с Куанг Бинь до Бинь Хоа (вдоль Южно-Китайского моря), относят к «Культуре Сахуинь». Подобные изделия найдены также на Филиппинах, на севере Индонезии, в Таиланде и в пещере Ниах/Niah в восточной Малайзии, которые ученые Беллина и Гловер относят к периоду, который предшествовал Чампе (или Линьи) [21].

В провинции Куанг Нгай, около местности Лонг Тхана, в песках на берегу моря был найден клад из 200 глиняных кувшинов, содержащих драгоценные камни (корналин) [22]. Затем нашли 120 кувшинов, поврежденных и разбросанных на территории с площадью 80х50 м^2. Чуть позже был найден другой клад (22 кувшинов) в 6 км севернее от нее, также разбросанные, но не поврежденные, которые детально описал Г. Пармантье [23].

Эти большие кувшины содержали предметы железного века, то есть до чамской цивилизации, которую назвали «цивилизацией Сахюина». Подобные находки были сделаны на северо-востоке Тайланда, но в детских могилах. Через некоторое время другой археолог, доктор Саллет сообщил о находке подобного клада в регионе Фантиет, в 400 км от Сахюина. В 1934 г. археолог М. Соллани продолжил раскопки около Сахюина и обнаружил каменные изделия и предметы погребения, что означало наличие коммерческого производства, где Сахюинь играла главную роль [24].

В 1959 г. Л. Малэрэ, осуществляя раскопки на Филиппинах, обнаружил подобные предметы, так же как Е. Саурин в 1963 г. обнаружил в Ханг Гоне/Hang Gon (около города Хошимина) некрополь на площади 100х50 м^2 с множеством могильных предметов: ожерелье из агата, серьги с двуглавым животным и т. д., подобные изделиям из Сахюина [25].

Но новые археологические исследования в этом секторе начались с 1995 г. В местности Жионг Каво/Giong Ca Vo было найдено (вьетнамскими археологами Дан Ван Тхонг и Ву Куок Хуен) кладбище, содержащее 339 кувшинов и 10 могил. Мертвые в этих больших кувшинах располагались сидящими в песках. Второе кладбище в Жионг Пхет содержало те же предметы, что и в первом, но имелись ещё жемчуг, браслеты и женские украшения из нефрита или из стекла, серьги с двуглавыми животными.

Находки (ожерелья – 883 из нефрита и 125 из агата) расширили знание о Чампе до индуизированного периода, о чем писали во вьетнамском журнале «Кхампа». Эти предметы были затем найдены в горных местностях реки Тху Бона, в частности в местности Го Мун, на западе Дананга, что позволяет определить начало цивилизации Линьи, где автохтоны (коренные жители) на этих местах (в I веке) производили и обрабатывали металлические драгоценные украшения, о чем говорят некоторые недоделанные предметы [26]. Подобные предметы, например серьги с двуглавыми животными, были обнаружены на некоторых островах (Тайван, Полован на Филиппинах, в Таиланде). Таким образом, ученым можно выдвинуть гипотезу, что цивилизация Сахюина непосредственно предшествует индуизированной Чампе (Линьи).

В контексте нашего исследования «чамского этноса в Камбодже» чамы-«чвеа-ислам» (в западных источниках с уничижительным смыслом «Jahed» или «Sot») с «этнической идентичностью» к потомкам Чампы, начиная с индуизированной Линьи, которой предшествовал период «Культуры Сахуина», рассмотрены как население Чампы, с эндонимом «жат» или «цать» (со смыслом «инородный»), находившейся некогда на современной территории Вьетнама.

Основываясь на последних эпиграфических исследованиях востоковедов (в том числе А. О. Захарова), сделана попытка локализовать столицу(ы) Линьи (Чампы) и других ранних цивилизационных центров чамского этноса на северной части Чампы, в частности в долине реки Тхубон.

Анализ ранней эпиграфики, артефактов «цивилизации Сахюина» доиндуистского чампского периода и выводов проведенных исследований Чампы позволяет выдвинуть гипотезу об автохтонности чамов вопреки западному мнению и об их австроазиатском (южноазиатском или «кушанском») происхождении, а не австронезийском.

Примечания

1. *Huber J.-F.* L'Art du Champa. Paris. 2005. P. 3.
2. *Maspero G.* Le Royaume de Champa. Paris; Brusselle: G. Van Oest, 1928.
3. *Захаров А. О.* Политическая история Центрального Вьетнама во II–VII вв.: Линьи и Чампа. М.: ИВ РАН, 2015.
4. *Cabaton A.* Les Chames. Paris, 1904. P. 4.
5. *Collins W.* The Chams of Cambodia, in Inerdisplinary Rescerch of Ethnic Groups in Cambodia. Phnom Penh, 1996.
6. Agnes De Feo. Les Chams sot, dissidence de l'islam cambodgien // Les Cahiers de l' Orient, 2005. P. 78.
7. *Brunelle M.* Revisiting the expansion of the Chamic language family. In the International Conference of Champa, University of Hawai'i Press, 2001. P. 26.
8. *Завьялова О. И.* Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 153–160.
9. Там же. С. 135.
10. *Vickery M.* A short History of Champa, in Champa and the archelogy of My Son (Vietnam). Singapore, 2014.
11. Ibid. P. 53.
12. *Guillon E.* Art et Archeologie du Champa. Paris: Ed. Picard, 2011. P. 55.
13. *Захаров А. О.* Указ. соч. С. 17.
14. *Guillon E.* Op. cit. P. 55.
15. *Maspero, G.* Op. cit. P. 34.
16. Majumdar – Ancient Indian Colonies in the Far East. vol. 1: Champa, 1927.P 1–3
17. *Захаров А. О.* Указ. соч. С. 117–135.
18. *Maspero G.* Op. cit. P. 63.
19. *Захаров А. О.* Указ. соч. С. 121.
20. *Guillon E.* Op. cit. P. 55.
21. Bellina and Glover – The archeology of early contact wits India and the Mediterraneen World, From Prehistory to History. London, 2004. P. 68–88.
22. *Guillon E.* Op. cit. P. 47.
23. *Parmantier H.* Notes d' archeology indochinoise: VII. Depos de Jarres a Sa-Huynh, BEFEO, XXIV, 1924. P. 325–343.
24. *Collani M.* Les cites fouilles. Hanoi, 1938.
25. *Malleret L.* L'Archeologie du delta Mecong, PEFEO, XLII, 1959–1962. P. 433.
26. *Yamagata M.* Inland Sa Huynh Culture along the Thu Bon River Valley in Central Vietnam. Singapor: Nus Press, 2006. P. 167–184.

Notes

1. Huber J.-F. L'Art du Champa. Paris. 2005. P. 3.
2. Maspero G. Le Royaume de Champa. Paris; Brusselle: G. Van Oest, 1928.
3. Zakharov A. O. Politicheskaya istoriya Central'nogo V'etnama vo II–VII vv.: Lin'i i Champa [Political history of Central Vietnam in II–VII centuries: Linyi and Champa]. M. RAS Institute of Oriental studies. 2015.
4. Cabaton A. Les Chames. Paris, 1904. P. 4.
5. Collins W. The Chams of Cambodia, in Inerdisplinary Rescerch of Ethnic Groups in Cambodia. Phnom Penh, 1996.
6. Agnes De Feo. Les Chams sot, dissidence de l'islam cambodgien // Les Cahiers de l' Orient, 2005. P. 78.
7. Brunelle M. Revisiting the expansion of the Chamic language family. In the International Conference of Champa, University of Hawai'i Press, 2001. P. 26.
8. Zavyalova O. I. Kitajskie musul'mane huehjczu: yazyk i pis'mennye tradicii [Chinese Muslims Huietszu, the language and art of writing] // Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East. 2007, No. 3, pp. 153-160.
9. Ibid. P. 135.
10. Vickery M. A short History of Champa, in Champa and the archelogy of My Son (Vietnam). Singapore, 2014.
11. Ibid. P. 53.
12. Guillon E., Art et Archeologie du Champa. Paris: Ed. Picard, 2011. P. 55.
13. Zakharov A. O. Op.cit. P. 17.
14. Guillon E. Op. cit. P. 55.
15. Maspero G. Op. cit. P. 34.
16. Majumdar – Ancient Indian Colonies in the Far East. vol. 1: Champa, 1927.R 1-3
17. Zakharov A. O. Op.cit. Pp. 117-135.
18. Maspero G., Op. cit. P. 63.
19. Zakharov A. O. Op.cit. P. 121.
20. Guillon E. Op. cit. P. 55.
21. Bellina and Glover – The archeology of the early contact wits India and the Mediterraneen World, From Prehistory to History. London, 2004. Pp. 68-88.
22. Guillon E. Op. cit. P. 47.
23. Parmantier H. Notes d' archeology indochinoise: VII. Depos de Jarres a Sa-Huynh, BEFEO, XXIV, 1924. Pp. 325-343.
24. Collani M., Les fouilles cites. Hanoi, 1938.
25. Malleret Sh. L'archeologie du Mecong delta, PEFEO, XLII, 1959-1962. P. 433.
26. Yamagata M. Inland Sa Huynh Culture along the Thu Bon River Valley in Central Vietnam. Singapor: Nus Press, 2006. Pp. 167-184.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.162.3

Й. Коростенски

Динамика лексики в русском и чешском языках (русско-чешское сопоставление)*

В статье раскрывается проблема функционирования идеологической лексики в двух близкородственных языках, русском и чешском. Рассматриваются прежде всего вопросы динамики данной лексики в диахронном и синхронном аспектах и передвижение по оси центр – периферия в обоих языках.

The article deals with the problem of the functioning of the ideological lexicon in two closely related languages, Russian and Czech. We consider first of all aspects of the dynamics of the vocabulary in the diachronic and synchronic aspects and movement center axis – periphery in both languages.

Ключевые слова: идеологическая лексика, русский и чешский языки, динамика, синхрония и диахрония, центр, периферия.

Keywords: ideological vocabulary, Russian and Czech languages, dynamics, synchronic and diachronic, the center, the periphery.

Введение

Факт, что лексика принадлежит к наиболее динамически развивающимся уровням языка, давно известен. Но само существование и функционирование слов в языке часто приобретает довольно разнообразные очертания.

Если тщательно изучить достаточно представительный образец неологизмов, то придем к выводу, что многие из них не являются новыми в полном смысле этого слова, а существуют в языке давно, «циркулируя» из центра на периферию и обратно. Это значит, что их статус в лексической системе подвергается частым изменениям. Такие лексемы, как правило в определенный момент, становятся очень частотными и употребительными. Однако таким же образом через некоторое время исчезают. Более незаметно происходит изменение их значения или только одного из нескольких. Изменения сферы сочетаемости со сдвигами стилистического функционирования и окраски слов можно считать серьезным преобразованием лексемы.

Не все лексемы отличаются одинаковой способностью к изменениям. Они практически исключены в сфере лексики, относящейся к центру системы и насчитывающей несколько сотен единиц в каждом из славянских языков. Эта лексика остается без заметных изменений на протяжении долгого времени. Наоборот, флексибильны лексемы, не принадлежащие к центру лексической системы. Сюда относятся слова разного происхождения, как правило иностранные заимствования, но и лексемы отечественного происхождения с широким и гибким значением. Подобный характер их семантике придает прежде всего присутствие разных деривационных морфем и конкретность корневой морфемы.

Целью нашей статьи является сопоставление таких процессов в русском и чешском языках. Материал далеко не полон и носит лишь иллюстративный характер в рамках более широкой и сложной проблемы.

Процессы изменений некоторых иделогических слов в русском языке

В первую группу входят так называемые идеологические слова перестроечного и постперестроечного периода: ***гласность***, ***перестройка***, ***пикет***, ***застой***, ***товарищ*** и некоторые другие.

© Коростенски Й., 2016

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».*

Они уже существовали в языке до их «громкого» появления в восьмидесятые годы, но «жили» неприметно.

Так, слово ***гласность*** фиксируется словарями русского языка уже с конца XVIII в. [1], причем первоначальное значение ‘известность’ сохранилось без существенных сдвигов на протяжении всего XIX в. [2] Что касается остальных слов, то конкретное значение доминировало и в остальных лексемах, их потенциальные семы оставались на периферии семантической структуры.

Импульсом для их активизации являлись несомненно бурные события в начале XX в. и с ними связанные глубокие общественные преобразования, создавая сильное давление на возникновение новых значений. В такой обстановке создаются благоприятные условия для активизации потецциальных сем в значениях разных слов. Вовлечение данных лексем в сферу идеологии способствовали такие семы, как «совместный», «общий», «общеизвестный», «известный», «новый», содержащиеся в семантике данных лексических единиц.

Политическая обстановка и строгое нормирование правил общественной и политической жизни повлияли на ограниченное употребление данных слов. Хотя последние продолжали существовать, их использование было строго регламентировано [3].

Именно «идеологизированное» значение ‘доступный общественному обсуждению, контролю’ лексемы ***гласность*** употреблялось на определенном этапе лишь в сфере соревнования трудовых коллективов [4]. Подобно в слове ***антагонизм*** перешли в центр семантические признаки «непримиримость», «борьба», «противоположность», «интересы», и лексическая единица чаще всего встречалась в контекстах, характеризующих классовую борьбу. В семантической структуре лексемы ***перестройка*** оказались наиболее жизнеспособными семантические признаки, создающие значения конкретной лексики [5]. ***Перестройка*** появляется в новых контекстах с изменением общественно-политических условий при Хрущеве с конца 50-х гг. Возможными стали употребления в словосочетаниях типа ***перестройка*** *народного хозяйства* или *творческая* ***перестройка*** [6]. Наоборот, присутствие таких сем, как «вредность» и «неподвижность» в слове ***застой*** и «протест» в лексеме ***пикетировать,*** заранее исключали в свое время их «идеологизированное» употребление.

Процессы изменений некоторых идеологических слов в чешском языке

Подобный путь типичен и для соответствующих чешских эквивалентов, но и здесь наблюдаются определенные отклонения и национальные черты развития. Отличительные черты значений подобных слов в обоих языках связаны с другими процессами складывания политической системы после Первой мировой войны в Чехословакии и России. Свое влияние на идеологическую лексику оказали и предыдущие этапы истории, когда чешским политическим представителям приходилось отстаивать саму сущность чешской нации в рамках Австро-Венгрии, в то время как политики самого большого славянского народа думали о совсем других вопросах, а именно о расширении государства.

В первую очередь названия чешских органов власти на социалистическом этапе развития во многих случаях отличаются от русских эквивалентов, ибо относятся к безэквивалентной лексике [7], связанной с конкретной общественно-исторической обстановкой. Во время революционных изменений в Чехии уже с половины XIX в. прижилось для обозначения органов самоуправления слово **národní výbor**. В российской среде таким эквивалентом с начала XX в. служила лексема ***совет***. Оба слова оказались настолько крепко связаны с идеологической лексикой вполне конкретных этапов развития, что словосочетание **národní výbor** периодически появлялось и уходило на протяжении полутора веков, а именно в 1848–1849 гг., в 1918 г. и с 1945-го до 1989 г. В настоящее время названное слово опять вышло из употребления, как и все производные названия **národní fronta**, **národní podnik**, **národní shromáždění** [8]. Следующим примером такого рода может послужить лексема **lidové milice**, **milicionář** и др. Лексемы прочно вошли в сферу политической лексики, обозначая ‘вооруженный отряд рабочего класса, компартии’ и, следовательно, ‘члена такого отряда’. Русское слово ***милиция*** и ***милиционер*** созданы в других условиях, обозначая другое понятие, т. е. ‘государственную организацию для охраны общественного порядка и безопасности’ и ‘члена такой организации’. Поэтому перевод данных слов на русский надо тщательно обдумывать.

Наряду с безэквивалентной лексикой существовали параллели, значения которых сопоставимы функционально, но расходятся по объему значения. Если чешское **funkcionář** универсально обозначало ‘профсоюзного деятеля’, ‘партийного работника’ или даже ‘государственного и церковного деятеля’, то русский язык нуждается в разграничении отдельных значений.

Хотя пары слов **soudruh** – ***товарищ*** совпадали по объему значений, выражая обращение к членам социал-демократической и коммунистической партий, тем не менее русский эквивалент

обладает многими другими значениями и служит для обозначения широкой сети социальных отношений и прочно вписывается в центр лексической системы русского языка [9].

Поэтому их судьба в обоих языках после общественных изменений в конце 80-х и начале 90-х гг. оказалась различной. Чешское слово **soudruh** вышло практически сразу из употребления во всех значениях, включая обращение к членам партии. Лексема **funkcionář** сохранила обращение во внепартийных сферах (**funkcionář** mysliveckého sdružení), но довольно ограниченно. По-другому развивался в этом плане русский язык. В нем произошло лишь незначительное ограничение в употреблении данных слов в широкой общественности, причем партийное обращение ***товарищ*** сохранилось полностью [10]. Лексическая единица ***функционер*** в советское время употреблялась как стилистически нейтральная, но ее применение было ограничено. Ее новое и довольно частотное обращение в газетах, но с отрицательной стилистической окраской [11] связано с временем перестройки.

Роль и функционирование заимствований из западноевропейских языков. Сопоставление обоих языков

Динамика идеологической лексики обусловлена типичными закономерностями. Но в словарном составе «живут» и другие единицы, реагирующие не так быстро на смену политической обстановки. К группам лексики, отличавшимся склонностью к частым изменениям на оси центр – периферия, принадлежит широкий пласт семантически разнородных заимствований из иностранных языков. Своеобразное положение с точки зрения развития в обоих языках занимают слова из немецкого и шире – других западноевропейских языков.

Традиционный взгляд трактуется в том смысле, что русский язык на всех этапах своего развития охотно заимствовал лексемы из немецкого, многие из которых стали терминами, остальные вошли в общеупотребительную литературную лексику, в стилистическом плане нейтральную. Совсем противоположная тенденция наблюдалась в данном случае за последние 200 лет в чешском языке. В силу специфических исторических событий чешский язык заимствовал достаточно большое количество немецких слов, но они были в подавляющем большинстве случаев вытеснены на периферию словарной системы.

Представленная картина в деталях не соответствует общепризнанной картине. Ниже остановимся на некоторых примерах. К самым устойчивым заимствованиям из немецкого языка принадлежат в русском языке профессионализмы и слова-термины, как правило, технического происхождения: ***ванта*** – **úpon**, ***верстак*** – **pracovní stůl**, ***гильза*** – **pouzdro**, **vložka**, ***крейцкопф*** – **smýkadlo**, ***лифт*** – **výtah**, ***люфт*** – **vůle**, ***муфта*** – **spojka**, ***мундштук*** – **náustek**, ***рихтовка*** – **tušírování**, ***флюс*** – **tavidlo**; **struskotvorná přísada**, ***фляга*** – **konev**, ***фиксатор*** – **kolík** и др. В этой группе можно наблюдать лишь немногие изменения, тогда как наряду с названиями иностранного происхождения существует и русский синоним, напр., ***крейцкопф***, ***ползун*** [12], или несколько варьируется грамматическое оформление слова – ***фиксатура*** > ***фиксатуар***.

Согласно вышеназванным тезисам развития вели себя в обоих языках лексемы немецкого происхождения, обозначающие одежду и ее части. В русском языке, за немногими исключениями [13], данные названия сохранились, не изменяя свое значение и стилистический статус: ***мундир***, ***шлеп***, ***гардероб***, ***лацкан*** и др. В чешском языке соответствующая лексика находилась на периферии языка и там ее положение все укреплялось, постепенно уходя из языка, напр., **mundúr**, **šlep**, **garderóba, lacl, modistka**, **šláfrok**, **štepovat**, **heftovat** и др. [14]

Что касается других семантических областей заимствованной лексики, наблюдается более разнообразная картина. В наименованиях образовательных заведений происходили изменения в тех случаях, когда изменялись условия для их функционирования. Так, напр., в советское время перестали употребляться ***гимназия***, ***колледж***, ***заведение благородных девиц*** и др. Но многие из них вернулись в русский язык перестроечного периода, 20–25 лет назад. А лексема ***интернат*** вообще сохранилась в русском, с небольшими изменениями, больше чем на сто лет.

В чешской среде разрыв между новыми и традиционными заведениями не оказался таким существенным, и поэтому многие лексемы продолжали свое существование и при социализме **gymnázium**, **internát** и др.

В остальных неспецифицированных сферах заимствованные лексемы имели разную судьбу. Примечательным в этом плане является «циркуляция» двух формально одинаковых лексем ***провизия*** и **provize**. Оба языка заимствовали данное слово из немецкого языка приблизительно в одно и то же время, т. е. уже в начале XVIII в. [15], причем русский язык предпочел лишь значение ‘съестные припасы, продукты’ и дальше его сохранил таким же без существенных изменений. Чешский, наоборот, развил значение ‘плата за посреднические услуги’ и значение ‘съестные припасы, продукты’ заимствовал из родственной, но отличающейся формы немецкого, разграничив

оба значения формой **provize** х **aprovizace**. Значение слова **aprovizace** приобрело со временем разговорный характер с оттенком устарелости. Последняя лексема употреблялась прежде всего в условиях всеобщего недостатка военного времени, в то время как **provize** ‘плата за посреднические услуги’ получила за последние 20–25 лет более широкое распространение в связи с изменением экономических условий [16].

В русской среде слово ***провизия*** ощущалось уже с 70-х гг. прошлого века устаревшим [17]. Новые социально-экономические изменения вызвали потребность в названиях финансовой сферы. Произошло повторное заимствование, на этот раз из английского языка, со значением ‘вознаграждение за банковские или финансовые услуги’ [18].

Относительно семантически разнородные слова русского, такие как ***фигурировать***, ***антрепренер***, ***модистка***, ***ретироваться***, ***блезир*** и некоторые другие, постепенно снижали свой стилистический статус, став устаревшими, разговорными или даже просторечными. Исключение составило слово ***блезир***, сохранив узкотерминологическое значение ‘стенка печи, у которой топка и отдушина в разных комнатах’ [19].

Чешские соответствия всегда находились, за редкими исключениями, на периферии лексической системы: **modistka**, **retovat se**, **figurovat**, **plezír**, причем некоторые продолжают встречаться в устойчивых словосочетаниях [20] .

Только слова ***кордон*** х **kordon** не изменяли свою стилистическую характеристику, хотя в своих значениях развивали лишь различные значения ***кордон*** – ‘пограничный, заградительный отряд’; ‘местопребывание отряда, караула’; и недавно укрепилось в общем употреблении областное значение ‘граница, рубеж’ и **kordon** – ‘заградительная шеренга солдат, полиции’ [21].

Частные заключения

Если подвести частные выводы о динамике развития некоторых лексем в рамках определенных семантических групп, то можно отметить отклонения от общепринятых схем развития.

1. Динамика лексем зависит от ряда факторов. К самым основным надо отнести помимо внутренней формы их положение в рамках семантической группы, а также на оси центр – периферия. Больше всех изменений всегда наблюдаем в группе идеологических слов, хотя и в данном случае между чешским и русским языками нет полного совпадения. Многие отклонения связаны со спецификой «доидеологической» жизни; напр., у пары **soudruh** – ***товарищ***.

Одновременно следует отметить, что большинство слов идеологической лексики следует отнести к безэквивалентной лексике, очень тесно и прочно связанной с конкретными культурно-политическими условиями каждого конкретного народа. С этим явлением также связаны вопросы перевода такой лексики на другой язык.

2. Широкий пласт лексики, заимствованный в оба языка из немецкого и других западноевропейских языков, прошёл разные этапы своего развития. Русский включил эти лексемы, как правило, прочно в словарный запас языка с достаточным положением близко к центру, придав им во многих случаях характер терминологической или профессиональной лексики, в то время как в чешском языке прежде всего более поздние заимствования из немецкого языка XVIII–XIX вв. постепенно теряли свой нейтральный стилистический статус и уходили на периферию чешской лексики.

Примечания

1. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 132, 133.
2. *Даль В. И.*Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1880. Т. 1. С. 355.
3. Словарь современного русского литературного языка. С. 132,133.
4. См. Там же. С. 132,133.
5. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 9. С. 912, 913, 918. К середине 1950-х гг. отглагольное существительное ***перестройка*** было ограничено в употребления и в обращении остался лишь глагол ***перестраивать***.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 3. М., 1959. С. 135.
7. Проблематике перевода безэквивалентных слов посвящены многочисленные статьи. Интересный подход к данной проблеме представлен в статье Tellinger, D.: Mass- und Geldeinheiten in den deutschen Übersetzungen des „Revisors“von Gogol, Linguistica Pragensia и. 2, r. 12, s. 93–98.
8. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 205.
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. С. 512–513.
10. Такое обращение долгое время долгое время употреблялось в 1990-х гг. не только в армии, но и в официальных обращениях даже на правительственном уровне. Признак „почтительности“, заключающийся в данном слове, имеет на восточнославянской почве сильные традиции.

11. Словарь перестройки / сост. В. И. Максимов и др. СПб.: Златоуст, 1992. С. 229.

12. Rusko-český technický slovník, d. I, Praha; Moskva, 1986, s. 388.

13. Напр., из языка исчезло название чиновничьей формы ***вицмундир*** и устарели слова ***шлейф*** и *шлафрок*. Взамен слова ***шлейф*** употребляется лексема ***шлеп***.

14. Váša, P., Trávníček, Fr.: Slovník jazyka českého, d.II, Praha, 1937, s. 1463. Почти 70 лет назад слово **šlep** оценивается как разговорное, исчезающее. Маргинальное положение слова **šláfrok** в том же синхронном срезе так очевидно, что в словаре даже не приводится.

15. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. 1-е изд.: 1964–1973. Т. 3. М., 1971. С. 371; Etymologisches Wörterbuch des Deutschen H-P, Berlin, 1989, s. 1332.

16. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 317 a Váša, P., Trávníček, Fr.: Slovník jazyka českého, d.I. Praha 1937, s. 29. Слово **aprovizace** заимствовано через немецкое (**approvisieren)** и французское (**approvisionner)** посредничество из одного общего латинского источника **providere**>**provision**, в семантике которого потенциально заложены возможности современных значений в обоих языках.

17. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 11-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1975. С. 557.

18. *Вавречка М.* и др.: Чешско-русский экономический словарь. Praha, 1999, s. 300.

19. Словарь современного литературного языка. Т. 1. С. 504.

20. Ср. чешские „**musí se retovat**“ или „**má z toho plezír**“.

21. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. С. 1414; Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 145.

Notes

1. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka – Dictionary of contemporary Russian literary language. M.; L. Publ. AS SSSR 1954. Vol. 3. Pp. 132, 133.

2. Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language]. M. SPb. 1880. Vol. 1. P. 355.

3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka – Dictionary of contemporary Russian literary language. Pp. 132,133.

4. See ibid. Pp. 132,133.

5. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka – Dictionary of contemporary Russian literary language. M.; L. Publ. AS SSSR. 1959. Vol. 9. Pp. 912, 913, 918. By the mid-1950s, the verbal noun, «the restructuring» (***перестройка***) has been limited in use and in circulation was only a verb «to rebuild» (***перестраивать***).

6. Slovar' russkogo yazyka – Russian dictionary: in 4 vol. / AS SSSR, In-t Rus. lang.; under the editorship of A. P. Evgenieva. M. 1957-1961. Vol. 3. M. 1959. P. 135.

7. The issue of non-equivalent translation of the words is covered in numerous articles. An interesting approach to this problem is presented in the article Tellinger, D.: Mass – und Geldeinheiten in den deutschen Übersetzungen des "Revisors"von Gogol, Linguistica Pragensia I. 2, r. 12, s. 93-98.

8. Spisovné Slovník češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 205.

9. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka – Dictionary of contemporary Russian literary language. Vol. 15. Pp. 512-513.

10. This treatment for a long time was used in the 1990s, not only in army but also in official statements, even at the government level. A sign of "piety", namely the word, is on East Slavic soil has a strong tradition.

11. Slovar' perestrojki – Dictionary of perestroika / comp. V. I. Maksimov et al. SPb. Zlatoust. 1992. P. 229.

12. Rusko-český technický slovník, d. I, Praha; Moskva, 1986, s. 388.

13. Eg. the name of bureaucratic form “vitsmundir” (***вицмундир*** a uniform) disappeared from language, and «shleif» (***шлейф*** trail) and “shlafrok” (*шлафрок dressing gown)* outdated. Instead of the word trail «shlep» (***шлеп*** plop) is used.

14. Váša, P., Trávníček, Fr.: Slovník jazyka českého, d.II, Praha, 1937, s. 1463. Almost 70 years ago, the word šlep is estimated as spoken, disappearing. Marginal position of word šláfrok in the same synchronous cut is obvious that the dictionary does not even give it.

15. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka M. Fasmera – Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmera 1st ed.: 1964-1973. Vol. 3. M. 1971. P. 371; Etymologisches Wörterbuch des Deutschen H-P, Berlin, 1989, s. 1332.

16. Spisovné Slovník češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 317 a Váša, P., Trávníček, Fr.: Slovník jazyka českého, d.I. 1937 Praha, s. 29. The word aprovizace borrowed via German (approvisieren) and French (approvisionner) mediation from one common source, the Latin providere>provision, the semantics of which potentially present the capabilities of modern values in both languages.

17. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 11th ed., stereotyped. M. Rus. yaz. 1975. P. 557.

18. Vavrecka M. and others: CHeshsko-russkij ehkonomicheskij slovar' [Czech-Russian economic dictionary]. Praha. 1999. P. 300.

19. Slovar' sovremennogo literaturnogo yazyka – Dictionary of the modern literary language. Vol. 1. P. 504.

20. Ccompare Czech "musí se retovat" or "**má z toho plezír**".

21. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka – Dictionary of contemporary Russian literary language. Vol. 5. P. 1414; Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Praha, 1998, s. 145

УДК 39(470.342)

В. А. Поздеев

Городские и солдатские реалии в сборнике Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии»*

В настоящей статье предложены результаты исследования городских и солдатских реалий и лексики, используемой в сказках, записанных Д. К. Зелениным.Отраженные в устной речи новые интерпретации реалий на фонетическом и лексическом уровне повлияли и на поэтический уровень. Эта проблема связана и с проблемами идеалектности автора/исполнителя.Язык вятских сказочников, зафиксированный Д. К. Зелениным, показывает, что он отражает особенности диалектной фонетики, а также лексики. Особенно это отражается в номинациях городских и солдатских реалий и придаёт сказкам особую поэтическую окрашенность.

In this article the results of a study of urban realities and Soldiers and vocabulary used in the tales recorded D. K. Zeleninym. Reflected in the speech the new realities on the phonetic interpretation and lexical level influenced the poetic level. This problem is connected with problems idealektnosti author / artist. Language vyat storytellers, fixed D. K. Zelenin, shows that it is representative of the dialect phonetics and vocabulary. This is reflected particularly in the categories of urban and Soldiers' tales realities and gives a special poetic coloring.

Ключевые слова: сказка, городские и солдатские реалии, диалекты, идеалект, Д. К. Зеленин.

Keywords: fairy tale, urban and soldiers realities dialects idealekt, D. K. Zelenin.

В XX в. в большей степени проявляется в народном сознании такой аспект, как внедрение новых городских реалий в традиционный крестьянский быт и их диалектная интерпретация в текстах фольклора. Изучение территориального и функционального варьирования городской лексики разных уровней можно считать важной задачей современной диалектологии и фольклористики.

Отраженные в устной речи новые интерпретации на фонетическом и лексическом уровне повлияли и на поэтический уровень. Вятский сказочный материал, записанный Д. К. Зелениным в начале XX в., показывает, что этнодиалектный пласт языка сказочников представляет собой как частную этнодиалектную систему, так и общую, характеризующуюся схожими и различительными признаками. Каждая этнодиалектная микросистема (вятского сказочника) является полноценным отражением в народном сознании тех или иных тенденций и реалий, которые происходили и происходят на определенной территории. Такой взгляд на фольклорную лексику позволяет соединять изучение ее семантики, структуры, этнических и поэтических особенностей различными способами. Эта проблема связана и с проблемами идеалектности автора/исполнителя.

В сказочном творчестве идеалектность возникает вследствие различных условий: существующей сказочной традиции (временно-пространственные параметры), возможности заимствования от других исполнителей, творческого потенциала сказочника, но в большей мере – от общего этнодиалектного фона. Как отмечает С. П. Праведников, «вопрос о том, что именно – время или пространство – наложило отпечаток на языковую ткань фольклорного произведения, решить проще, поскольку можно ограничиться материалом, записанным в определенные сроки, и учесть не раз отмечавшуюся способность эпического слова к консервации. Для разграничения диалектного и идеалектного в фольклоре достаточным критерием являются квантитативные параметры: единичность использования языковой единицы выступает как показатель идеалектности» [1].

Как отмечала В. Е. Добровольская, «в волшебной сказке, по нашему убеждению, предметный мир состоит из собственно бытовых предметов (одежды, утвари, средств передвижения и т. д.), элементов, организующих пространство (жилище и другие постройки, элементы ландшафта), а также элементы природной стихии…» [2]. В вятских сказках довольно полно представлен крестьянский и городской предметный мир. Сопоставление использования городской (солдатской) лексики сказочников: А. И. Бледных, Г. А. Верхорубова, П. И. Власова, А. Ф. Зубарева,

© Поздеев В. А., 2016

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».*

Е. П. Пуртова – в какой-то мере позволит выявить «механизм» формирования идеалектных особенностей.

Как отмечает Д. К. Зеленин, «бедность Вятского края сказками проявилась и в том обстоятельстве, что пользующимися известностью в околотке сказочниками оказываются здесь часто с о л д а т ы; таковы: Бледных, Власов, Пуртов, Зубарев. Даже сказочники не-солдаты, бесспорно, позаимствовали многие свои сказки от солдат; недаром же беглый солдат – один из любимых героев в сказках лучшего моего сказочника, Верхорубова» [3].

Анализ имеющихся текстов сказок в сборнике Д. К. Зеленина позволил выделить лексику городских реалий: одежда и детали одежды, внутреннее убранство дома, солдатская служба, предметы солдатского быта.

Г. А. Верхорубов, от которого Д. К. Зеленин записал и поместил в сборнике 20 сказок, не служил в армии, а был плотником в Котельничском уезде, но, будучи на лесных делянках, на мельнице, встречал людей из Вятской, Вологодской и Костромской губерний. Д. К. Зеленин характеризовал Г. А. Верхорубова как сказочника, «человека умного и красноречивого», рассказывающего сказки языком «сравнительно очень чистым, близким к литературному», и это «плод природных дарований» (с. 1). Многие реалии в языке Г. А. Верхорубова связаны не только с тем, что они заимствованы у других, но вносились в текст так, как понимал и помнил сам сказочник.

Г. А. Верхорубов вводит в сказки множество реалий как из обыденной крестьянской жизни, так из военной службы. Сказка Г. А. Верхорубова «Про царскую дочь» [Солдат женится на царской дочери] отличается тем, что сказочная лексика отражает как местные, так и городские реалии. Например, в сказке Г. А. Верхорубов использует слово «полисадник»: «*Кругом дому ево был* ***полисадник*** *– чуть не весь был завешан человечьими головами: как день, так и нова голова на новой* ***полисадине***» (с. 12). Д. К. Зеленин в словаре обозначил: *«Полисадина – тынина, стоячий кол в тыне. Полисадник – тын»* (с. 452). Такая реалия для Вятской губернии в начале XX в. была уже не нова. Во многих поселениях: городах, селах и даже в деревнях – появлялись «палисадники». И всё же эта реалия была присуща быту небольших городов. Вятский сказочник соединяет «полисадник» с царским домом, потому что как реалия он связан с представлениями о красоте и необычности царского дома.

Еще одна деталь, которая говорит о том, что Г. А. Верхорубов как плотник своеобразно представляет устройство потаённой дверив подполье под кроватью царевны. Сказочник раскрывает механизм потайной двери так: царевна «нажала пружину, – дверь отворилась…» (с. 13).

Своеобразно сказочник представляет и времяпрепровождение солдата в гостинице: солдат лежит на своей койке, требует обед, вина и самовар. Это явно связано со стереотипом представления о поведении господ, о которых он, вероятно, выслушал, будучи на «лесных работах» или на мельнице, где собираются люди «с разных сторон». Стереотип восприятия помещиков выражается в том, что один из помещиков говорит, что имеет охоту «в триста медведёв и триста собак» (с. 154). Еще в сказке «Солдат-богатырь» сказочник использует традиционный сказочно-мифологический сюжет об «отчитывании» заколдованного дворца и его жителей по книге. Солдат оказывается вместо избы в городе в «золотом дворце», на дворе стоит «седок – дежурный генерал: одежда его блестит вся золотом» (с. 38).

Г. А. Верхорубов – человек мастеровой, связан с плотницкими работами, поэтому он, рассказывая о передвижении царевны, отмечает, что «явилась корета без осей и без колесей, а так просто на воздухе», или «корета полетела, а солдат только и успел назади за крякальчи поймачча (какие-то крякала были сделаны)» (с. 16). Д. К. Зеленин дает в словаре объяснение слова: «Крякальчи (крякальцы), крякла – две боковые жердочки у саней, связанные назади санного кузова» (с. 445). Такая деталь в устройстве кареты, с одной стороны, как бы содействует продолжению сюжета сказки (солдат вовремя возвращается к царю), а с другой стороны, говорит о том, что сказочник знаком с устройством саней.

Сказочники П. И. Власов, А. И. Бледных, А. Ф. Зубарев, Е. П. Пуртов служили в армии, после жили в Вятской губернии. Многие запомнили сказки, которые также услышали в армии. Как отмечал Д. К. Зеленин, «и солдатские и многие не-солдатские сказки моего сборника необходимо признать занесенными в Вятку в очень недавнее время: сказки не успели еще утратить многих мелких бытовых черт, совершенно чуждых местному краю» (с. XV).

Описание городской одежды – это один из стереотипов в вятских сказках. Каждый сказочник в меру своей осведомленности вводит элементы одежды в текст. Например, Г. А. Верхорубов восхищается одеждой царя, царевны, вельмож. Это можно считать фольклорной традицией, однако сказочник не использует сказочной формулы, заморский царь приобретает и достает из шкафа для царевны «платьё и ботинки неописуемой красоты» (с. 15). В сказке «Про юру» жена солдата сняла с полковника «паратную одежду и оставила в одном мундире», после надела на не-

го «серую шинель» солдата (с. 5). В его сказках одежда не детализируется, это указывает на то, что сказочник не знает фасонов, особенностей всего гардероба, поэтому не приводит деталей этих вещей.

Наоборот, А. И. Бледных в сказке «Оборотень» подчеркивает, что губернатор платочек прячет за «ошлаг» (обшлаг) (с. 153). Эта, казалось бы, небольшая деталь одежды показывает, что сказочник знаком с городской одеждой, особенно с деталями мундира чиновников. В сказке «Поп и бурлак» А. И. Бледных упоминает «форменные калоши» и «форменную шляпу» (с. 177). О сказочнике А. И. Бледных Д. К. Зеленин говорит как о «николаевском солдате», который служил 25 лет. Сказки он тоже выслушал и запомнил во время службы и во время ночевок на мельнице. Его «городские и солдатские реалии» имеют свои отличия, например в «в шестидесятом волоку маркидант живет» (с. 152). В сказке «Солдат и черти» сказочник приводит реалии: например, солдат после 25 лет службы получает «пашпорт», идет домой, так еще не было пароходов» (с. 157). В сказке «Солдат и купец» А. И. Бледных употребляет слова, обозначающие солдатские реалии: казенная манерка (манерка – это походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой),ранец, амуниция, белыё подштаники, брюки, полотеньчё, которое должен иметь каждый солдат. Интересная деталь солдатской одежды и ее ношения: перед походом шинель должна быть подогнута. Сказочник точно передает приказ ефлетура: «шинели штоб были подогнуты; стань на коленки, два верха́ щтобы до земли не доставало!» (с. 163)

А. Ф. Зубарев, сказки которого Д. К. Зеленин приводит в сокращенном виде в примечаниях, употребляет слово «оба́хта» (гауптвахта), смотр выкладок (то есть содержимого солдатских ранцев) (с. 527).

Сказочник Е. П. Пуртов характеризуется Д. К. Зелениным как шутник, весельчак и «как хороший сказочник». Но Д. К. Зеленин отмечает и то, что сказочник, выслушав сказки от жителя Самарской губернии солдата Егора Смирнова, использует «искусственно-вычурный язык». В сказке «Три царства: медное, серебряное и золотое» после победы над девятиглавым чудовищем солдата королевна напоила-накормила и «пошла казать свои принадлежности» (с. 244). «Солдат ходит не нарадуется: как все пола́ и все услано дорогими материями; и доводит она до своего шкафа (галдиропа), открывает его и говорит: “Вот любезный мой супруг, у меня подвенечное висит платье и стоят башмаки с колошами”» (с. 244). Е. П. Пуртов уточняет, что шкаф называется «галдироп». Платья и башмаки с колошами – это элементы городской одежды, для сказочника они неразделимы, поэтому он повторяет «эту формулу», когда король бросает клич сшить королевской дочери «подвенечное платье и башмаки с колошами».

Городские реалии у сказочников-солдат непосредственно связаны со службой. Особое место в сказках солдат занимают термины армейских званий: ефлейтор, фельфебель, ротный, порутчик, батальонный командир, унтер-офицер, капитан, маёр, полковник, енерал. В характеристике П. И. Власова Д. К. Зеленин подчеркивал, что сказочник-солдат неграмотный, но работает на железной дороге, ремонтирует телеграф. Часто рассказывает сказки одному мастеру. По манере рассказывания не отличается красноречием, рассказывает четко, «словно заученные». Д. К. Зеленин отмечал, что «сказки № 103 и 104 специально солдатские; они и рассказаны лучше прочих, с особенным обилием бытовых подробностей» (с. 303). Сказка № 104 [Солдат женится на иностранной царевне] наполнена не только реалиями из крестьянского быта, но довольно подробно дает представление о солдатской службе и быте солдат.Так, солдат стоит на посту у «чехаузу» [4]. Сказочник вместе с иностранным употребляет диалектное произношение слов: «на стрицю ему енерал».Как можно увидеть, Д. К. Зеленин фиксирует много фонетических диалектизмов. «Их специфика, – пишет С. П. Праведников, – связана с фонетическими явлениями, распространенными на всей территории бытования того или иного говора. Так, для в северных регионов характерны цоканье, оканье, ёканье, и это находит отражение сказках…» [5]

А. И. Никифоров в исследовании о стилях сказки писал, что «стиль в фольклоре, в частности в сказке, – явление языка, правда языка поэтического, то есть несущего специальные от коммуникативных функции» [6].

Язык вятских сказочников, зафиксированный Д. К. Зелениным, показывает, что он отражает особенности диалектной фонетики, а также лексики. Особенно это отражается в номинациях городских и солдатских реалий и придаёт сказкам особую поэтическую окрашенность.

Примечания

1. *Праведников С.П.* Основы фольклорной диалектики. Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. С. 44.

2. *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. С. 21.

3. Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915. С. XV. Далее ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в круглых скобках.

4. Цейхгáуз, или армерия (нем. Zeughaus – дом для оборудования) – военная кладовая для оружия или амуниции.

5. *Праведников С. П.* Указ. соч. С. 179.

6. *Никифоров А. И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. С. 245.

Notes

1. Pravednikov S. P. Osnovy fol'klornoj dialektiki [Fundamentals of folk dialectics]. Kursk. Kursk State University. 2010. P. 44.

2. Dobrovolskaya E. V. Predmetnye realii russkoj volshebnoj skazki [Substantive realities of Russian fairy tales]. M. State republ. center of Russian folklore. 2009. P.21.

3. Velikorusskie skazki Vyatskoj gubernii. S prilozheniem shesti votyackih skazok. Sbornik File K. Zelenina – Great tales of Vyatka province. With the application of six votyak tales. Collection of D. K. Zelenin. PG., 1915. P. XV. Further references to this edition are given on the pages indicated in parentheses.

4. The Zeughaus, or thrift (it. Zeughaus – home for equipment) – military storage of weapons or ammunition.

5. Pravednikov S.P. Op. cit. P. 179.

6. Nikiforov A. I. Skazka i skazochnik [Tale and the storyteller]. M. OGI. 2008. P. 245.

УДК 821.161.1

Т. А. Золотова

Пути сохранения названий и предметных символов в обрядовых практиках (на материале обрядовой поэзии Волго-Вятского региона)*

В настоящей статье предложены результаты исследования путей сохранения принципиально важных в период становления и развития обрядовых практик названий и предметных символов. Выводы сделаны на основе сопоставительного изучения русских и финно-угорских зимних календарно-обрядовых (песни-просьбы об угощении) текстов, хранящихся в архивах образовательных и научно-исследовательских учреждений Волго-Вятского региона.

The article displays some ways of maintaining important names and symbolic things in ritual practices in periods of their formation and development. The conclusions are made on the ground of comparative studies of Russian and Finno-Ugric winter calendar ritual texts (request-songs about food) that are kept in archives of educational and research institutions of the Volga-Vyatka Region.

Ключевые слова: Волго-Вятский регион, зимние календарные обряды, названия, предметные символы.

Keywords: the Volga-Vyatka Region, winter calendar rites tausen' songs, request songs, symbolic things.

В исследовательской литературе неоднократно отмечался тот факт, что «колядующие <...> оказывают предпочтение конкретной обрядовой пище» [1]. При этом на первое место в ряду предметов дарения обычно ставятся изделия из теста. Для среднерусской полосы в целом также характерно одаривание фигурным печеньем, изображавшим животных и птиц [2]. Аналогично и в Волго-Вятском регионе – за «овсеньканье» наделяли круглыми пресными лепешками и фигурками в виде птиц [3]. Такие лепешки назывались *«калядашками»* [4]; *«кокурками», «клюжечками-кочерюжечками»* [5]. Без уточнения формы изделия известны в данном регионе и «*козульки», «коньки», «каракульки», «свинки», «коровки», «усеньки», «таусеньки»* (в виде кренделей, булочек-витушек) [6].

В то же время в качестве обрядового угощения в регионе обязательно называют и святочных поросят, кишки (домашняя колбаса из свинины), свиные ножки [7]. Именно данные ритуальные изделия являются главными в процессе таусеневого обхода русских и мордвы [8].

© Золотова Т. А., 2016

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».*

В частности, они устойчиво фигурируют в песнях-просьбах об угощении, обычно представляющих собой соединение устойчивого зачина (двойной заклички праздника): *Таусень! Таусень!* с так называемой «основной формулой». Последняя в свою очередь включала в себя перечисление главных ритуальных продуктов (свиные ножки, лепешки) и сжатое, как правило, метафорическое воспроизведение процесса их изготовления *(«В печи сидели // На нас глядели»*). Необходимо отметить, что в исследованиях второй половины XX в. факты перечисления важных для ведения хозяйства реалий, символическое воспроизведение их изготовления (типа *«истории хлеба»)* рассматриваются как магические акты, цель которых «вызвать описанное (или воспроизведенное) благополучие в реальной действительности» [9].

Наличие такого рода формул в текстах (а в рамках обряда произнесение их колядовщиками) сделало возможным и появление собственно просьб о вознаграждении. В них на первом месте изделия из муки и свиные ножки (*«Блины да лепешки, / Поросячьи ножки»).* Имели место и тексты с обобщенным набором предметов одаривания (полотно, скляница вина, пирог и т. п.).

Как таковых благопожеланий в текстах региона сохранено немного. Однако среди них встречаются весьма архаические. К ним, например, можно отнести известную формулу «приплода скота». В приведенном ниже варианте ожидание события представлено как совершившийся факт: «*Есть ли у вас скотинушка: / Лошадка косматенька, / Коровка рогатенька, /Овечка лохматенька, / Свинка – золота щетинка»* [10].

В песнях-просьбах прослеживаются и идеи зависимости одаривания и «богатого урожая» («*У доброго мужика / Родись рожь хороша: / Колосом густа, / Соломкой пуста»* [11]; одаривания и возможности иметь здоровое потомство («*Кто подаст печенку – / Родит девчонку. / Кто подаст ватрушку – / Родит Андрюшку»)* [10: 1986, 7, 149]; одаривания и поддержки представителей «иного» мира (умерших предков?) (*«Пирог посдобнее – / мы вам породнее»*) [12]; одаривания и уважения окружающих (*«Ты будешь дарить – / Мы везде будем хвалить»)* [13]; одаривания и материального благополучия в целом (*«Кто подаст лепешки – / Золоты окошки. / Кто подаст каши – / Золоты чаши. / Кто даст свежины – / Золотые чугуны»)* [14]. Встречаются и разнообразные угрозы, например: *«У скупого мужика / Родись рожь хороша: / Колоском пуста, / Соломкой густа»* [15].

К таусеневым песням-просьбам можно отнести и группу вариантов с входящими в их состав мотивами «сокола» («петушка»), обращением «птицы» к «бабушке», занятой изготовлением ритуальной пищи для «гостей»:

Таусень! Уж летел-то соколик,
Таусень! Через бабушкин дворок,
Таусень! Уронил-то сапожок.
Таусень! Подай, бабушка, сапожок.
[16: 4, 4, 449; 12: 41, 64, 4]

И ее ответа:

Таусень! Мне некогда, соколок,
Таусень! Я кокурочки мешу,
Таусень! Я к обедне спешу.
[16: 4, 4, 449; 12: 21, 58, 42]

В небольшой группе текстов появляется некая девица. К ней обращается «соколок»:

– Ты мне, девушка, подай!
[12: 41, 65, 30; 43, 7, 90]

Девице также некогда, но причины ее занятости иного порядка:

Мне нельзя тебе подать:
Я на печке сижу,
Женишка себе гляжу.
[12: 41, 65, 30]

Встречается и осмысление подобных видов действий в категориях «перевернутого», «нелепого» мира:

Недосуг подавать:
Я к обедне спешу,
Над чалом поньку сушу,
Косырем лапшу крошу,
В решете воду ношу [17]

Можно предположить, что объединение в одном тексте мотивов «решета» (семантика данного предмета связывается А. Л. Топорковым с идеей богатства, плодородия, шире – космоса: дождя, неба, солнца [18]) и косыря (косого ножа / серпа / месяца) свидетельствуют об архаической космогонической природе данных заставок в текстах.

Интересна и группа песен, в которых приготовленное для колядников угощение «утаскивает кошка»: «*Таузи, баузи! /Блины да лепешки,/Поросячьи ножки. / Лежали на окошке, / Утащили кошки»* [16: 2, 643].

К группе таусеневых песен-просьб условно можно отнести и тексты с содержанием, заимствованным из репертуара подблюдных гаданий. При этом включение текстов подблюдных гаданий в круг таусеневых объяснимо: они пользовались огромной популярностью в регионе (особенно в Кировской и пограничных с нею районах Нижегородской области и Республики Марий Эл) и отличались относительно хорошей сохранностью на протяжении XX в. (вплоть до настоящего времени). Так, например, в издании А. А. Ивановой [19] опубликовано около 900 сюжетов с вариантами. Бытование подблюдных гаданий отмечено К. Е. Кореповой [20]. Особенно популярны два сюжета: «За рекой мужики живут богатые...» и «На дубу свинья / Гнездо свила...». Обе разновидности гаданий представлены в классических изданиях И. И. Земцовского и К. В. Чистова. При этом текст подблюдного гадания, исполняемый как типичная «таусенька», представлен И. И. Земцовским и в разделе календарных песен [21].

В целом в группе русских таусеневых песен-просьб можно выделить ряд достаточно устойчивых образований: 1) инициальные формулы (как правило, представляют собой двойную закличку «таусеня» или производных от него «таузи», «тауси», «усень» и некоторые другие); 2) медиальные (просительные) формулы в песнях-просьбах региона приобрели специфическую форму и состоят из перечисления ритуальных продуктов и метафорического описания процесса их изготовления («Кишки, лепешки, / Свиные ножки / В печи сидели, / На нас глядели»); 3) заключительные формулы встречаются в двух разновидностях – с элементами благопожеланий (урожая хлеба, приплода скота, чадородия, в целом материального достатка) и угрозами (увести скот, разорить жилище, лишить возможности иметь детей и даже самой жизни).

Обращают на себя внимание персонажи, занимающиеся изготовлением ритуальной пищи (некая «бабушка»), и особые варианты угроз («родишь холобурдищу»).

Любопытные параллели выявленным элементам структуры русских песен-просьб обнаруживаются в обрядовых действиях и песнях новогоднего праздника мордвы «тавунсямо».

Причем, если в русских таусенях архаические детали, сопряженные с глубинной семантикой обряда (характер обрядовой еды, ритуальные персонажи, идея зависимости угощения и «богатого урожая» и др.), как бы рассеяны по разным сюжетам, в ряде случаев являются «строительным материалом» для новых произведений, открыты для различного рода «наращений», «обогащений» и т. п., то мордовские тавунсяи представляют собой закрытые структуры и в совокупности могут рассматриваться как единый обрядовый текст, организованный в соответствии со строго определенными мифологическими представлениями.

В этом плане, во-первых, обращает на себя внимание наличие специально разработанных сюжетов, напоминающих хозяевам о необходимости изготовления ритуальной еды, особенно часто фигурируют в них свиная голова и свиные ноги. К данному напоминанию и сводится, по существу, все содержание песни: *«Свиную голову сварите, / За ворота выходите»* [22: VII, 3, 20]. В качестве обрядового угощения выступали и сакрально отмеченные части тела животного, в частности связанные с представлениями о *сӯво* (особой жизненной силе): *«жареное ушко»*, *«тонкий хвостик»* и др.

По нашему мнению, данные тексты могут рассматриваться в качестве форм, «контролирующих исполнение обряда». Такие образования исследователи связывают обычно с исходной структурой и основным смыслом обходных ритуалов или, по крайней мере, *«со сравнительно ранними формами колядования»,«ставят в один ряд с такими формулами, как «приход издалека», «мощение мостов», «поиски двора», «богатый урожай», «приплод скота»* [23].

На положении ритуального персонажа находится в мордовских песнях и старшая в доме женщина – бабушка (тетка, мать) (в аналогичном положении находилась женщина и в русских таусеневых песнях типа «Летел соколок...»). Именно она занимается изготовлением обрядовой пищи: «коляды», орешков, пирожков *(«Бабушка испекла пирожки, / На лавке разложила их»)* [22: VII, 40]. Плодотворны в данной связи и параллели с широко распространенным у мордвы днем повивальных бабок, он следовал за кёлядным циклом и отмечался 26 декабря [24]. Именно к «бабушке» через некоторое время придет «внучек» и предскажет «богатый урожай» в обмен на обрядовое угощение.

В отдельных вариантах мордовских обходных песен изготовлением праздничной еды занимается птичка (обычно голубка):

Зерно схватила,
Смолола-перемолола,
Пирожок испекла,
В печку посадила,
Из печки вынула,
Маслом намазала,
Мне дала.
Тауся! Тауся!
[22: VIII, 244, 246]

Возможно, в результате «наложения» двух персонажей («голубка», «бабушка»), занимающихся изготовлением ритуальных блюд, и сложился впоследствии сюжет русской таусеневой песни-просьбы типа «Летел соколок // Через бабушкин дворок...».

Далее следует группа текстов, которая буквально погружает нас в архаичнейший пласт мифологических представлений мордвы о «том» свете, обитателях «того» и гостях «этого» мира. Так, уникальными представляются тексты, начинающиеся с передачи поклонов «*Поклоны вам от ваших*» [22: VIII, 25] и приглашения навестить когда-либо сегодняшних «гостей»: «Вы приходите к нам» [22: VII, 3, 24]. Данные «поклоны» и «приглашения» знаменательны и сами по себе. Семантика их довольно прозрачна: речь идет о поклонах и приглашениях со стороны умерших родственников данного дома (семьи).

С ними непосредственно связаны устойчивые формулы, сообщающие о месте нахождения жилища умерших: *«У моста наш дом»* [22: VII, 3, 25]. Действительно, древние захоронения финно-угров располагались вблизи воды. Важно и упоминание «моста» как посредника между миром живых и мертвых.

Нам уже приходилось писать о том, что и марийцы, и мордва с правой стороны гроба прорубали (либо позднее рисовали) оконце для сообщения с внешним миром. Данная деталь также отражена в обходных текстах мордвы: *«На воду* ***смотрят*** *наши окна»* [22: 7, 3, 24].

Известно, что на протяжении всего XVIII и до середины XIX в. марийцыне делали гробов. Умершего обкладывали в могиле досками, а доставляли его на кладбище, уложив на лубок [25]. Мордва хоронила покойников, также завертывая их в луб [26]. В ногах делали подобие двери, чтобы покойники могли свободно входить и выходить из своего «дома» [27]. Формулы:

Стядо керень кенкшенек,	Из лубка наша дверь,
Стядо лазонь ортанок.	Из (стоящих) досок наши ворота,
	[22: VII, 3, 24]

в другом переводе:
Наша дверь – приставленный лубок,
Ворота – приставленная доска, –
[22: VIII, 235]

абсолютно точно воспроизводят таким образом приведенные выше реалии финно-угорских захоронений.

Наряду с действительными этнографическими фактами, в песнях появляются и совершенно фантастические. Обстановка «иного мира» воссоздается в них, во-первых, следуя принципам «кромешного» (перевернутого) мира:

Чеень кудо конянок,	Из осоки наш конек,
Ланьге лутконь ортанок.	Из лыка наши ворота.
	[22: VII, 3, 39]

Олго потс пиванок,	В соломе наше пиво,
Сюва потс браганок.	В мякине наша брага.
	[22: VII, 3, 39]

Сувтемесэ пиванок,	В решете наше пиво,
Перчаткасо винанок.	В перчатке наше вино.
	[22: VII, 3, 24]

Подобные детали (например, решето) имели место и в русских песнях-просьбах [см.: сюжет «Летел соколок...»]. Отмечалось и упоминание в них косыря (косого ножа): «косырем лапшу крошу...» [28]. Известно, что у мордвы, по возвращении с кладбища, именно «старшая в доме женщина в семье кидала <...> навстречу полено и косарь, через который они должны были переступить при входе в избу; нож или косарь бросались для того, чтобы отогнать смерть» [29]; «старшая в доме женщина бросала в сени косарь, чтобы умерший не приходил и не пугал домашних» [30]; готовясь к поминкам, на оставленном для покойника участке земли снова женщина «вставляла в хлебные охвостья серп, прикосновение к которому грозило смертью» [31]; в севернорусских причетах при описании гроба в свою очередь использовалась формула: «Решетом свету наношено» [32].

Во-вторых, обстановка захоронений воспроизводилась и по принципу ее идеализации, с использованием эпитетов золотой, серебряный, указывающих в то же время и на принадлежность чужому (потустороннему): *«У бабушки есть дом, / На восток смотрят окна, / На юг – дверь. / Полон он скотины: / Серебряная грива – лошадь, / Ведерница – корова, / Словно пули глаза – овца»* [22:VII, 3, 30].

Если колядовщиком «должен» был стать обычный человек, он проходил серию специальных «испытаний». В этом плане обращает на себя внимание еще одна группа мордовских обходных песен с обязательным присутствием в них мотива «наказания» персонажа, который впоследствии становится «гостем»:

Од авинем чавимим,
Каськас калмимим!
Калядамо кучимим!
Молодая матушка меня сгубила,
В подполье завалила!
Колядовать послала!

[33: 11]

«Спасителем» будущего колядовщика оказывается Каська атя (домовой). Именно он способствует обретению обычным человеком нового облика (статуса сакрального персонажа): «*Обул меня (в новые лапоточки), собрал! Колядовать послал*!» [33: 20]. Важно и указание на место повышения персонажа в статусе – подполье. В нем обычно производился семейный молян мордвы юртава-озкс (божеству дома) [34]. Необходимо отметить и следующее: в поведении подобных персонажей мордвы можно усмотреть одну из уникальных традиций ряженья, главная особенность которой состоит в *«соединении игровой формы <...> с набором магических функций»* [35]. Именно с данной традицией *«связана возможность создавать в рамках обряда ощущение «живой» мифологии, имитировать непосредственное присутствие ее <героев>»* [36].

В данной группе текстов имеется и ряд формул, описывающих трудности пути колядовщиков (душ умерших) и обычных людей, обретших новый статус, преодоление ими различного рода препятствий по мере движения в мир «живых». При этом обычно называются реально существующие предметы и явления:

Пошел я через задние (нижние) ворота!
Ворота закрыты!
Пошел я через передние (верхние) ворота!
Верхние ворота закрыты!

[33: 11]

В заключение исполнялись песни, содержание которых сводилось к диалогам ритуальных персонажей «этого» («бабушка», «голубка») и «того» («внучек») миров. Сущность диалогов в реализации «идеи обмена»: «внучек» требует обрядовой еды и сообщает о будущем (поражающем воображение) урожае и приплоде скота:

Тавуся! Бабушка, отвори, ноги замерзли!
Тавуся! Куда ты, милый, ходил?
Тавуся! Ходил просо смотреть.
Тавуся! Какое, милый, просо?
Тавуся! С яичный желток зерна,
Тавуся! С большой пирог колосья,
Тавуся! С оглоблю стебли,
Тавуся! Лутушки, латушки,
Тавуся! Давай, бабушка, пироги

[22: VII, 3, 41]

Обширная группа мордовских песен ориентирована и на развитие сюжетной ситуации, «предрекающей» (в случае обильного угощения «гостей») рождение красивого, работящего и почтительного сына: *«Сноха принеси-ка пироги. / Коли дашь пирожок, / Родишь сыночка. / Пусть кудрявым будет, / Пусть хлеб сеять будет, / Пусть соль покупать будет, / Пусть послушным он будет, / Пусть почтительным будет»* [22: VII, 3, 25]. Как мы помним, данный мотив в русских песнях-просьбах обычно выражается лаконичной конструкцией: *«Подашь конька, / Родишь сынка».* Популярность такого рода текстов мордвы, очевидно, и привела к тому, что в русских таусенях появились неожиданные образы *«холобурдищи»,* которая *«не прясть, не ткать, помелом играть».*

Таким образом, тексты мордовских тавунсяев дают довольно полное представление о последовательности действий «хозяев» и «гостей» в обрядах зимних обходов домов и проясняют их природу в целом. В свою очередь сходные элементы русских и мордовских песен-просьб (вступительные формулы в виде закличек праздника, основных формул, сходных ритуальных персонажей, благопожеланий и угроз) позволяют считать их вербальным синонимом обряда колядования, своего рода подтверждением тезиса Н. И. Толстого о «*максимальной синонимичности» различных уровней обряда, «повторении <в нем> одного и того же содержания разными возможными способами»,* особой значимости вербального компонента в процессе деформации обряда [37]. Данные тексты свидетельствуют о ритуальности реального / предметного (свиные ножки – собственно *«таусеньки», «таусники», «усеньки»*, а также символический набор изделий из теста – *«коньки», «коровки», «каракульки», «свинки»*); акционального (факт передачи обрядовой пищи), персонального (не мы просим, не мы акторы, термин Н. И. Толстого, а те, кто стоит за нами – некая третья сила) уровней обряда. Элементы архаики заключают в себе и локативы (печь, окно, мост и др.). Обрядовая терминология фигурирует в закличках праздника и названиях ритуальных персонажей (таусень, таусенька и др.). С названием песен-просьб русских и мордвы связан и темпоральный аспект обряда (таусень, тавунсяй – не только заклички, апеллятивы, но и хрононимы).

В то же время аналогичные русским мордовские варианты, лучше сохранившие мифологический контекст, позволяют восстановить ряд утраченных компонентов в структуре песен-просьб, разъяснить наличие уже непонятных деталей, в целом наметить процесс их формирования и имеющие место контаминации.

Примечания

1. *Caraman P.* Obrzed koldovania u slovian i rumunov. Krakov, 1933, s. 477–484, 538–545.

2. *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. Очерки народных верований. М.: АН СССР, 1957. С. 72.

3. *Розов А. Н.* Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок: дис. … канд. филол. наук. Л., 1978. С. 33.

4. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л.: Ленингр. ун-т, 1963. С. 36.

5. *Корепова К.Е.* Библиографический указатель материалов фольклорного архива. Вып. II, ч. I. Горький: Горьк. ун-т, 1982. С. 66.

6. Там же С. 66; *Корепова К. Е.* Календарные обряды. 1983–1996 / сост. К. Е. Корепова, Ю. М. Шеваренкова. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 1997. С. 16.

7. Там же; *Ананичева Т.* Русско-мордовские взаимосвязи в обрядовом фольклоре // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика, М.: Наука, 1991. С. 27.

8. *Золотова Т. А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи: дис. … д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997.

9. *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Жизни магический круг // Сборник статей к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту: Тарт. ун-т, 1992. С. 130–141.

10. Здесь и далее: фольклорный архив Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ) – на первом месте год записи, далее № тетради и № текста; МГУ: 1986, 4, 113.

11. Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 12. (Б-ка поэта).

12. Здесь и далее: фольклорный архив Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (НГУ) – на первом месте № коллекции; далее № единицы хранения и № текста; НГУ: 43.

13. Поэзия крестьянских праздников. С. 47.

14. Там же. С. 81.

15. Там же. С. 12.

16. Здесь и далее: Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (УГПИ) – № фонда, № описи и № текста; 4, 4, 449; НГУ: 41, 64, 4.

17. *Гилярова Н.* Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М.: Сов. композитор, 1985. С. 34.

18. *Топорков А. Л.* Решето // Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 334–335.

19. *Вятский фольклор.* Народный календарь / сост. Т. Г. Гуджий, А. А. Иванова, Н. Д. Крылова, А. С. Сатыренко; под ред. А. А. Ивановой. Котельнич: Вятский региональный центр русской культуры, 1995.

20. *Корепова К. Е.* Календарные обряды. 1997.

21. Поэзия крестьянских праздников. С. 90.

22. Здесь и далее: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Морд. НИИ яз., лит., ист. и экон., 1966 (УПТМН: VII, 3, 20).

23. *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. С. 187–188.

24. *Мельников С. П.* Очерки мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. С. 99–101.

25. *Попов Н. С.* Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. // Археология и этнография марийского края. Вып. V. Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИ при Совете Министров МАССР, 1981. С. 161.

26. *Мокшин Н. Ф.* История формирования мордовского этноса. Языческие верования мордвы и ее христианизация // Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. С. 311.

27. Там же.

28. *Гилярова Н.* Указ. соч. С. 24.

29. *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 175.

30. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. С. 47; История формирования мордовского этноса. С. 308.

31. *Смирнов И. Н.* Указ. соч. С. 182.

32. *Топорков А. Л.* Указ. соч. С. 335.

33. Здесь и далее: Памятники мордовского народного музыкального искусства / сост. Н. И. Бояркин; под ред. Е. В. Гиппиуса. Т. 3. Саранск: Морд. кн. изд-во. 1988 (ПТНМИ: 11).

34. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. С. 31.

35. *Ивлева Л. М*. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: Российский институт истории искусств, 1994. С 35.

36. Там же.

37. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 64.

Notes

1. *Caraman P.* Obrzed koldovania u slovian i rumunov. Krakov, 1933, s. 477–484, 538–545.

2. Chicherov V. I. Zimnij period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vv. Ocherki narodnyh verovanij [Winter in Russian folk agricultural calendar of the XVI–XIX centuries. Essays on folk beliefs]. M. AS USSR. 1957. P. 72.

3. Rozov A. N. Pesni russkih zimnih kalendarnyh prazdnikov: Problemy klassifikacii kolyadok: dis. … kand. filol. nauk [Songs of Russian winter calendar holidays: Problems of classification of carols: dis. Cand. Philol. Sciences]. L. 1978. P. 33.

4. Propp V. J. Russkie agrarnye prazdniki (opyt istoriko-ehtnograficheskogo issledovaniya) [Russian agrarian holidays (historical and ethnographic research)]. Leningrad. Leningr. University. 1963. P. 36.

5. Korepova K. E. Bibliograficheskij ukazatel' materialov fol'klornogo arhiva [Bibliography of materials in the folklore archive]. Is. II, part I. Gorkiy. Gork. University. 1982. P. 66.

6. Ibid. P. 66; Korepova K. E. Kalendarnye obryady. 1983–1996 [Calendrical rituals. 1983-1996] / comp. Korepova K. E., Yu. M. Samarenkova. N. Novgorod. Nizhniy Novgorod Univ. 1997. P. 16.

7. Ibid; T. Ananieva Russko-mordovskie vzaimosvyazi v obryadovom fol'klore [Russian-Mordovian relationship in ritual folklore] // Tipologiya i vzaimosvyazi fol'klora narodov SSSR: Poehtika i stilistika – Typology and the relationship of folklore of the peoples of the USSR: Poetics and stylistics. M. Nauka. 1991. P.27.

8. Zolotova T. A. Tausenevye pesni russkih Povolzh'ya: regional'noe svoeobrazie i mezhehtnicheskie svyazi: dis. … d-ra filol. nauk [Calendar-ritual Russian songs of the Volga region: regional identity and interethnic relations: dis. ... Dr. Philol. Sciences]. Yoshkar-Ola. 1997.

9. Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. ZHizni magicheskij krug [Magic circle of life] // Sbornik statej k 70-letiyu YU. M. Lotmana – Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Yu. M. Lotman. Tartu. Tartu. Univ. 1992. Pp. 130-141.

10. Here and further: the folklore archive of the Moscow State University n.a. M. V. Lomonosov (MSU) in the first place there is year of record, then No. of notebooks and No. of text; Moscow State University: 1986, 4, 113.

11. Poehziya krest'yanskih prazdnikov – Poetry of peasant festivals / introd. art., comp., prep. text and notes. I.I. Zemtsovskiy. L. Sov. Writer. 1970. P. 12. (Poet's library).

12. Here and further: the folklore archive of the Nizhny Novgorod University n.a. N. I. Lobachevsky (NSU) – in the first place there is No. of collection; next № of items and № of the text; NSU: 43.

13. Poehziya krest'yanskih prazdnikov – Poetry of peasant holidays. P. 47.

14. Ibid. P. 81.

15. Ibid. P.12.

16. Here and further: Folklore archive of the Ulyanovsk State Pedagogical University n.a. I. N. Ulyanov (USPU) – № of fund, № inventory and № text; 4, 4, 449; NSU: 41, 64, 4.

17. Gilyarova N. Novogodnie pozdravitel'nye pesni Ryazanskoj oblasti [New year greeting song of the Ryazan region]. M. Sov. Composer. 1985. P. 34.
18. Toporkov A. L. Resheto [Sieve] // lavyanskaya mifologiya: ehncikl. slovar' – Slavic mythology: Encyclopaedic dictionary. M. Ellis Lak. 1995. Pp. 334-335.
19. Vyatskij fol'klor. Narodnyj kalendar'[Vyatka folklore. Folk calendar] / comp. T. G. Gudgiy, A. A. Ivanova, N. D. Krylova, A. S. Satyrenko; under the editorship of A. A. Ivanova. Kotelnich. Vyatka regional center of Russian culture. 1995.
20. Korepova K. E. Kalendarnye obryady [Calendrical rituals]. 1997.
21. Poehziya krest'yanskih prazdnikov – Poetry of peasant holidays. P. 90.
22. Here and below: Oral-poetic creativity of the Mordovian people. Saransk. Mord. Institute of lang., lit., hist. and ekon. 1966 (PTMN: VII, 3, 20).
23. Vinogradova L. N. Zimnyaya kalendarnaya poehziya zapadnyh i vostochnyh slavyan. Genezis i tipologiya kolyadovaniya [Winter calendar poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and typology of caroling]. M. Nauka. 1982. Pp. 187-188.
24. Melnikov S. P. Ocherki mordvy [Essays of the Mordva]. Saransk. Mord. publishing house. 1981. Pp. 99-101.
25. Popov N. C. Pogrebal'nyj obryad marijcev v XIX – nachale XX v. [Burial rites of the Mari in the XIX – early XX century] // Arheologiya i Pogrebal'nyj obryad marijcev v XIX – nachale XX v.ehtnografiya marijskogo kraya. Vyp. V. Material'naya i duhovnaya kul'tura marijcev.- Archaeology and Ethnography of the Mari region. Is. V. Material and spiritual culture of the Mari. Yoshkar-Ola. Mari Scient.-research institute at the Council of Ministers of MASSR. 1981. P. 161.
26. Mokshin N. F. Istoriya formirovaniya mordovskogo ehtnosa. YAzycheskie verovaniya mordvy i ee hristianizaciya [History of the formation of the Mordovian ethnos. Pagan beliefs of Mordovians and its Christianization] // Mordva: Istoriko-kul'turnye ocherki – Mordva: Istoriko-cultural essays. Saransk. Mord. Book pibl. 1995. P.311.
27. Ibid.
28. Gilyarova N. Op. cit. P. 24.
29. Smirnov I. N. Mordva. Istoriko-ehtnograficheskij ocherk [Mordvinians. Historical-ethnographic essay]. Kazan. 1895. P. 175.
30. Mokshin N. F. Religioznye verovaniya mordvy [Religious beliefs of Mordovians]. Saransk. Istoriya formirovaniya mordovskogo ehtnosa – Mord. book publishing house. 1968. P. 47; History of the formation of the Mordovian ethnos. P. 308.
31. Smirnov I. N. Op. cit. P. 182.
32. Toporkov A. L. Op. cit. P. 335.
33. Hereinafter: Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva – Monuments of Mordovian folk music / comp. N. I. Boyarkin; edited by E. V. Gippius. Vol. 3. Saransk. Mord. book publishing house. 1988 (PTMI: 11).
34. Mokshin N. F. Religioznye verovaniya mordvy [Religious beliefs of Mordovians]. P. 31.
35. Ivleva L. M. Ryazhen'e v russkoj tradicionnoj kul'ture [Mummers' play in Russian traditional culture]. SPb. Russian Institute of history of art. 1994. P. 35.
36. Ibid.
37. N. I. Tolstoy. YAzyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i ehtnolingvistike [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. M. Indrik. 1995. P. 64.

УДК 395.2

Ю. А. Крашенинникова

Реалии свадебного обряда и их номинации в жанре свадебных приговоров (материалы к Словарю «Духовная культура русских Вятки». Свадебный обряд)*

Статья посвящена проблеме реалий свадебного обряда и их номинаций в жанре приговоров свадебных дружек. Автор, используя опубликованные и архивные материалы XIX–XX вв., рассматривает лексику двух групп (Одежда и детали одежды; Свадебные чины). Избирательность в выборе фольклорного материала, записанного в Вятском регионе в разные годы, позволяет увидеть частную систему реалий и их номинаций со своими доминантами и периферийными явлениями, свойственную одному фольклорному жанру, проследить диахронические изменения в мотивациях, увидеть предпочтения исполнителей свадебных приговоров в необходимости поэтической трактовки той или иной номинации.

© Крашенинникова Ю. А., 2016

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».*

Article is devoted to a problem of realities of wedding ceremony and their nominations in a genre of wedding groomsman's speeches. The author using the published and archival materials of XIX–XX centuries considers the vocabulary of two groups (Clothes and details of clothes; Wedding ranks). Selectivity in the choice of the folklore material which is written down in the Vyatka region in different years allows to see private system of realities and their nominations with the dominant and peripheral phenomena in one folklore genre, to observe diachronic changes in motivations, to see preferences of performers of wedding speeches in poetic interpretation of some nominations.

Ключевые слова: свадебный обряд, свадебные приговоры, реалии, номинации, семантика.

Keywords: wedding ceremony, speeches of wedding groomsman, realities, nominations, semantic.

Настоящая заметка затрагивает проблему реалий свадебного обряда и их номинаций в фольклорных текстах свадьбы – свадебных приговорах. Приговоры регулируют движение обряда, организуют и комментируют действия персонажей; помимо этого дружка формирует ответную реакцию и должен реагировать на изменения, которые привносятся другими участниками. Являясь по большей части мужским жанром, приговоры описывают преимущественно мужскую сторону ритуала (действия, эмоциональную составляющую, «портреты»). С другой стороны, поскольку дружка организует обряд, комментирует его с момента сбора жениха в его доме до первой брачной ночи (в ряде локальных традиций активна роль дружки и на второй день свадьбы), включая перемещения свадебного поезда, действия участников свадьбы в доме невесты до венца и доме жениха до и после венца, предполагается внимание к невесте и ее стороне, другими словами, женская линия ритуала в свадебных приговорах также получает развитие.

Материалом для наших наблюдений послужили опубликованные и архивные записи фольклорных текстов, сделанные в XIX – конце XX в. на территории Вятской губернии, ныне Кировской области. Мы анализировали записи приговоров свадебных дружек, сделанные в разных уездах и районах Вятского края (в частности, Вятском, Глазовском, Котельничском, Сарапульском, Слободском, Малмыжском, Нолинском, Яранском уездах), и архивные материалы, хранящиеся в научных и фольклорных архивах РГО, РЭМ, ГАКО, МГУ, СыктГУ [1].

Анализ имеющихся текстов и фрагментов вятских приговоров позволил выделить лексику, которая распределяется на несколько групп: одежда и детали одежды; свадебные чины; кухонная утварь; предметы и приспособления упряжи лошадей; внутреннее убранство дома; родство и родственные отношения, этапы обряда и ритуальные действия.

Очевидно, что перечень словарных статей, посвященных свадебному обряду, несомненно, был бы шире, если его составлять с максимальным учетом опубликованных и архивных материалов XIX–XXI вв., посвященных свадьбе, включая фольклорные жанры, фольклорно-этнографические описания, краеведческие очерки и проч.

С другой стороны, избирательность в выборе фольклорного материала, записанного в конкретном регионе в разные годы, хороша тем, что позволяет увидеть частную систему реалий и их номинаций со своими доминантами и периферийными явлениями, свойственную одному фольклорному жанру. Сопоставление разновременных записей одного региона показывает частотность лексических единиц, в ряде случаев позволяет проследить диахронические изменения в мотивациях, увидеть предпочтения исполнителей свадебных приговоров в необходимости поэтической трактовки той или иной номинации. Еще один аспект проблемы связан с интерпретацией и описанием реалий в поэтических текстах, статичностью и варьированием содержательного плана таких описаний, степенью соотнесенности с этнографическими комментариями.

В настоящей заметке мы уделим внимание двум группам – **Одежда и детали одежды; Свадебные чины**, напрямую и опосредованно связанным с персонажами свадебного обряда. Так, детали одежды упоминаются в приговорах при описании участников обряда – невесты, жениха, поезжан и присутствующих зрителей. Как правило, мужская сторона (жених, поезжане) получает развернутые портретные характеристики, напротив, в описаниях невесты и ее окружения, а также отдельных представителей крестьянского мира, присутствующих на свадьбе, выделяются одна-две знаковых детали. В описаниях жениха и его окружения встречаем элементы верхней одежды (азям [2] фабричного сукна, кафтан [3] синий, тулуп суконный, поддевка [4] фабричная, чежелко [5]крытый), облачения (красная рубашка, плисовые шаровары), обуви (сапожки сафьяны / козловы, лапти липовые), аксессуары и головные уборы (шарф красный / вязаный, шапка каракульская / бухарчатая / бухарская / суконная, кушак малинового цвета, перчатки камчатные, чулки суконные, рукавки [6] лосинковые, опояска шелковая / гарусовая). Так, жених *«во сафьянных сапожках, // В плисовых шароварах, // Красной рубашке, // В синем кафтане, // В суконном тулупе, // Красном шарфе, // Каракульской шапке...»* [7]. Примерно тот же «набор» элементов

одежды упоминается и в описаниях поезжан: *«На наших поежжанах азямчики фабричнова сукна, кушачки малиновова цвету, перчаточки «жамчатные»* [8], *шапочки бухарчатые, шарфики у всех вязаны…»* [9], *«У всех поддевочки фабричные, // Шапочки бухарские, // Сапожки козловые, // Рукавки лосинковые, // Опоясочки шелкóвые, // На шеях шарфики вязаные…»* [10], «*Обуты на них* [на поезжанах – *Ю.К.*] *лапти липовы, // Чулки суконны, // Чежелки крыты, // Опояски гарусовы, // Шапки на них суконны…»* [11] и др.

Детали одежды невесты в приговорах обычно упоминаются в перечне подарков, которые преподносит ей жених, например, *бумажные чулки* [12], *сапожки сафьяновы*, *платок* и проч. Отметим такую деталь одеяния,*как цветное портное подвенечное платье*, воплощающую, как следует из ремарки публикатора, набор даров, состоящий из подвенечного сарафана, чулков, башмаков, гребня, мыла и *покрова* или большого плата «(которым закрывают невесту при женихе в первые два дня свадьбы до венца и после венца, и который всякий жених непременно обязан доставить в дом невесты)» [13].

В собирательных характеристиках представителей крестьянского мира также используются отдельные элементы одежды. Речь пойдет, прежде всего, о коллективных описаниях пожилых людей («старых старух»), в которых упоминаются детали одежды, характеризуется их качество: *«старые старушки, пожилые молодушки, набоковые шамшуры, толстые синюхи, косые заплаты»* [14], *«старые старушки, синие синюшки»* [15], *«старые старушки, сметанные полизушки, кривые шашмурки, косые заплатки»* [16], *«старые старушки, синие повязушки»* [17], *«Старые старухи, толстые синюхи // Белые повязухи, худые заплаты…»* [18]. Так, «синие (вар.: белые) повязушки», «сини (вар.: толстые) синюхи», согласно их значениям [19], использовались в повседневных работах. Качество одежды подчеркивается с помощью сочетаний «косые заплатки», «худые заплаты», статус пожилых женщин – через травестийное упоминание традиционного головного убора замужних женщин («набоковые шамшуры» [20], «кривые шашмурки»).

В связи с этой группой реалий важно отметить наличие практически у каждого предмета одежды качественной характеристики (уточняется качество материала, цвет, способ изготовления). Из материалов упоминаются разные виды кожи (сафьян, выделанная лосиная кожа), ткани (сукно, плис, гарус, камчатная ткань, или камка), природные материалы (липовые лапти). Важен колористический код номинаций. Наши наблюдения позволяют говорить о многозначности синего цвета, имеющего в приговорах различные, зачастую полярные значения применительно к разному кругу свадебных персонажей и явлений. В описаниях нежелательных для молодоженов присутствующих (пожилых людей, детей) семантика хроматической характеристики *синий* наиболее близка к значению этого цветообозначения в народной культуре, где синий демонстрирует устойчивую связь с понятиями потустороннего, демонического, нечистого, испорченного, болезненности, бедности, повседневности. Относительно жениха и его окружения эпитет *синий* употребляется со значениями ‘праздничный’, ‘дорогой’, ‘новый’, ‘лучший’, используется для констатации особой ситуации: синие детали облачения выделяют жениха и поезжан среди присутствующих на свадьбе, воспринимаются как ‘праздничная, богатая, предназначенная для исключительного события одежда’. Нерегулярно в поэтических текстах синий цвет сочетается с красным (см. выше фрагмент из публикации А. Васнецова), что указывает на близость символики этих цветообозначений, связанных с эстетической оценкой (‘праздничный’, ‘красивый’) [21]. Эпитет *цветной* используется в приговорах преимущественно к невесте: в частности, выражение «надеть (вар.: принять) цветно платье», употребляемое в приговорах дружек относительно невесты, символизирует психологическую и физиологическую готовность девушки к замужеству [22].

Вторую, довольно большую группу составили номинации свадебных чинов. Тексты строятся примерно по одной схеме: дружка, обращаясь к родителям жениха или невесты, присутствующим, высказывает просьбу о чем-нибудь или организует какое-либо действие (просит благословить / оказать хороший прием свадебному поезду / проверяет готовность поезжан к выезду за невестой или в церковь / рассаживает всех за свадебным столом и проч.) и перечисляет свадебщиков, например: *«Батюшко новображного князя молодого, матушка новображнаго князя молодого! <…> благословили бы своего чада милого любезного, нового новображного князя молодого со всем князьим полком, со храбрым поездом, с тысяцким, большим боярином, середним и меньшим, схвахоньку с повозничком и меня, дружку, с поддружьем, по сужено ехать…»* [23], *«У столика был бы стольник, // У печки поварихонька, // У дверей притворник, // У ворот привратник, // У кóней конюшник…»* [24]. Некоторые номинации (например, большие и меньшие бояра, гвоздарчики, караульщики, стольники, ямщики, придверники) употребляются во множественном числе. Функции отдельных свадебных чинов закреплены в поэтических текстах, однако чаще роль того или иного персонажа в обряде объясняется публикатором или писцом в сопровождающем текст этнографическом описании или ремарках. Ниже приведем список свадебных чинов, зафиксированный в свадебных приговорах; большая часть лексем

сопровождается значением из словарей, публикаций и архивных материалов, ряд значений нами конкретизирован и дополнен. Цифра в круглых скобках показывает частоту встречаемости слова в поэтических текстах:

Большой боярин (9). *Большие бояра* – родственники более близкие к жениху, которые за столом сидят возле тысяцкого [25]; *боярин*, чаще во мн. числе – почетное звание, даваемое во время свадеб ближайшему родственнику со стороны жениха, который следил за точностью исполнения свадебного обряда [26].

Гвозда́рчик (1), вар. извозчичек пивной (1). *Гвозда́рь* – пивовоз, пивной извозчик [27]; в свадебном обряде – тот, кто заведует пивом и вином на свадьбе [28].

Дружка (9), вар.: друженька (3), дружье (1)

Запечный (1) («к заслону – запешнова» [29]), заслонщик (1) («к печи – заслонщика» [30]). Исходя из контекста, предполагаем, тот, кто следит за состоянием печи, заслонкой, но не готовит блюда (см. также: припечник). «Словарь русских народных говоров» приводит фрагменты свадебного приговора и в числе значений дает: *запечничек – перм., влгд*. посетитель, пришедший из любопытства на свадьбу и расположившийся за печкой, слово *запечный* приведено без указания значения и комментирования [31].

Запятничек (2). *Запятник*, *запяточник* – слуга на запятках, находится (стоит или сидит) позади экипажа [32], ямщик [33].

Караульщик (коней) (6), вар.: караульчик (3), конюх (2), караульничек (1), конюшник (1)

Меньшой боярин (6), вар. малый боярин (3). *Малые бояра* – дальние родственники жениха [34]. «Словарь русских народных говоров» и «Областной словарь вятских говоров» дают менее конкретизированную характеристику этого свадебного чина партии жениха: «малый боярин – участник свадьбы со стороны жениха» [35], в этом контексте ремарки Н. Кибардина относительно больших (см. выше) и малых бояр уточняют условия выбора этих чинов, в числе которых характер родственных отношений, степень родства с женихом.

Накрайничек (1). *Накрайнички* – ямщики, сидящие по краям (т. е. на облучках) [36]; <…>*вят*. ямщики, сидящие по краям саней и помогающие в нужных случаях ямщику [37].

Повозничек (3). *Повозчик* или *повозник* – кто правит упряжной лошадью, повозкой; провожатый, проводник, погоняла, погонщик, возница, кучер, ямщик [38].

Поддружье (3), вар.: полудружье (4), полудружьице (1), полдружье (3) [39].

Поневес[т]ница (3), вар.: поневесенка (2). *Поневестница* – крестная мать [40], *вят. твер.* свадебный чин, вроде посаженой или свахи; она же провожает невесту в церковь. <…> Поневест(н)ница – *пск. твер.* одна из подруг невесты? [41].

Придверник (3) (к дверям), вар.: придверничек (3), притворщик, притворчик, притворник, приворотничек, приворотник (единичные упоминания). *Придверник – устар.* Сторож у дверей, у входа куда-л. [42]; *дверник* – приставник к дверям, воротам, ко входу; привратник, швейцар. <…> Дверничать, быть дверником, *придверничать* – стоять, ожидая у дверей, у порога [43].

Припечник (1) (к печи). Вероятно, тот, кто следит за печью, но не готовит блюда, см. в тексте: «Дайте нам: <…> К печке припечника, // Да и бабушку поварушку» [44].

Притворничек (3) (к воротам), вар.: привратник, приворотник, приворотничек (единичные упоминания). *Притворник* – привратник, придверник, прикалитник, сторож, швейцар. | Свадебный чин, того же значенья; притворник принимает поезжан у ворот, провожая их с приветами до порога избы[45].

Свахонька (5), вар.: свахонька-суредихонька [46] (2), сватушка, сватья (1).

Сватушко (5), сват.

Середний боярин (3). *Середние бояра* – перечисляются, как правило, в одном ряду с *большими* и *малыми боярами*; заключаем, что это родственники, которые не относятся к самым близким, но и не являются дальними.

Стольник (7), вар.: стольничек (9), застольник (1), столешничек (1). *Стольник – первонач.* придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом [47], в приговорах – чин, отвечающий за свадебный стол и распоряжающийся за ним (готовность стола, смена блюд). Информанты упоминают, что *«были отдельные люди, кто носил на столы. <…> Пиво и вино носили мужчины, а женщины носили еду»* [48].

Поварихонька (2), вар.: стряпонька, стряпея, бабушка-поварушка, старушка-поварушка, повар, поварухонька, повар-поварихонька (единичные упоминания).

Тысяцкий (10)

Ямщик (3)

Некоторые номинации сопровождаются в текстах лаконичной характеристикой, благодаря которой подчеркивается возраст (повозничек *молодой*, ямщички *молодые*, гвоздарчик *молодой*), семейное положение (накрайничек *холостой,* запятнички *холостые),* функция в обряде (например, *«стряпея, штобы печку открывала, бочечку оттыкала»* [49]; *«конюшник наших бы коней поил, кормил да повыгладил!»* [50]), имплицитно статус чина (свахонька госпожа, тысяцкой господин), актуализируются нравственные характеристики *(«караульничек необлыжный и надежный»* [51]), *«сватушко милый, добрый, дорогой»* [52] и проч. Упоминания свадебных чинов в вятских записях второй половины XX в. скудны, в опубликованных и архивных материалах стабильно встречаются *дружка* (вар.: друженька), его помощник (полдружье, полудружье), *сватушко*, в числе редких и единичных отметим *столешничек*, *придверничек*, *караульщик* [53], собирательное название поезжан *сундушники* [54] и называние дружки *проводником: «*[Дружка был?] *Да, проводника-то надо. Он все тут-ока делает, дружка этот. Он, знаешь, как за жениха. Жених же не будет это все делать. Он везет, он все, он заходит первый. Это все проводник. Он проводничат на конях, обычно на конях. Просто был проводником и все. Конечно, за порядком следил, следил за порядком»* [55]. Номинация «коням с автомашиной караульщика» [56] любопытна в связи с процессами инерции в народном сознании и механизмами номинации старых и новых реалий: традиционная для свадьбы модель «караульщик коней» перестала соответствовать действительности (в свадебном обряде стали использовать автомашины), дружка обращается с просьбой «поставить к коням с автомашиной караульщика».

Еще несколько наименований содержит информацию о характере родственных отношений присутствующих на свадьбе гостей и категориях зрителей. Обращение к гостям «кутина и полатина» [57], «кутяна, полотяна, середяна» [58] сообщает об их местоположении в доме. Однако, учитывая объяснительные ремарки публикаторов к текстам – «в кути или переди» располагались близкие родственники, «места задние под полатями» доставались дальней родне [59], заключаем, что эти номинации указывают на степень родства с главными участниками ритуала [60]. В экспедиционных материалах конца XX в. зафиксирован термин *сухонцы,* который употребляли относительно соседей, приходивших посмотреть на свадьбу и стоявших «в дверях» [61], т. е. неприглашенных гостей.

Таким образом, поэтические тексты свадьбы можно рассматривать в качестве «консерванта» этнодиалектного варьирования; разновременные фольклорные материалы демонстрируют процессы, происходящие со свадебной лексикой, в частности в современных материалах происходит уменьшение количества номинаций, обозначающих свадебные чины, снижение количества «портретных» описаний участников свадебного обряда, стремление этих описаний к лаконичности.

Сокращения

АКФ МГУ – архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Архив РГО – Архив Русского географического общества

Архив РЭМ – Архив Российского этнографического музея

ГАКО – Государственный архив Кировской области

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л.: Наука, 1968–1991; Вып. 27–43. СПб.: Наука, 1992–2010.

СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета

Примечания

1. Архив РЭМ. Ф.10. Оп.1. Ед.хр. 11, 48, 51 (полевые дневники сотрудников РЭМ с записями 1987, 1990, 1991 гг. из Лузского, Омутнинского, Яранского, Санчурского районов Кировской обл.). Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 10, 15, 26, 28, 50 (рукописи корреспондентов РГО из Яранского, Уржумского, Котельнического, Вятского и Нолинского уездов Вятской губ., в основном датированы сер. XIX в.). ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130, 133 (записи из Орловского, Глазовского уездов); архив кафедры фольклора МГУ, записи из Шабалинского (1992 г.), Котельничского (1991, 1992 гг.), Лузского (1989, 1990, 1991 гг.), Опаринского (1990 г.), Подосиновского (1988 г.) районов. Фольклорный архив СыктГУ, записи из Опаринского (1992 г.), Нагорского (1997 г.), Мурашинского (1990 г.), Лузского (1991, 1992, 1995 гг.), Подосиновского (1993 г.) районов.

2. «Словарь русских народных говоров» предлагает довольно много значений, в числе которых приведены и вятские, см.: *Азям* – верхняя одежда крестьян, мужская или женская, неодинакового по разным местностям покроя, сшитая из различного, в зависимости от местности и обстоятельств, материала. <…> Мужской суконный длинный кафтан без боров и из фабричного сукна, надеваемый поверх какой-либо другой одежды. В*ят.,* 1896. <…> Длинный кафтан из серого сукна. Орл. *Вят.,* Добротворский, 1882. <…> Суконный кафтан. *Вят.,* Вят. календ., 1880. <…> Верхняя мужская одежда из домотканного сукна вроде халата. *Вят.,* Васнецов, 1907. <…> Широкополая верхняя одежда, надеваемая зимой на полушубок. *Вят.,* Вятские промыслы, I, 63. (СРНГ. Вып. 1. Л., 1965. С. 215–216).

3. *Кафтан – татарск.* верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом, чапан, сермяга, суконник, армяк; обычно кафтан шьется не из домотканины, а из синего сукна (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд. центр «Терра», 1995. Т. 2. С. 98).

4. *Поддевка* или *поддевок* – полукафтанье или безрукавый кафтанчик, поддеваемый под верхний кафтан (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 171).

5. *Чежелко* (чажелко) ср. *тяжелко* – рабочий сермяжный кафтан, обычно крытый холстом (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 586).

6. Так в ркп., следует читать *рукавички*.

7. *Васнецов А.*Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. Киров, 1949. С. 209.

8. Так в публикации, от *камчатный*, т. е. сделанный из камчатной льняной ткани (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 82).

9. *Аргентов Г.* Наговоры дружки // Прикамье. Литературно-художественный сборник. 1941. № 2. С. 101.

10. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед.хр. 50. Л. 7об. – 8. Зап. Н. Кибардин в Вятском или Нолинском у.? до 1893 г.

11. *Зеленин Д.К.*Свадебные приговоры Вятской губернии / записал и снабдил комментариями Д.К. Зеленин. Вятка, 1904. С. 30.

12. Изготовленные из хлопчатобумажной ткани (СРНГ. Вып. 3. Л., 1968. С. 275).

13. *Осокин С.*Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник. 1857. № 1. С. 77.

14. *Аргентов Г.* Указ. соч. С. 104.

15. *Суслов И.* Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33. С. 1.

16. *Тронин П.* Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 232. *Шашмурки* – так в публикации.

17. Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 50.

18. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 9–9 об. Зап. Н. Кибардин в Вятском или Нолинском у.? до 1893 г.

19. *Синюха – вят.* синетина, *пск.* домашний синий крашенинный сарафан (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 187), *вят.* верхняя женская одежда из грубого, окрашенного в синюю краску холста (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 9), здесь же отметим: *синятье* – синее портяное тряпье, ветошь, ценимое при скупке подешевле (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 187), *синяк* – повседневный рабочий сарафан из синей крашенины (*Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. С. 182) и др.; *повязуха – вят., пск.* холщевый головной платок (СРНГ. Вып. 27. СПб., 1992. С. 284), повязка (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 9).

20. *Шамшура* – головной убор замужних женщин у народов Восточной Европы на твёрдой круглой или полукруглой основе (Этнографический словарь 2014. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/etno/723/%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D1%88%D1%83%D1%80%D0%B0. Дата доступа: 25.11.2016)

21. О символике синего цвета в приговорах: *Крашенинникова Ю. А.* Из наблюдений над символикой цвета в русских свадебных приговорах // Славяноведение. 2011. № 2. С. 71–77.

22. О символике «цветного» в приговорах см.: *Крашенинникова Ю. А.* Символика цвета в свадебных приговорах // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 106–109.

23. *Осокин С.* Указ. соч. С. 74.

24. *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 26.

25. Примеч. Н. Кибардина к тексту (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 6 об. Зап. в Вятском или Нолинском у.? до 1893 г.).

26. Областной словарь вятских говоров: Вып. 1–2. А–В / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. 2-е изд., испр. и доп. Киров: Изд-во ООО «Коннектика», 2012. С. 99.

27. Примеч. Д. К. Зеленина к тексту (*Зеленин Д. К.* Указ. соч. С. 16).

28. СРНГ. Вып. 6. Л., 1970. С. 159.

29. *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах:материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. I. СПб., 1900. С. 484.

30. Русский фольклор Удмуртии. С. 53.

31. СРНГ. Вып. 10. Л., 1974. С. 316.

32. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 626.

33. СРНГ. Вып. 10. Л., 1974. С. 375.

34. Примеч. Н. Кибардина к тексту (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 6 об. Зап. в Вятском или Нолинском у.? до 1893 г.).

35. СРГН. Вып. 3. Л.:, 1968. С. 144; Областной словарь вятских говоров. С. 99.

36. Примеч. И. Софийского к текстам, подготовленным А. Л. Полушкиной (*Полушкина А. Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии. Подгот. к изд. И. Софийский. Вятка, 1892. С. 26).

37. СРНГ. Вып. 19. Л., 1983. С. 346.

38. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.

39. Номинации помощника дружки – *подружье*, *полдружье*, *поддружий*, *подружка* – на материалах XIX – нач. XX вв. разных локальных традиций выделяет П. С. Богословский (*Богословский П. С.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь, 1927. С. 20–21).

40. Судя по тексту и комментариям (он читался после того, как свадебный поезд отъехал от дома жениха «саженей десять»), крестная мать жениха. Примеч. Н. Кибардина к тексту (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 6 об. Зап. в Вятском или Нолинском у.? до 1893 г.).

41. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 285–286.

42. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL:http://www.efremova.info/word/pridvernik.html#.WBHkkdSLTGg,дата доступа: 25.11.2016)

43. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 418.

44. *Суслов И.* Указ. соч. С. 1.

45. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 451.

46. «Словарь русских народных говоров» предлагает рассматривать как фольклорный ласкательный эпитет (СРНГ. Вып. 42. СПб., 2008. С. 292), но нам думается, что эта конкретизирующая часть номинации несет определенную смысловую нагрузку: речь идет о сватье жениха, которая, исходя из содержания поэтических текстов, собирает поезжан в дорогу («усаживает по козелкам», *Аргентов Г.* Указ. соч. С. 101), отвечает за подарки для невесты («весь поезд снарядила, все ли ты взяла? Взяли ли ты… (далее перечисляются подарки, предназначенные для невесты. – *Ю. К.*)» (*Тронин П.* Указ. соч. С. 230).

47. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Б. М. Волин и Д. Н. Ушаков. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. Стлб. 532.

48. Семейные обряды Вятского края / под ред. А. А. Ивановой. М.; Котельнич, 2003. С. 59.

49. *Аргентов Г.* Указ. соч. С. 103.

50. *Зеленин Д. К.* Указ. соч. С. 26.

51. Свадебная молитва дружки (записана в с. Кумены Вятской губернии в 1917 г.). Из репертуара В. Егошина // Скоморошина: материалы IV регион. науч.-практ. конф. «Вятский фольклор. Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры». Киров, 1997. С. 39. *Необлыжный* – противоп. Облыжный – *пск., смол., волог.* лживый, коварный, такой, которому нельзя доверять (СРНГ. Вып. 22. Л., 1987. С. 114).

52. Свадебные обряды Вятского края. С. 198.

53. Все примеры см.: Свадебные обряды Вятского края. С. 87, 89, 91, 92, 196, 202.

54. АКФ МГУ: ФЭ–17:7977, № 180. Зап. 17.07.1991 г. от З. А. Олюниной, 1916 г.р., с. Варюховщина Котельничского р-на.

55. СыктГУ: 2009-30. Зап. Ю. А. Крашенинникова 3.07.1991 г. от М. С. Лузгаревой, 1913 г.р., д. Ярцево Лальского с/с Лузского р-на Кировской обл.

56. Свадебные обряды Вятского края. С. 92.

57. *Осокин С.* Указ. соч. С. 74.

58. *Шейн П. В.* Указ. соч. С. 483.

59. *Осокин С.* Указ. соч. С. 74.

60. Ср.: в записях из Вилегодского района Архангельской области обращение к присутствующим гостям позволяет судить об их статусе и родстве (приглашенный, неприглашенный; расположение гостей в доме – в сутном, т. е. в красном углу, кутном углу, за печью, на пороге): «Вы, гостеньки суточны, куточны, // Званы и незваны, запечина, подпорожина, // Все говорите: Бог благословит…» (см.: *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в записях второй половины XX в. // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 372).

61. Свадебные обряды Вятского края. С. 59.

Notes

1. Archive of Russian Ethnographical Museum (REM). F. 10. Sh.1. Item. 11, 48, 51 (field diaries of the employees of REM with records of 1987, 1990, 1991, from Luza, Omutninsk, Yaransk, Sanchursk regions of the Kirov region). Archive of Russian Geographical Society (RGS). R. 10. Inv.1. Item 10, 15, 26, 28, 50 (manuscripts of correspondents of RGS of Yaransk, Urzhum, Kotelnich, Vyatka and Nolinsk counties of Vyatka province, mostly dated mid. XIX century). GAKO. F. 170. Inv. 1. File 130, 133 (records from Orlov, Glazov districts); the archive of the folklore Department of the MSU, records from Shabalino (1992), Kotelnich (1991, 1992), Luza (1989, 1990, 1991), Oparino (1990), Podosinovskiy (1988) areas. The folklore archive of Syktyvkar State University, the records of Oparino (1992), Nagorsk (1997), Murashi (1990), Luza (1991, 1992, 1995), Podosinovskiy (1993) areas.

2. "The dictionary of Russian folk dialects" offers quite manu meanings, including Vyatka ones, see: Azyam – peasants, male or female, outerware, unequal in different areas of fashion, made of various, depending on location and circumstances material. <...> Men's woolen long coat without burs and from factory cloth worn over any other clothing. Vyat., 1896. <...> Long coat of grey cloth. Orl. Vyat., Dobrotvorskiy. 1882. <...> Cloth coat. Vyat., Vyat. calendar. 1880. <...> The top men's clothing from homemade cloth like a robe. Vyat., Vasnetsov. 1907. <...> A broad upper garment, worn in winter coat. Vyat., Vyatka crafts, I, 63. (SRNG. Is. 1. L., 1965. Pp. 215-216).

3. Kaftan – Tatar top, long-skirted men's dress of different breed: wrapping, with an oblique collar, caftan, sermyaga, sukonnik, the coat; the coat is usually sewed not from homemade cloth, but of blue cloth (Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 vol]. M. Publ. center "Terra". 1995. Vol. 2. P. 98).

4. Poddevka – half-kaftan or sleeveless caftan, worn under the top coat (Dal V. I. Op. cit. Vol. 3. P.171).

5. Chegelko (chagelco), tyazhelko – worker's homespun coat, usually covered with canvas (Dal V. I. Op. cit. Vol. 4. P. 586).

6. So in the RKP., one should read “gloves».

7. Vasnetsov A. Pesni severo-vostochnoj Rossii. Pesni, velichaniya i prichety, zapisannye v Vyatskoj gubernii v 1868–1894 gg. [Songs of North-Eastern Russia. Songs, glorification and the laments recorded in Vyatka province in 1868-1894]. Kirov. 1949. P. 209.

8. So in a publication from kamchatniy, i.e. made of kamchat linen fabric (Dal V. I. Op. cit. Vol. 2. P.82).

9. Argentov G. Nagovory druzhki [Slanders of groomsman] // Prikam'e. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik – Kama. Literary-art collection. 1941. No. 2. P. 101.

10. Archive RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 7 turn. – 8. Wrote N. Kibardin in Vyatka or Nolinsk? until 1893

11. Zelenin D. K. Svadebnye prigovory Vyatskoj gubernii [Wedding sentences of Vyatka province] / recorded and provided a review D. K. Zelenin. Vyatka. 1904. P. 30.

12. Made of cotton fabric (SRNG. Is. 3. L. 1968. P. 275).

13. Osokin S. Sel'skaya svad'ba v Malmyzhskom uezde [Rural wedding in Malmyzh County] // Sovremennik – Contemporary. 1857, No. 1, p. 77.

14. G. Argentov Op. cit. P. 104.

15. Suslov I. Iz svadebnyh obryadov Malmyzhskogo uezda [From wedding ceremonies of Malmyzh district] // Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka province news. 1901, No. 33, p. 1.

16. Tronin P. SHestoj zemskij uchastok Nolinskogo uezda [Sixth zemsky plot of Nolinsk county] // Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1896 god – Calendar and the memorable book of Vyatka governorate in 1896. Vyatka. 1895. P. 232. Shashmurki – so is in the publication.

17. Russkij fol'klor Udmurtii – Russian folklore in Udmurtia. Izhevsk. 1990. P. 50.

18. Archive RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 9-9 turn. Wrote N. Kibardin in Vyatka or Nolinsk? Until 1893.

19. Sinyukha – vyat. sinetina, pskov. home blue dyed sundress (Dal V. I. Op. cit. Vol. 4. P. 187), vyat. top women's clothing of coarse, painted in blue canvas (Archive of the RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 9) here note: sinyatje – blue cloth, rags, valued cheaper when bought (Dal V. I. Op. cit. Vol. 4. P. 187), sinyak – casual work sundress of blue dyed cloth (Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke [History of color terms in the Russian language]. M. Nauka. 1975. P. 182), etc.; povyazuha – vyat., pskov. linen headband (SRNG. Is. 27. SPb. 1992. P. 284), bandage (Archive of the RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 9).

20. Shamshura – headdress of married women of the peoples of Eastern Europe on a solid circular or semicircular base (Ethnographic dictionary 2014. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/etno/723/%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D1%88%D1%83%D1%80%D0%B0. Date of access: 25.11.2016)

21. About the symbolism of blue in the sentences: Krasheninnikova Yu. A. Iz nablyudenij nad simvolikoj cveta v russkih svadebnyh prigovorah [From observations on the symbolism of colors in Russian wedding sentences] // Slavyanovedenie – Slavic studies. 2011, No. 2, pp. 71-77.

22. About the symbolism of "colored" in sentences see: Krasheninnikova Yu. A. Simvolika cveta v svadebnyh prigovorah [Color symbolism in the wedding sentences] // Antropologicheskij forum Anthropological forum. 2011, No. 14 Online. P.
106-109.

23. Osokin S. Op. cit. P. 74.

24. Zelenin D. K. Op. cit. P. 26.

25. Notes of N. Kibardin to the text (Archive of the RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 6. Written in Vyatka or Nolinsk? up to 1893).

26. Oblastnoj slovar' vyatskih govorov – Regional dictionary of Vyatka dialects: Is. 1-2. A-B / under the editorship of V. G. Dolgushev, Z. B. Smetanina. 2nd publ., rev. and add. Kirov. LTD "Konnektika" Publ. 2012. P. 99.

27. Notes of D. K. Zelenin to the text (Zelenin D. K. Op. cit. P.16).

28. SRNG. Is. 6. L. 1970. P. 159.

29. Shane P. V. Velikoruss v svoih pesnyah, obryadah, obychayah, skazkah, legendah:materialy, sobrannye i privedennye v poryadok [The Great Russian in his songs, rituals, customs, tales, legends: the materials collected and ordered by P. V. Shane]. Vol. I. SPb. 1900. P. 484.

30. Russkij fol'klor Udmurtii – Russian folklore in Udmurtia. P. 53.

31. SRNG. Is. 10. L. 1974. P. 316.

32. Dal V. I. Op. cit. Vol. 1. P. 626.

33. SRNG. Is. 10. Sh. 1974. P. 375.

34. Notes of N. Kibardin to the text (Archive of the RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 6.Written in Vyatka or Nolinsk? up to 1893).

35. SRGN. Is. 3. Sh. 1968. P. 144; Regional dictionary of Vyatka dialects. P. 99.

36. Notes of I. Sophiyskiy to the texts prepared by A. L. Polushkina (Polushkina A. L. Pover'ya, obryady i obychai pri rozhdenii, brake i smerti krest'yan Slobodskogo uezda Vyatskoj gubernii [Beliefs, rituals and customs at birth, marriage and death of the peasants in Slobodsky uyezd, Vyatka province]. Prep. to ed. I. Sofiyskiy. Vyatka. 1892. P. 26).

37. SRNG. Is. 19. L. 1983. P. 346.

38. Dal V. I. Op. cit. Vol. 3. P. 140.

39. Nomination of groomsman's assistant – podruzhe, poldruzhe, poddruzhiy, podruzhka – on the materials of XIX – beg. XX centuries of different local traditions is distinguished by P. S. Bogoslovsky (Bogoslovsky P.S. K no-

menklature, topografii i hronologii svadebnyh chinov [To the nomenclature, topography and chronology of the wedding ranks]. Perm. 1927. Pp. 20-21).

40. Judging by the text and the comments (read after the wedding train pulled away from the house of the groom for "ten fathoms"), godmother of the groom. Notes of N. Kibardin to the text (Archive of the RGS. R. 10. Inv. 1. Item 50. Sh. 6. Written in Vyatka or Nolinsk? up to 1893).

41. Dal V. I. Op. cit. Vol. 3. Pp. 285-286.

42. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of Russian language. Sensible-word-formation]. M. Rus. yaz. 2000. Available at:http://www.efremova.info/word/ pridvernik.html#.WBHkkdSLTGg,accessed 25.11.2016)

43. Dal V. I. Op. cit. Vol. 1. P. 418.

44. Suslov I. Op. cit. P. 1.

45. Dal V. I. Op. cit. Vol. 3. P. 451.

46. "The dictionary of Russian folk dialects" offers to consider how folklore endearing epithet (SRNG. Is. 42. SPb. 2008. P. 292), but we think that this elaborating part of the nomination has definite meaning: we are talking about the wedding guests of the bridegroom, which, based on the content of poetic texts, gets the passengers in the road ("seats on wheels", G. Argentov Op. cit. P. 101), is responsible for the gifts for the bride ("the whole tuple was fitted out, have you got everything? Did you take... (then lists the gifts meant for the bride. – Yu.K.)" (P. Tronin Op. cit. P. 230).

47. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka – Explanatory dictionary of Russian language / ed. by B. M. Volin and D. N. Ushakov. Vol. 4. M. State Publ. of foreign and national dictionaries, 1940. Stlb. 532.

48. Semejnye obryady Vyatskogo kraya – Family rituals of Vyatka region / edited by A. A. Ivanova. M.; Kotelnich. 2003. P. 59.

49. G. Argentov Op. cit. P. 103.

50. Zelenin D. K. Op. cit. P. 26.

51. Svadebnaya molitva druzhki (zapisana v s. Kumeny Vyatskoj gubernii v 1917 g.). Iz repertuara V. Egoshina – Wedding prayer of groomsman (recorded in the village of Kumeny of Vyatka province in 1917). From the repertoire of V. Egoshina // Skomoroshina: materialy IV region. nauch.-prakt. konf. «Vyatskij fol'klor. Tradicii i sovremennoe bytovanie narodnogo yumora i satiry» – Buffonery: proceedings of the IV region. scientific-pract. conf. "Vyatka folklore. Tradition and modern existence of folk humor and satire". Kirov. 1997. P. 39. *Neoblyzhniy* and the opposite *Oblyzhniy* – pskov., smol., volog. deceitful, cunning, such that cannot be trusted (SRNG. Is. 22. L., 1987. P. 114).

52. Svadebnye obryady Vyatskogo kraya – The wedding ceremony of the Vyatka region. P. 198.

53. All examples see: Svadebnye obryady Vyatskogo kraya – Wedding ceremony of the Vyatka region. Pp. 87, 89, 91, 92, 196, 202.

54. ACF MSU: FE–17:7977, NO. 180. Written 17.07.1991 from Z. A. Olyunina, born 1916, country of Varyukhovshchina of Kotelnichsky district.

55. Syktyvkar State University: 2009-30. Written by Yu. A. Krasheninnikov 3.07.1991 from M. S. Luzgareva, born 1913, village Yartsevo of Lalsk country of Luza district of the Kirov region.

56. The wedding ceremony of the Vyatka region. P. 92.

57. Osokin S. Op. cit. P. 74.

58. Shane P. V. Op. cit. P. 483.

59. Osokin S. Op. cit. P. 74.

60. Comp.: in the records of Vilegodsk district, Arkhangelsk region, address to the guests attending the event allows you to judge their status and relationship (invited, uninvited; the location of the guests in the house – in the red corner, cutniy corner, behind the stove, on the threshold): "You, guests red-cornered, cutniy-cornered, // Called and uninvited, behind-the-stoved, under-the-threshold, // All say «God bless...»" (see: Krasheninnikova Yu. A. Svadebnye prigovory Vilegodskogo rajona Arhangel'skoj oblasti v zapisyah vtoroj poloviny XX v. [Wedding sentences, Vilegodsky district, Arkhangelsk region records of the second half of the XX century] // Russkij fol'klor – Russian folklore. SPb. 2011. Vol. 34. P. 372).

61. Svadebnye obryady Vyatskogo kraya – The wedding ceremony of the Vyatka region. P. 59.

УДК 81’42

Ф. А. Чебышев

Будущее время глагола и его связь с семантикой ожидания

В статье исследуется семантика ожидания и средства её выражения в русском языке на материале текстов печатных СМИ. Даётся краткий обзор аспектов изучения форм будущего времени в русском языке. Подробно анализируются формы будущего времени глагола *ждать* и однокоренных глаголов как наиболее

© Чебышев Ф. А., 2016

точных выразителей ожидания. Приводится описание наиболее часто употребляющихся субъектов, объектов и обстоятельственных компонентов ожидания. Отмечено, что чаще всего при глаголах в форме будущего времени употребляется указание на время ожидания. Утверждается, что глаголы в форме настоящего времени, выражающие значение будущего, могут употребляться для обозначения полной уверенности в осуществлении процесса в момент речи либо для указания на завершение этого процесса в будущем.

In the article semantics of expectation and means of its expression in Russian on material of texts of printed media is investigated. The short review of aspects of studying of forms of Future tense in Russian is given. Forms of Future tense of a verb *to wait* and also for single-root verbs as most exact means of expression of semantics of expectation are in detail analyzed. The description of the most often used subjects, objects and adverbial components of expectation is provided. It is noted that most often at verbs in the form of Future tense the indication on waiting time is used. It is claimed that the verbs in the form of the Present expressing meaning of the Future can be used for designation of full confidence in implementation of process at the time of the speech, or for the pointing out on completion of this process in the future.

Ключевые слова: семантика ожидания, язык СМИ, субъект ожидания, объект ожидания, обстоятельство ожидания.

Keywords: semantics of expectation, mass media language, subject of expectation, object of expectation, circumstances of expectation.

Предметом нашего исследования является семантика ожидания и средства её выражения в русском языке. Так как семантика ожидания тесно связана с предвосхищением некоторого события или явления, которое должно произойти в обозримом будущем, то закономерно, что одним из средств её выражения выступают формы будущего времени глагола.

Цель настоящей статьи – проанализировать формы будущего времени глаголов, выражающих семантику ожидания, в текстах современных печатных СМИ (на материале 3020 примеров, извлечённых из «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Новой газеты» за период с сентября 2014 г. по февраль 2015 г.).

В своём исследовании мы исходим из того, что настоящее отделено от будущего определенным временным интервалом, в течение которого будущее должно наступить. Этот интервал связан с обозначением процесса ожидания. Указание на этот интервал в грамматике дают формы будущего времени глагола.

Изучение форм времени, в том числе будущего, неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Активно исследуется употребление форм времени в художественном тексте, в произведениях разных поэтов и писателей, в сопоставительном, логическом и философском аспектах и др. Ср., напр.: [1].

В. В. Виноградов выделяет у будущего времени аналитическую (описательную) форму несовершенного вида, а также форму настоящего-будущего времени совершенного вида. Автор подчёркивает, что у формы будущего времени несовершенного вида нет связи с настоящим: «В описательной форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего» [2]. Однако у формы настоящего-будущего времени совершенного вида действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени» [3].

В «Краткой русской грамматике» подчёркивается, что «значение форм будущего времени обнаруживает тесную связь с видом глагола. Выражая одно и то же значение следования процесса за грамматической точкой отсчёта, формы будущего времени глаголов разных видов конкретизируют и уточняют это значение. Формы будущего времени глаголов совершенного вида обозначают процессы как законченные, результативные… Формы будущего времени глаголов несовершенного вида обычно употребляются для обозначения длительных или повторяющихся процессов, не представляя их как законченные или результативные» [4].

В издании «Современный русский язык» (2003) уточняется, что «общим значением видо-временных форм будущего времени является выражение проявления действия после момента речи. Однако… между значениями настоящего и будущего нет резких отчётливых границ: видовые формы будущего времени могут отнести проявление действия без включения в него момента речи и с включением момента речи в начало осуществления действия, но с указанием на его завершение или продолжение после момента речи» [5]. И далее приводится весьма подробное описание основных оттенков значения, выражаемых формами будущего времени в русском языке.

Существует ряд диссертационных работ, посвящённых исследованию будущего времени глагола в русском языке. Например, Л. Ч. Далкылыч выделяет несколько ситуаций, в которых употребляются глаголы в форме будущего времени. Так, в значении неактуального настоящего

используется форма настоящего-будущего совершенного: «…по своему морфологическому облику это форма настоящего времени… значение настоящего времени было исконным для данной формы, значение будущего данная форма приобрела в процессе развития русской видо-временной системы». Далее в работе автора подробно описаны различия форм будущего времени в совершенном и несовершенном виде, а также выражение формами простого будущего времени различных модальных оттенков [6].

В работе Р. З. Чанкаевой говорится, что со временем глагола неразрывно связано понятие темпоральности. Категория времени как грамматическое ядро этого понятия «представляет собой в русском языке систему (точнее, совокупность систем) противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, используемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия (какому-либо моменту, помимо момента речи)» [7]. Автор также поднимает проблему абсолютного и относительного употребления временных форм: «В зависимости от того, какой момент речи взят за временной центр, условный или актуальный, времена делятся на абсолютные и относительные соответственно. Различие между абсолютным и относительным временами является традиционным в лингвистической литературе. Время, соотносимое с моментом речи, принято называть абсолютным, а три плана, составляющие его, – семантической системой временных форм» [8].

Т. А. Логунов в исследовании аналитической формы будущего времени (глагол-связка *буду* + инфинитив) выделяет проблему источника модальности (чем привнесено модальное значение?), решить которую, по словам автора, можно при помощи расширения контекста, в котором использованы футуральные формы: «…при описании их функционирования необходимо учитывать не только ближайший лингвистический контекст, но и всю коммуникативную ситуацию, включая когнитивную позицию коммуникантов, т. е. объём их знаний и модус отношения к будущим событиям» [9].

Особо отметим ряд исследований, касающихся образа будущего как языкового концепта. Например, в работе нидерландского социолога Ф. Полака «Образ будущего» утверждается, что с прогнозированием будущего напрямую связано искусство: «Искусство – высокочувствительный культурныйбарометр.Этонетолькоиндикаторнастоящего,ноипрогнозист будущего. Образ будущего, представляемый искусством, имеет решающее значение для понимания будущего развития культуры. На деле искусство и есть образ будущего» [10].

Раскрывают понятие «образ будущего» также И. В. Желтикова и Д. В. Гусев. По их мнению, слово «образ» в этом словосочетании «обозначает не только и не столько художественный образ, закрепляющий воззрения на будущее в произведениях искусства, а скорее умозрительность и целостность представлений о будущем. По существу, образ будущего – это обобщение исследователя, выделяющего медиану ожиданий отдельных социальных групп, общества в целом в конкретной исторической и социокультурной ситуации» [11]. В дальнейшем авторы продолжают раскрывать понятие образа будущего и трактуют его как «элемент социальной реальности, элемент настоящего, который выражает видение данным социумом темпорального горизонта социальных возможностей. Образ будущего интересен нам не тем, что в какой-то степени предвосхищает или направляет будущее, а тем, что он характеризует настоящее, в котором функционирует» [12].

В работе Е. Н. Князевой «Конструирование будущего» исследуется социальная сторона образа будущего, его связь с функционированием человеческого общества. Как пишет автор, «современные исследованиябудущего – это использование научных (трансдисциплинарных) методов для исследования будущего, построение различных сценариев развития, оценка вероятности осуществления того или иного сценария и понимание конструктивной, созидательной, активной роли человека» [13].

С точки зрения лингвофилософского подхода стоит отметить работу В. В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте», где автор утверждает, что «у нас имеется субъективное время, данное как система координат в скольжении событий, в прямой перспективе от момента речи – это грамматическое время (прошедшее – настоящее – будущее). Точка настоящего дана как момент рефлексии о временах. Здесь прошедшее – остаток старого перфекта, выражает результат прошлого действия, данный как состояние в настоящем. *Пришёл, увидел, победил… и на том стою!* Будущее модально, каким бы образом мы его ни выражали: *стану говорить, начну говорить, хочу говорить, буду говорить… скажу!* Будущее всегда определено настоящим, которое только и есть настоящее настоящее, т. е. действительное из времён» [14].

Далее обратимся к рассмотрению того, какую семантику имеют формы будущего времени в современных СМИ при обсуждении ожидания чего-либо.

Анализируя контексты статей «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Новой газеты», мы выделили 1978 примеров с глаголами, выражающими ожидание. Среди них было обнаружено 106 примеров с высказываниями, содержащими формы глаголов будущего времени. Ср., напр.:

Все – от блестящего Артема Волобуева до Евгения Сытого, сыгравшего здесь папашу-патриота – открылись в спектакле какой-то новой стороной, а режиссер и актер Александр Молочников сделал сильную заявку на место в профессии, теперь от него ***будут многого ждать*** (Российская газета № 241 (6513), с. 13).

Может статься, истеричный водитель, с подачи которого вы попали в аварию, назло ***будет ждать*** *сотрудников инспекции дорожного движения* (Российская газета № 246 (6518), с. 16).

По его словам, нужны новые нормы, которые дадут понять судьям, что, «если они ***не дождутся*** *ответа из ведомственных структур, приговор, который они вынесли, может быть отменен»* (Независимая газета № 193 (6241), с. 3).

Якобы работникам завода надлежит посещать туалет строго по алфавиту: с 8.00 до 8.20 туда направляются те, у кого фамилия начинается на «А», потом, до 8.40, в организованном порядке идут те, кто на «Б», и так далее. Похвальное стремление к порядку, только непонятно, как ***дождутся*** *своей очереди Яковлевы и Яруллины* (Новая газета № 109 (2250), с. 4).

Я совсем не упрощаю, я знаю, какое количество препятствий нас ***будет ожидать*** *дальше в реализации этих механизмов* (Российская газета № 212 (6484), с.3).

Согласны. Кто хочет ботинки от Бирюкова? Есть желающие: в эксперименте готовы принять участие Ирина Огилько и Азалия Идрисова – обозреватели отдела "Москва". Завтра все трое отправятся по магазинам за обновками. А потом вместе с читателями ***подождем*** *холодов и начнем их испытания гололедом* (Российская газета № 218 (6490), с. 10).

Сейчас, похоже, Анкара ***будет выжидать****, и, хотя западные союзники Турции по НАТО уже бомбят исламистов в Сирии, Эрдоган не торопится к ним присоединяться* (Российская газета № 230 (6502), с. 8).

– ***Не будем*** *машину из комендатуры* ***дожидаться****, – командует Александр Александрович. – Грузите коробки в наш багажник, пересечемся с «комендатурой» где-нибудь в центре Донецка* (Новая газета № 124 (2265), с. 9).

После торжества власти инстинкта, после полного развала Российской империи ***можно будет ожидать*** *китайской экспансии в ее восточные части* (Независимая газета № 223 (6270), с. 5).

Далее можно ожидать *массового исхода таких компаний: как только американские власти накажут первого провинившегося в игнорировании режима санкций, это вызовет лавину исхода иностранных фирм из России* (Новая газета № 114 (2255), с. 7).

Но если надежды занимающих пока второе место гостей связаны только с этим обстоятельством, ***можно заранее ждать*** *больших перемен во всем российском футболе* (Новая газета № 128 (2269), с. 23).

Как видно, формы будущего времени представлены у глаголов *ждать,ожидать, выжидать, дождаться* и *подождать*. Отмечены случаи использования инфинитива с категорией состояния (*можно ждать, можно ожидать*).

Далее рассмотрим, какие лексические актуализаторы употребляются в сочетаниях с глаголами простого и сложного будущего времени. Результаты исследования обобщим в таблице.

Обстоятельственные компоненты при глаголах будущего времени

Обстоятельственные компоненты	Иллюстрации
Время (когда ждут?) В 2015 году (3), в короткой перспективе (3), в ближайшее время (2), сейчас, заранее, до пяти вечера следующего дня, к началу 2015 года, в декабре, к 2–3 января, в первом квартале, 14 сентября, к 2016 году, к концу нынешнего года, именно через столько лет, к весне 2015-го, в скором времени, по итогам форума АСЕМ, в будущем, в скором времени, в будущем году, до 6 января, после торжества власти инстинкта, после полного развала, в долгосрочной перспективе, в среднесрочной перспективе, со временем	***В 2015 году можно ожидать*** *проведениядвух десятков губернаторских выборов. 14 «штатных» (включая Брянскую, Калининградскую, Калужскую, Кемеровскую области, Республику Татарстан, Тамбовскую область и другие) и 7 досрочных* (Независимая газета № 216 (6264), с. 1). «*Для отдельных предприятий снижение рубля – это благо, для других – бедствие, а для третьих – нейтрально», – заявил Улюкаев. Ранее, в пятницу, он также утверждал, что курс перепродан и* ***в короткой перспективе можно ждать*** *его движения в обратную сторону* (Независимая газета № 242 (6288), с. 4)

Окончание таблицы

Как долго ждут? Полчасика, часами, слишком долго	*– Успею дойти к мосту, не успею? – спрашивает дэнээровцев пожилая женщина.* *– А бог его знает, Нэлли Петровна.* *– Да мне только в магазин.* *– Да хоть в музей. Вы ж знаете, они там бешеные. Давайте еще* ***полчасика подождем*** (Новая газета № 116 (2257), с. 11). *А автомобилисты, скорее всего, опасаясь подобных отказов, будут вызывать на место происшествия сотрудников ГИБДД. Они* ***будут готовы ждать их часами****, собирая за собой километровые пробки, лишь бы у них на руках была официальная бумажка об аварии, которую в конечном итоге можно будет показать в суде* (Российская газета № 234 (6506), с. 11). *Как я уже пытался объяснить раньше, в политике ФРС есть два ключевых момента. Первый заключается в том, что мы не знаем, насколько велика инертность рынка труда в Америке. Второй сводится к тому, что если мы переоценим инертность и* ***будем выжидать слишком долго****, прежде чем повышать процентные ставки, то последствия будут относительно незначительными, а вот если мы недооценим инертность и повысим ставки слишком рано, то потери могут быть огромными* (Независимая газета № 222 (6269), с. 5)
Образ действия (как ждут?) Назло, терпеливо	*Может статься, истеричный водитель, с подачи которого вы попали в аварию,* ***назло будет ждать*** *сотрудников инспекции дорожного движения* (Российская газета № 246 (6518), с. 16). *Люди* ***будут терпеливо ждать*** *перемен. И если ничего не изменится, если система и схемы работы власти не поменяются, не исключен кризисный сценарий* (Независимая газета № 258–259 (6304–6305), с. 7)

Таким образом, чаще всего при глаголах в форме будущего времени употребляется указание на время ожидания.

Малое количество глаголов будущего времени (106 примеров из 1978) можно объяснить тем, что глаголы в форме настоящего времени, выражающие значение будущего, могут употребляться для обозначения полной уверенности в осуществлении процесса [15] либо в том случае, когда процесс ожидания уже начался, но завершение этого ожидания планируется в будущем. «Речь идёт об употреблении формы настоящего времени по отношению к действиям, совершение которых после момента речи предварительно подготовлено, намечено, решено в настоящем, – пишут о таких случаях авторы издания «Современный русский язык». – Тем самым форма настоящего времени имеет признак ситуативной готовности единичного действия в настоящем и признак будущего, что придаёт значению формы модальность категоричности, непременности совершения действия в будущем (как правило, ближайшем)» [16]. Можно сделать вывод, что в языке СМИ есть своеобразная тенденция к описанию ожидаемого процесса или явления как осуществлённого в обозримом будущем. Обычно в таких случаях глаголы со значением ожидания употребляются в таких конструкциях, где в придаточном предложении стоят глаголы в форме будущего времени. Ср., напр.: *Там крылатую пехоту* ***ждёт*** *не менее важная миссия: они* ***должны*** (будут. – *Ф. Ч.*) ***воспрепятствовать*** *высадке морского десанта условного противника на побережье Берингова моря* (Российская газета № 211 (6483), с. 5); *Инфляция в России пойдет на убыль в следующем году. Правда,* ***не стоит ожидать,*** *что темпы роста потребительских цен* ***станут совсем невысокими*** (Российская газета № 246 (6518), с. 1).

Таким образом, глаголы будущего времени являются одним из средств выражения семантики ожидания. Однако это средство нельзя считать часто используемым для данной цели, о чём говорит незначительное количество примеров (106 из 1978 примеров с глаголами из нашего материала, в целом насчитывающего 3020 контекстов). Формы будущего времени представлены у глаголов *ждать,ожидать, выжидать, дождаться* и *подождать*. Отмечены случаи использова-

ния инфинитива с категорией состояния (*можно ждать, можно ожидать*). В качестве актуализаторов при этих глаголах обычно присутствует указание на время ожидания (когда именно ждут, как долго ждут, каким образом ждут).

Примечания

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. С. 463, 466–467; Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. С. 282; Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учеб. / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 2003. С. 506; *Далкылыч Л. Ч.* Формы простого будущего времени в значении неактуального настоящего в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 25, 75–78; *Чанкаева Р. З.* Способы выражения временных отношений в даргинском и русском языках: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2011. С. 58, 59; *Логунов Т. А.* Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен: на материале английского и русского языков: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2007. С. 101; *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 255.

2. *Виноградов В. В.* Указ. соч.

3. Там же.

4. Краткая русская грамматика.

5. Современный русский язык.

6. *Далкылыч Л. Ч.* Указ. соч.

7. *Чанкаева Р. З.* Указ. соч.

8. Там же.

9. *Логунов Т. А.* Указ. соч.

10. *Полак Ф.* Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 220.

11. *Желтикова И. В., Гусев Д. В.* Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. С. 10, 12.

12. Там же.

13. *Князева Е. Н.* Конструирование будущего. URL: http://futurologija.ru/bibl/knyazeva-e-n- konstruirovanie-budushhego/ (дата обращения 06.07.2016)

14. *Колесов В. В.*Указ. соч.

15. Современный русский литературный язык: в 2 т.: учеб. для академ. бакалавриата / под ред. В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 117, 508.

16. Современный русский язык.

Notes

1. Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammar teaching on the word] / ed. by G. A. Zolotova. 4nd publ. M. Rus. yaz. 2001. Pp. 463, 466-467; Short Russian grammar / ed. Y. Shvedova and V. V. Lopatin. M. Rus. yaz. 1989. P. 282; Sovremennyj russkij yazyk. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis: ucheb. – Modern Russian language. Phonetics. Lexicology. Word formation. Morphology. Syntaxis: proc. under the general editorship of L. A. Novikov. SPb. Publishing house "Lan'" 2003. P. 506; Dalkylych L. Ch. Formy prostogo budushchego vremeni v znachenii neaktual'nogo nastoyashchego v sovremennom russkom yazyke: dis. … kand. filol. nauk [Forms of simple future tense in present irrelevant in the modern Russian language: dis. Cand. Philol. Sciences]. SPb. 2013. Pp. 25, 75-78; Chankaeva R. Z. Sposoby vyrazheniya vremennyh otnoshenij v darginskom i russkom yazykah: dis. … kand. filol. nauk [Ways of expressing temporal relations in Dargin and Russian languages: the dis. Cand. Philol. Sciences]. Makhachkala. 2011. Pp. 58, 59; Logunov T. A. Analiticheskie formy budushchego vremeni kak lingvisticheskij fenomen: na materiale anglijskogo i russkogo yazykov: dis. … kand. filol. nauk [Analytical forms of the future tense as a linguistic phenomenon: in the English and Russian languages: the dis. Cand. Philol. Sciences]. Kemerovo. 2007. P.101; Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. SPb. Petersburg Oriental Studies. 2006. P. 255.

2. Vinogradov V. V. Op. cit.

3. Ibid.

4. Kratkaya russkaya grammatika – A short Russian grammar.

5. Sovremennyj russkij yazyk – Modern Russian language.

6. Dalkylych l. C. Op. cit.

7. Chankaeva R. Z. Op. cit.

8. Ibid.

9. Logunov T. A. Op. cit.

10. Polak F. Obraz budushchego [The image of the future] // Mir nashego zavtra: Antologiya sovremennoj klassicheskoj prognostiki – World of our tomorrow: anthology of modern classical prognostication. M. Publishing house Eksmo. 2003. P. 220.

11. Zheltikova I. V., Gusev D. V. Ozhidanie budushchego: utopiya, ehskhatologiya, tanatologiya: monografiya [Expectation of the future: utopia, eschatology, thanatology]. Orel: Publ. of OSU. 2011. Pp. 10, 12.

12. Ibid.

13. Knyazeva E. N. Konstruirovanie budushchego [Designing the future]. Available at: http://futurologija.ru/bibl/knyazeva-e-n-konstruirovanie-budushhego/ (accessed 06.07.2016)
14. Kolesov V. V. Op. cit.
15. Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk: v 2 t.: ucheb. dlya akadem. bakalavriata – Modern Russian literary language: in 2 volumes: textbook for akadem. bachelor / ed. by V. G. Kostomarov, V. I. Maksimov. M. Publishing house "Yurait". 2015. Pp. 117, 508.
16. Sovremennyj russkij yazyk – Modern Russian language.

УДК 821.111

Е. В. Хохлова

Мир политики и способы его отображения в книге Джулиана Барнса «Письма из Лондона»

В статье рассматривается сборник Джулиана Барнса «Письма из Лондона» (*'Letters from London'*, 1995), объединивший в себе эссе, написанные в период его работы в американском журнале *The New Yorker* с 1989 по 1995 год. Цель исследования – выявление базовых категорий, применяемых автором для осмысления современной ему общественно-политической ситуации. Такими категориями оказываются «политический спектакль» и «имидж». Кроме того, анализируются способы отображения механизмов восприятия политических событий в средствах массовой информации и формы выражения индивидуально-авторского отношения к данным событиям в эссе Джулиана Барнса. Данное исследование позволяет говорить об особенностях изображения важных для писателя черт английской национальной идентичности, а также влиянии философии постмодернизма и политики Маргарет Тэтчер на её формирование.

The article deals with the collection of Julian Barnes's essays called "Letters from London" which combines the essays written between 1989 and 1995. The aim of the study is to identify the basic categories used by the author to reflect on contemporary social and political situation. These categories are "political spectacle" and "image". In addition, it analyses ways to display the mechanisms of perception of political events in the media and forms of expression of individual author's attitude to these events in the essays by Julian Barnes. This study allows us to speak about the important for the author features of the British national identity, as well as the influence of the philosophy of postmodernism and politicians Margaret Thatcher in its formation.

Ключевые слова: Джулиан Барнс, «Письма из Лондона», национальная идентичность, политический спектакль, имидж, эссе, современная английская литература, тэтчеризм, английскость.

Keywords: Julian Barnes, "Letters from London", national identity, political performance, image, essays, modern English literature, Thatcherism, englishness.

Политическая сфера жизни общества часто становится предметом анализа как в публицистике, так и в художественной литературе. В творчестве английского писателя Джулиана Барнса мы можем найти оба способа осмысления политических тем. Среди его художественных произведений на тему политики нельзя не упомянуть роман «Дикобраз» (1992), посвящённый политическим событиям в Восточной Европе после падения коммунистического режима. Исследователи отмечают, что уже в этом романе «ощущается журналистская, очерковая манера» [1] автора. Но гораздо чаще тема политики присутствует в его публицистических произведениях.

В области журналистики Джулиан Барнс обладает большим опытом. Начиная с 1972 г. он работает в качестве журналиста, редактора, обозревателя, критика в различных изданиях ("The Observer", "Sunday Times", "New Review", "New Statesman", "Tatler", "Times Literary Supplement", "New York Review Of Books"). Книга «Письма из Лондона» ('Letters from London') (1995) является сборником эссе с комментариями автора. Эти эссе были написаны во время работы писателя лондонским корреспондентом журнала "The New Yorker" в период с 1989 по 1995 год. *«Иностранный корреспондент в своей собственной стране»* [2] *('a foreign correspondent in my own country'* [3]*)* – так характеризует своё положение автор, пишущий о событиях в Великобритании для американской аудитории. Это позволяет автору рассматривать события в своей стране с точки зрения стороннего наблюдателя, что заставляет его стремиться к объективности и помогает по-новому увидеть то, что его соотечественникам можем показаться привычным и обыденным.

© Хохлова Е. В., 2016

Книга состоит из пятнадцати эссе, каждое из которых содержит как умозрительные размышления на злобу дня, так и точные юмористические зарисовки. Однако, в отличие от английских классиков жанра (Джозефа Аддисона, Ричарда Стила, Генри Филдинга), Барнс не делает моральных выводов, что характерно для писателя-постмодерниста. Но индивидуально-авторское отношение к описываемым событиям находит выражение в форме иронии и сарказма, что восходит к традиции английской сатирико-нравоописательной эссеистской прозы (журналы «Болтун», «Зритель»). Это позволяет исследователям давать книге Барнса следующие определения: «О чём говорил Лондон конца XX века», «Политический спектакль начала 90-х», «Сатирический портрет политической жизни» [4].

В центре внимания Джулиана Барнса оказываются не столько сами политические события, сколько механизмы их восприятия в обществе и средствах массовой информации. Способом отображения этих механизмов в данных эссе является всесторонний анализ феноменов подделки и симулякра. Это позволяет определить данные эссе как принадлежащие к аналитической журналистике (журналистике «второго уровня» [5]). Теоретические методы, используемые журналистом-аналитиком, такие как анализ и синтез, логический и исторический методы, гипотетический метод, индукция, традукция, дедукция, сближают данный вид журналистики с наукой и философией.

Феномен симулякра часто оказывается предметом постмодернистской рефлексии, поэтому в творчестве писателя эта идея не является новой. Джулиан Барнс применяет данную категорию для анализа самого ядра национальной культуры – национальной идентичности. И его выводы оказываются неутешительными.

Ключевым для анализа феномена симулякра является эссе под названием «Подделка!» (“Fake!”) (июнь 1990 г.). Оно начинается с описания выставки «Подделка? Искусство обмана» (“Fake? The Art of Deception”) в Британском музее, где Барнс рассуждает о природе фальсификации. Он утверждает, что сознание зрителя часто оказывается на стороне фальсификатора, он вызывает к себе *«тёплые чувства»* [6] *(‘increases his lovability’* [7]*)*, «нам не всегда достаёт искреннего негодования» [8] (‘*we cannot always find it in us to get un-alloyedly furious*’ [9]) по поводу фальсификации. Страсть к подделкам, по мнению Барнса, *«затрагивает самый нерв нашей потребности в фантасмагорическом»* [10] (*‘hits an exact nerve of phantasmagoric need in us’* [11]). Символическим в данном случае является образ пушной форели, которая впервые появилась в письме некоего шотландца, путешествовавшего по Канаде в XVII в. Он писал домой об изобилии «пушного зверя и рыбы». Образ *«форели, обросшей бакенбардами»* [12] (*‘the bewhiskered trout’* [13]) впоследствии превращается в симулякр – подделку подделки. Уже в XX в. «один искусник с берегов Онтарио» подделывает пушную форель, приделывая кроличий мех к обычной форели. Данный экспонат занимает своё место на выставке Британского музея наряду с когтем грифона и рогом единорога.

Этот образ становится фантасмагорическим символом одной из черт национального английского характера, которую Барнс в «Письмах из Лондона» рассматривает наиболее пристально, – «страсти англичанина к имитации». *«Неплохо у них обстоят дела с изобретением традиций»* [14] (*‘good at the invention of tradition’* [15]), и, когда выясняется, что эти традиции фальшивые, англичане не выказывают особого энтузиазма. Символы национальной идентичности могут оказаться *«не более аутентичными и правдоподобными, чем какая-нибудь пушная форель»* [16] (*‘no more authentic or probable than a furbearing trout’* [17]), – замечает Барнс. Но, как было замечено выше, британцы не склонны негодовать по этому поводу. «Чувство замешательства и смутное ощущение предательства» – так Барнс характеризует свои внутренние переживания во время обнаружения подобных подделок. Например, когда он в детстве узнал, что магазин Вулворт, «плоть от плоти Англии», на самом деле – американская фирма. То же испытывает автор, наблюдая за «коммерческой сагой» продажи магазина Хэрродз и историей «Доди» Аль-Файеда.

Очевидно, что одной из базовых черт британского характера для Барнса является способность его соотечественников строить свою идентичность на разного рода подделках и фальсификациях. Для автора эта черта – объект иронии, но без тени осуждения. «У британских читателей газет есть одно свойство. Они хотят, чтобы The Times существовала, даже если сами не читают её. Это похоже на их желание, чтобы существовала королевская семья или чтоб не закрывали деревенский вокзал, хотя они и не пользуются им» (*“There’s something about British newspaper readers,” he says. “They want there to be a Times even if they don’t read it. It’s like wanting the Royal Family to be there, or a rural station to be kept open even if they don’t use it.”*[18]), – приводит Барнс слова Дженкинса, главного редактора газеты The Times. Таким образом, потребность в символическом является одной из базовых черт английского национального характера. «Доминанты национальной идентичности сплошь и рядом оказываются подделкой. Современная “englishness” – это набор традиционных стереотипов, в совокупности представляющих гигантский симулякр, назы-

ваемый Великобритания» [19], – отмечает В. Г. Новикова в монографии «Британский социальный роман в эпоху постмодернизма» (2013). Эта тема найдёт художественное воплощение в романе Джулиана Барнса «Англия, Англия» (“England, England”) (1999).

Ещё одна характерная особенность отображения политической жизни Великобритании в эссе Барнса – частые сопоставления британских и американских черт национальной идентичности. Уже в предисловии он замечает: *«Неамериканцам всегда следует помнить, что любая страна интересуется Америкой больше, чем сама Америка – прочими странами»* [20] (*‘non-Americans should never forget that every country in the world is more interested in America than America is in it’* [21]). Он продолжает: *«Оказавшись в Соединенных Штатах, вы без особых затрат можете провести сеанс магии: покупаете газету – и видите, как ваша страна исчезает»* [22] (*‘As a visitor to the States you can work a very inexpensive piece of magic: buy a newspaper and see your own country disappear’* [23]). Увидев в одной из американских газет определение Британии как «той [страны], что размером с Орегон», он нередко возвращается к этому определению. Очевидно, что отношение автора к американской системе ценностей в целом отрицательное. Он видит её ценность только в том, что она стала средоточием мировой «мощи и денег» и вследствие этого создала тот сугубо материалистический тип культуры, который Барнс не может не критиковать. Например, говоря о Руперте Мёрдоке, купившем The Times, он характеризует его так: *«…австралиец, про которого, впрочем, даже и не скажешь, что он австралиец – он превратился в американца, уж понятно, чтобы хапнуть еще больше денег»* [24] (*‘an Australian who couldn’t even be relied upon to stay Australian but turned into an American, no doubt for the best of business reasons’* [25]). Для противопоставления британского и американского менталитетов он приводит и свои лингвистические наблюдения, например, о том, что «британское «весьма» *(‘quite’)*, означающее «до известной степени» *(‘fairly’)* отличается от «американского «весьма», означающего «очень» *(‘very’)* в контексте фразы «он весьма левый» *(“quite left-wing”)*.

Очевидно, что политика Маргарет Тэтчер, ставшая предметом сарказма в данных эссе, по мысли автора, соотносится с американским типом культуры, чуждым британцам. Характеризуя её политику, он отмечает: *«И хотя Британия при Тэтчер сделалась толстокожей и более не относится с предубеждением к колоссальным, вульгарным потокам денег, ниагарские брызги низвергающегося каскадом благополучия все еще имеют незаслуженный – американский, понятное дело – привкус»* [26] (*‘And though Britain under Mrs. Thatcher has been coarsened and desensitized about the notion of great, vulgar gouts of money, the Niagara splash of cascading wealth still has an unmerited–indeed, American–sound to it’* [27]). Но, несмотря на негативное отношение к американским ценностям, Барнс иронизирует над склонностью британцев намеренно игнорировать американские заслуги там, где они достойны хотя бы упоминания. Как пример здесь можно привести историю с публикацией о вручении Нобелевской премии одному англичанину совместно с американцем. Газета подробно рассказала про англичанина, *«взяла интервью у его ручной крысы – и даже не упомянула имени американца»* [28] (*‘interviewed his gerbil–and not even mentioned the American’s name’* [29]). Такая крайность является для Барнса такой же неприемлемой, как и слепое копирование американских ценностей.

Характер подделки имеет политическая жизнь Великобритании в целом. Внимание Джулиана Барнса приковано не столько к анализу самих политических явлений, сколько к механизмам их восприятия в обществе, т. е. к анализу медиаконтекста эпохи. Каждое эссе апеллирует к коллективной памяти нации. При чтении необходимо вспомнить, о чём писали таблоиды и чем возмущались жители Лондона во время тех или иных событий.

Важными для отображения политической жизни Великобритании категориями в «Письмах из Лондона» являются «политический спектакль» и «имидж».

Изображение политики как спектакля мы находим у Барнса уже в первом эссе данной книги – «Депутат-ТВ» (“MPTV”) (март 1990 г.). Речь в нём идёт о телетрансляции заседаний Палаты общин. Она сравнивается с «мыльной оперой», «дневным представлением», «низкосортным шоу», что создаёт аналогию со спектаклем, а также характеризуется как «выставка убогости», «болтовня», «фарсовое ревю». Иронизируя над данным представлением, Барнс замечает, что появление «Депутат-ТВ» совпало с открытием сезона рождественских пантомим. Это не случайно, *«в обоих есть нечто инфантильное»* [30] (*‘both are prone to infantilism’* [31]). Этот инфантилизм в отношении политики относится как к публике, которой «что в рот, то и спасибо», так и к самим политикам, разыгрывающим «рождественских арлекинов». Это юмористическое сравнение, столь характерное для публицистического стиля Барнса, способно привести читателя к серьёзным выводам. Данные мысли созвучны идеям философа постмодерниста Жана Бодрийяраоб исчезновении власти: «Фактически власть существует сегодня лишь для того, чтобы скрыть, что её больше нет» [32]. Если для Барнса власть – объект представления, «игры», то для французского

философаэто объект производства и массового потребления, товар, предмет рыночных отношений. Однако мы можем говорить и о рынке как о своего рода спектакле. И тогда вывод Бодрийяра о том, что «не осталось даже проблеска власти, осталась одна только фикция политического универсума» [33], применим к современной Барнсу политической действительности. Таким образом, политический инфантилизм, обличаемый Барнсом, имеет глубокие корни в постмодернистском мироощущении, чья релятивистская основа распространяется и на политическую сферу.

По мысли автора, получается, что кто бы ни был у власти – консерваторы, лейбористы, либералы, суть политического спектакля сводится к отстаиванию интересов крупного капитала, олигархизированной элиты. При этом автор постиг и суть британского национального характера. Это самый бережливый народ на свете. Поэтому не имеет смысла призывать британцев к революции. Но тем не менее, как отмечают исследователи, его книга произвела «революционное впечатление» [34]. «До него среди европейских журналистов ещё не появилось столь ядовитого и хитроумного критика глобализации» [35], – отмечает А. А. Рубан.

Главный аспект спектакля, который становится предметом обличения в эссе Барнса, – спекулятивное отношение политиков к идее служения обществу. Для этого он создаёт сатирические портреты Маргарет Тэтчер, Джона Мейджора, Тони Блэра – видных политиков данного периода.

Что касается категории «имидж», Барнс, очевидно, имеет в виду тенденцию, отмечаемую современными учёными-коммуникативистами. «В условиях глобализации меняется и отношение к понятию общественно-публичной сферы информационной деятельности» [36], – отмечает Л. М. Землянова в статье «Модернизация современного журналистского образования – значение научного опыта зарубежной коммуникативистики». Происходит «сдвиг от сущности политического явления к «имиджу» и от политики к технологиям политического маркетинга» [37]. Не случайно именно в эпоху Маргарет Тэтчер экономические категории проникают во все сферы жизни общества, даже в политику и культуру, становятся базовыми категориями мышления. Само словосочетание «политический маркетинг» заставляет нас вернуться к описанному выше соотношению понятий спектакля и рынка в постмодернистском мироощущении. Ключевым в данном случае является образ королевской семьи, который стал предметом британского экспорта наряду с крикетом, мармеладом и шоу Бенни Хила. Два ключевых понятия современной Барнсу политической действительности – рынок и спектакль – он иллюстрирует на примере королевской семьи: *«Возникает соблазн воспринимать королевскую семью как грандиозную „мыльную оперу“, самый долгоиграющий британский телевизионный экспорт»* [38] (*'it's tempting to think of the Royal Family as a supersoap, Britain's longest-running TV export'* [39]). Так в эссе Барнса формируется оригинальный подход к осмыслению политики Тэтчер и её влияния на национальную идентичность британцев.

Таким образом, в данных эссе Джулиан Барнс, воздерживаясь от выводов морального характера, выражает своё отношение к современным общественно-политическим процессам при помощи иронии и сарказма. Главным объектом его аналитической журналистики становятся феномены подделки и симулякра. Они важны как для отображения механизмов восприятия политических событий в средствах массовой информации, так и для исследования национальной идентичности. Это помогает определить одну из главных черт английского характера – «страсть к имитации». Она находит выражение в категориях «политического спектакля» и «имиджа», которые оказываются базовыми для осмысления политических событий в эссе Джулиана Барнса. Сопоставлениеспектакля и рынкапозволяет говорить о «фикции политического универсума» (Бодрийяр) в современной автору Великобритании и выявляет постмодернистскую основу мироощущения британцев в период правления Маргарет Тэтчер.

Примечания

1. *Романова А.* Суд над «Дикобразом» // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 283.
2. *Барнс Дж.* Письма из Лондона. М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. С. 12.
3. *Barnes J.* Letters from London. New York: Vintage Books, 1995. P. 8.
4. *Рубан А. А.* Анализ политической жизни Британии конца XX века в книге Джулиана Барнса «Письма из Лондона» // Вестник Брянского госуниверситета. 2009. № 2. С. 161.
5. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 29.
6. *Барнс Дж.* Указ. соч.С. 46.
7. *Barnes J.* Op. cit. P. 35.
8. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 46.
9. *Barnes J.* Op. cit. P. 37.
10. *Барнс Дж.*Указ. соч. С. 44.
11. *Barnes J.* Op. cit. P. 35.
12. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 44.

13. *Barnes J.* Op. cit. P. 35.
14. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 48.
15. *Barnes J.* Op. cit. P. 37.
16. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 48.
17. *Barnes J.* Op. cit. P. 37.
18. Ibid. P. 51.
19. *Новикова В. Г.* Британский социальный роман в эпоху постмодернизма: дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2013. С. 187.
20. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 6.
21. *Barnes J.* Op. cit. P. 7.
22. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 6–7.
23. *Barnes J.* Op. cit. P. 7.
24. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 60–61.
25. *Barnes J.* Op. cit. P. 49.
26. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 141–142.
27. *Barnes J.* Op. cit. P. 105.
28. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 374.
29. *Barnes J.* Op. cit. P. 266.
30. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 29.
31. *Barnes J.* Op. cit. P. 25.
32. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. С. 40.
33. Там же.
34. *Рубан А. А.* Указ. соч. С. 161.
35. Там же. С. 61.
36. *Землянова Л. М.* Значение научного опыта зарубежной коммуникативистики для модернизации современного журналистского образования // Зарубежная журналистика. Ежегодник. М., 2007. URL: http://mediascope.ru/node/61 (дата обращения: 01.12.15)
37. *Рубан А. А.* Указ. соч. С. 161.
38. *Барнс Дж.* Указ. соч. С. 208.
39. *Barnes J.* Op. cit. P. 150.

Notes

1. Romanova A. Sud nad «Dikobrazom» /[Trial of the "Porcupine"] // Inostrannaya literatura – Foreign literature. 2002, No. 7, p. 283.
2. Barnes John. Pis'ma iz Londona [Letters from London]. M. AST: AST MOSKVA: KHRANITEL. 2008. P. 12.
3. *Barnes J.* Letters from London. New York: Vintage Books, 1995. P. 8.
4. Ruban A. A. Analiz politicheskoj zhizni Britanii konca XX veka v knige Dzhuliana Barnsa «Pis'ma iz Londona» [Analysis of the political life of Britain of the late twentieth century in the book of Julian Barnes "Letters from London"] // Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta – Herald of Bryansk State University. 2009, No. 2, P. 161.
5. Tertychnyy A. A. Analiticheskaya zhurnalistika [Analytical journalism]. M. Aspect Press. 2010. P. 29.
6. Barnes John. Op. cit. P. 46.
7. Barnes J. Op. cit. P. 35.
8. Barnes John. Op. cit. P. 46.
9. Barnes J. Op. cit. P. 37.
10. Barnes John.Op. cit. P. 44.
11. Barnes J. Op. cit. P. 35.
12. Barnes John. Op. cit. P. 44.
13. Barnes J. Op. cit. P. 35.
14. Barnes John. Op. cit. P. 48.
15. Barnes J. Op. cit. P. 37.
16. Barnes John. Op. cit. P. 48.
17. Barnes J. Op. cit. P. 37.
18. Ibid. P. 51.
19. Novikov V. G. Britanskij social'nyj roman v ehpohu postmodernizma: dis. … d-ra filol. nauk [British social novel in the age of postmodernism: dis. ... Dr Philol. Sciences]. N. Novgorod. 2013. P. 187.
20. Barnes John. Op. cit. P.6.
21. Barnes J. Op. cit. P. 7.
22. Barnes John. Op. cit. Pp. 6-7.
23. Barnes J. Op. cit. P. 7.
24. Barnes John. Op. cit. Pp. 60-61.
25. Barnes J. Op. cit. P. 49.
26. Barnes John. Op. cit. P. 141-142.
27. Barnes J. Op. cit. P. 105.
28. Barnes John. Op. cit. P. 374.
29. Barnes J. Op. cit. P. 266.

30. Barnes John. Op. cit. P. 29.
31. Barnes J. Op. cit. P. 25.
32. Baudrillard J. Simulyakry i simulyacii [Simulacra and simulation]. M. Publ. house "POSTUM". 2015. P. 40.
33. Ibid.
34. Ruban A. A. Op. cit. P. 161.
35. Ibid. P. 61.
36. L. M. Zemlyanova Znachenie nauchnogo opyta zarubezhnoj kommunikativistiki dlya modernizacii sovremennogo zhurnalistskogo obrazovaniya [Value of the scientific experience of foreign communication study for the modernization of modern journalism education] // Zarubezhnaya zhurnalistika. Ezhegodnik – Foreign journalism. Yearbook. M. 2007. Available at: http://mediascope.ru/node/61 (01.12.15)
37. Ruban A. A. Op. cit. P. 161.
38. Barnes John. Op. cit. P. 208.
39. Barnes J. Op. cit. P. 150.

УДК 802.0-5

М. А. Ульянова

Деструктивные макрофигуры как синтаксические средства выражения эмотивности в футбольном блоге и комментарии

Статья посвящена изучению деструктивных макрофигур как синтаксических средств выражения эмотивности. Исследование проводится на примере русского, английского и немецкого футбольного блога и комментария к нему. В ходе анализа также ставится задача рассмотреть частотность употребления деструктивных макрофигур. Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, развитием блога как жанра интернет-дискурса, во-вторых, недостаточной изученностью спортивной блогосферы и слабой разработанностью вопроса о синтаксических средствах выражения эмотивности в футбольной блогосфере. Научная новизна исследования состоит в том, что исследование проводится на основе анализа русской, английской и немецкой футбольной блогосферы. Исследование осуществляется при помощи метода сплошной выборки, метода контекстуального анализа, сопоставительного и количественного методов.

The article is devoted to the study of destructive macrofigures as syntactical means of emotiveness expression. The study is based on Russian, English and German sport football blog and its comments. Moreover, the task of the analysis is to identify frequency of destructive macrofigures' using. Timeliness of the study is due to, firstly, blog development as a genre in the Internet-discourse, secondly, insufficient knowledge of sport blogosphere and syntactical means of emotiveness expression in football blogosphere. Scientific novelty of the study is that the study is based on the analysis of Russian, English and German football blogosphere. The study is carried out by a continuous sampling method, a method of contextual analysis, comparative and quantitative methods.

Ключевые слова и фразы: эмотивные синтаксемы; деструктивные макрофигуры; блог; тмезис; парцелляция.

Keywords: emotive syntaxemes; destructive macrofigures; blog; thmesis; parceling.

Отражение эмоций в тексте осуществляется благодаря эмотивной лексике и экспрессивным синтаксическим конструкциям. Отношение к синтаксису как к знаковому образованию открывает новые горизонты и для исследований в области эмотивности текста.

Лингвисты выделяют синтаксические эмотивные средства (эмотивные синтаксемы), которые представлены специализированными эмотивными конструкциями. Синтаксема определяется как «минимальная семантико-синтаксическая единица языка», выступающая одновременно в качестве носителя элементарного смысла и конструктивного компонента более сложных синтаксических построений, характеризуемого определенным набором синтаксических функций [1].

Предметом настоящего исследования являются деструктивные макрофигуры как синтаксические эмотивные средства выражения эмотивности в футбольной блогосфере.

Материалом настоящего исследования являются 100 футбольных блог-постов на русском языке в блогах *http://www.sports.ru,* http://rsport.ru*,* http://wap.sovsport.ru*;* 100 футбольных блог-постов на английском языке в блогах http://www.espnfc.com*,* https://www.theguardian.com*;*

© Ульянова М. А., 2016

100 футбольных блог-постов на немецком языке в блогах *https://roteerdeblog.wordpress.com/, http://www.football-blog.net,* http://sportbild.bild.de.

В настоящем исследовании блог рассматривается как сетевой дневник одного или нескольких авторов, который состоит из записей в обратном хронологическом порядке [2].

Мы придерживаемся классификации фигур речи Е. В. Клюева. В статье рассматриваются деструктивные макрофигуры, представляющие собой вставные и присоединительные конструкции. Согласно Е. В. Клюеву, деструктивные макрофигуры ломают синтаксические структуры за счет усечений конструкций, предполагающих трансформацию структуры предложения и более крупных синтаксических единиц [3].

Анализ показал, что футбольной блогосфере в качестве деструктивных макрофигур используются тмезис и парцелляция.

Рассмотрим понятие тмезиса в футбольной блогосфере.

Существуют разные подходы к рассмотрению понятия «тмезис». Один из них заключается в том, что тмезис определяется как способ словообразования, в частности образования нового слова путём вставки в исходное слово другого слова, словосочетания, предложения или сегмента слова. Лингвисты, придерживающиеся данного подхода, А. Ф. Журавлев и Р. Ю. Намитокова, в своих примерах ограничиваются сегментной, или словной (лексической), разновидностью способа словообразования [4].

А. П. Сковородников рассматривает тмезис в качестве «такой разновидности вставной конструкции, которая представляет собой вставку (вклинивание) в слово какой-либо языковой единицы (корневой морфемы, слова, аббревиатуры, предложения)» [5].

Мы придерживаемся определения Е. В. Клюева, согласно которому тмезис (от греч. *tmesis* – вставка) – фигура, предполагающая элемент, который добавляется в синтаксическую структуру (словосочетание, слово или предложение), в составе которой никакой элемент не отсутствует. Любые сведения, вынесенные в тмезис, приобретают ощутимую суверенность уже в силу своего размещения относительно высказывания в целом.

Изучим *синтаксическую общность* в русской, английской и немецкой блогосфере. Тмезис выражается следующими структурами:

1) риторическое обращение к читателям блога, которое отделяется на письме скобками, запятыми, многоточием или отдельным предложением как дополнение к сообщению, например:

– в русской блогосфере: *наколотить... внимание... 742 мяча; вдруг заинтересовало; … внимание…; губа – не дура, не правда ли?; вы представляете, что тогда творилось?; не может ведь?; думайте сами* (блог).

Кристиан, на секундочку, лучший распасовщик команды (на его счету 954 завершенных паса) и самый бьющий по воротам футболист (54 удара – лучший показатель в клубе), ***впечатляет, не так ли?***

(http://www.sports.ru/tribuna/blogs/england/721683.html)

Конечно, британский судейский корпус не может взять и высадиться на континенте, захватив здание соответствующего департамента ***(не может ведь?)****.* (http://www.sports.ru/ tribuna/blogs/saltis/725434.html);

– в английской блогосфере: *my prediction?*

Don't forget that there is some actual football on tonight and that we will be covering Manchester United's game against Chelsea live MBM on the site in about an hour's time. ***My predictions? 0-0.*** *– Не забывайте, что сегодня вечером будет настоящий футбол, и мы покажем игру между Манчестер Юнайтид и Челси на сайте онлайн примерно через час.* ***Мои предсказания? 0-0.***

(http://www.theguardian.com/football/blog/2013/aug/26/transfer-window-latest-news-live-gareth-bale);

– в немецкой блогосфере:*Ganzehrlich? IchhabekeineAhnung (Если честно? Я не имею представления).*

Warum der BVB mit solch einer Spitzenmannschaft im Tabellenkeller herumdümpelt? Verletzungspech, Schwächung durch Abgänge, Unruhe durch Transfergerüchte, ungleiche Gewichtung zwischen Champions League und Bundesliga (ja, angeblich ja nicht….), mangelnde Kampfbereitschaft, die Erwartung, dass man in einem Spiel gegen Hertha nicht 100 Prozent geben muss…. ***Ganzehrlich? Ich habe keine Ahnung. –*** *Почему «Боруссия Дортмунд» с такими игроками попала в низшую лигу? Травмы, ослабление из-за удаления игроков, беспокойство по поводу слухов о переводе, неравная оценка между Лигой чемпионов и Бундеслигой (да, по-видимому, нет…), отсутствие боевой готовности, ожидание, что в игре против «Герты» игроки не покажут себя на 100%...* ***Если честно? Я не имею представления.***

(https://roteerdeblog.wordpress.com/2014/12/18/von-einem-verein-der-niemals-unterging/);

2) вводная конструкция внутри или в конце сообщения, оформляется на письме скобками, выделяется запятыми или тире, например:

– в русской блогосфере: *поклонники баскетбола, бейсбола и американского футбола долго не могли принять сей факт; с криками «ааа» – это по-любому; не дай Бог; слава Блогу; на секундочку; к огромному сожалению; в оптимальном составе игра должна улучшиться; такие матчи теперь исключение, а не традиция* (блог); *скорее мешает другим играть* (комментарий).

Рассмотрим примеры из русского блога.

У «Реала» тоже философия победителя – но совершенно другая. Королевский клуб выиграл 4 ЛЧ, 3 из них взял в течение 5 лет ***(никто пока так больше не смог).*** (http://www.sports.ru/tribuna/blogs/saltis/924061.html)

Таким образом, взрослые вроде мужики проявили неуважение не только к тем, кто заплатил немалые деньги за командировки своих сотрудников, нет, сколько проявили, ***к огромному сожалению,*** *в очередной раз неуважение ко всей стране, к болельщикам, которые надеялись утром прочитать их видение игры, их впечатления, их ощущения и рассказы.*
(http://rsport.ru/blog_konov/20160330/908858427.html)

Рассмотрим пример из русского комментария.

В команде уже 4 ый год играет, ***скорее мешает другим играть,*** *инородное тело под 7 номером, который любит пороть моменты и сливаться оставляя команду в 10-ом.*

(http://www.sports.ru/tribuna/blogs/realmadridtilltheend/917993.html);

– в английской блогосфере:*well, for me at least(ну, для меня по крайней мере) (блог); at which time he was scoring pretty regularly; i edited this so many times so as not to offend!; not a bad player i might add* (комментарий).

Рассмотрим примеры из английского блога.

And with that, today's transfer fun is over ***(well, for me at least).*** *– И с этим, веселье от сегодняшней передачи закончилось* ***(ну, для меня по крайней мере).***

(http://www.theguardian.com/football/blog/2013/aug/26/transfer-window-latest-news-live-gareth-bale)

Рассмотрим пример из английского комментария.

*The problem with van Wolfswinkel might have been one of timing: he agreed to sign just after the January transfer window in 2013 (****at which time he was scoring pretty regularly)…*** *– Проблема с Ван Волфсвинкел была проблемой времени: он согласился подписать сразу после январского трансферного окна в 2013 году* ***(в то время он забивал достаточно регулярно)…***

(http://www.theguardian.com/football/blog/2016/apr/01/norwich-city-january-intake-newcastle- united-alex-neil-timm-klose-rafael-benitez);

– в немецкой блогосфере: *die Meinung habe ich vermutlich ziemlich exklusiv, aber damit kann ich leben (мнение у меня есть, вероятно, довольно эксклюзивное, но я могу жить с этим****)****; ja, angeblich ja nicht… (да, по-видимому, нет…); damals noch mit Joe Montana! (тогда еще с Джо Монтана!); ok ok.. das erste Spiel war gegen Jacksonville.. (хорошо, хорошо, первая игра была против Джесонвилл)* (блог).

Auch dank Kommentator Frank Buschmann, den ich für einen der besten seines Fachs halte ***(den Buschi hätten sich ARD oder ZDF mal für die Fußball-WM besorgen sollen, aber jetzt schweife ich ab…). –*** *Также благодаря комментатору Франку Бушману, который, на мой взгляд, является самым лучшим в своем деле* ***(Бушман должен был быть хотя бы один раз комментатором чемпионата мира по футболу на крупнейшей телерадиокомпании ФРГ «Рабочее содружество общественно-правовых вещательных станций Федеративной Республики Германия» или на втором канале немецкого телевидения, но что-то я отвлекся…)****.*

(http://www.football-blog.net/super-bowl-2015/);

Wie einst Nuri Sahin – ***dem zweiten Gesicht der 2011er Mannschaft*** *– bekamauch Kagawa der Abschied von Dortmund nicht. – Как когда-то Нури Шахин – второе лицо команды 2011 года – Кагава также не получил увольнения из Дортмунда.*(https://roteerdeblog.wordpress.com/2014/08/31/die-ruckkehr-der-romantik/);

3) нераспространенные предложения используются крайне редко, и поэтому мы не можем сказать, что они являются характерным способом выражения эмотивности;

4) распространенные предложения (встречаются как простые, так и сложные предложения, полные и неполные предложения), например:

– в русской блогосфере: *запомните название, вдруг в «города» играть будете; никто пока так больше не смог; поклонники баскетбола, бейсбола и американского футбола долго не могли принять сей факт; в оптимальном составе игра должна улучшиться; такие матчи теперь исключение, а не традиция* (блог);*я загибаю пальцы, давайте, ну…; в этом я уверен; скорее мешает другим играть*(комментарий).

Рассмотрим пример из русского комментария.

Про Хетафе согласен и не согласен. Команда не так уж и плохо выступает, и я думаю, что заслуживает играть в Примере, но вот с посещаемостью это совсем другой вопрос. Кстати, тоже жду не дождусь возвращения Бетиса, а они вернуться к следующему сезону, ***в этом я уверен)*** (http://www.sports.ru/tribuna/blogs/saltis/725434.html);

– в английской блогосфере: *a regular guy (правильный парень); at which time he was scoring pretty regularly; i edited this so many times so as not to offend!; not a bad player i might add* (комментарий);

– в немецкой блогосфере: *die Meinung habe ich vermutlich ziemlich exklusiv, aber damit kann ich leben; den Buschi hätten sich ARD oder ZDF mal für die Fußball-WM besorgen sollen, aber jetzt schweife ich ab... (но что-то я отвлекся…); ok ok.. das erste Spiel war gegen Jacksonville..(хорошо, хорошо, первая игра была против Джесонвилл)* (блог).

KC ist ebenfalls stark in die Saison gekommen – Zwei Siege in Folge, Alex Smith mit 4 Touchdowns. Dazu eine Defense die nur 1 Touchdown zugelassen hat ***(ok ok.. das erste Spiel war gegen Jacksonville..)*** *und 9 Sacks verbuchen konnte. – КС сильно вошел в сезон – две победы подряд, Алекс Смитс 4 тачдаунами. Для этого у обороны был только один тачдаун (****хорошо хорошо.. первая игра была против Джексонвилл..****) и 9 промахов.*(http://www.football-blog.net/nfl-vorschau-week-3/)

Морфологическая общность в русской, английской и немецкой блогосфере: анализ показал, что тмезис выражен:

1) словами, которые являются наречиями, словами категории состояния, модальными (вводными) словами и частицами, например:

– в русской блогосфере: *неудивительно, несомненно, кстати, видимо, возможно, вероятно, конечно, к сожалению, пожалуй.*

Лучший тренер ТН , времен АПЛ, ***несомненно*** *Харри Реднапп.*

2) (http://www.sports.ru/tribuna/blogs/england/721683.html);

– в английской блогосфере: *curiously (любопытно), hopefully (в надежде), undoubtedly (несомненно), unfortunately (к сожалению), really (действительно), definitely (определенно), obviously (apparently) (очевидно).*

Arsenal fans hoping for a raft of changes at halftime were left disappointed. ***Curiously****, Wenger chose to stick with the same XI for the second half, despite having the likes of Aaron Ramsey and Alex Oxlade-Chamberlain available on the bench. – Фанаты Арсенала, надеясь на изменения после перерыва, остались недовольны.* ***Любопытно****, что Венгер решил оставить тот же состав команды во втором тайме, несмотря на Аарона Рэмси и Алекса Окслейда-Чемберленда на скамейке запасных* (http://espnfc.com/blog/_/name/arsenal/id/3737?cc=5739);

– в немецкой блогосфере: *offensichtlich (очевидно), angeblich (предположительно), vielleicht (возможно), wahrscheinlich (наверное), leider (к сожалению), natürlich (конечно).*

Natürlich *muss man mit dieser Mannschaft mindestens auf Platz 3 kommen. –* ***Конечно****, нужно этой команде занять 3 место.*

(https://roteerdeblog.wordpress.com/2014/10/19/der-bvb-in-der-krise-too-big-to-fail/);

3) прилагательным (в русском комментарии).

Именно!

вы очень хорошо это написали, как пример мышления труфена, продукта подобной ментальной обработки.

Про самый-самый ***(титулованный, популярный, великий, особенный и т. д.)*** *это вообще классика.*

У Чампа на терапии не были?

(http://www.sports.ru/tribuna/blogs/england/720835.html)

Рассмотрим полученные результаты использования тмезиса как средства выражения эмотивности в футбольной блогосфере (табл. 1).

Таблица 1

Частотность использования тмезиса в футбольномблоге и комментарии

	Русский язык		**Английский язык**		**Немецкий язык**	
	Блог	**Комментарий**	**Блог**	**Комментарий**	**Блог**	**Комментарий**
Тмезис	48 (33,5%)	16 (11,2%)	14 (9,8%)	35 (24,5%)	26 (18,2%)	4 (2,8%)

Вторым инклюзивом, который используется в футбольной блогосфере, является парцелляция.

Парцелляция (от франц. «parcelle» – «часть») – это деструктивная макрофигура разделения предложения на части. Является конструкцией экспрессивного синтаксиса. Выполняет эмоционально-экспрессивную функцию: является средством усиления эмоций, эмоциональной оценки. Синтаксические конструкции парцелляции состоят из двух частей: основной (базовой) и парцеллированной [6].

Рассмотрим примеры парцелляции в футбольном блоге.

Вот кто настоящие звезды, кто не кажутся ими, а являются: настоящими, приносящими золотые медали Олимпийских игр, которые в «-20» после гонок на лыжных и биатлонных стадионах останавливаются и говорят 5, 10, 15 минут – столько, сколько надо. ***Но не футбол.***

(http://rsport.ru/blog_konov/20160330/908858427.html)

She was in hospital. This people did not know. ... To apologise for this? No. If it was Kaka, a regular guy, a good guy, of course I would have apologised. ***But not to this one. ...*** *After the game, I went into the dressing room and told them: «Forgive me. This doesn't change anything. But sorry everyone.» But to him I cannot. – Онабылавбольнице. Люди не знали … Извиниться за это? Нет. Если бы это был Кака, правильный парень, конечно, я бы извинился.* ***Но не перед этим ...****После игры я пошел в раздевалку и сказал им: «Простите меня. Это ничего не меняет. Но простите». Но перед ним я так не могу.*

(http://www.espnfc.com/blog/world-cup-central/59/post/1845134/top-tenner-greatest-world-cup-player-rivalries)

Und in diesem Moment teilt sich die Welt. Nein, nicht in Gut und Böse. Auch nicht in Fußballfan und Nicht-Fußballfan. – Втотмоментмирподелился. ***Нет, не на Плохое и Хорошее. А также не на Футбольных и Нефутбольных фанатов.***

(https://roteerdeblog.wordpress.com/2014/06/16/lost-in-schland/)

Рассмотрим примеры в футбольном русском комментарии.

Кому там играть? Этой «команде»? Только деньги зря вбухали в организацию чемпионата. Впрочем, как всегда. ***Позор.***

(http://rsport.ru/blog_konov/20160330/908858427.html)

В футбольном блоге и комментарии, как показывают примеры, парцеллированный элемент содержит односоставное безглагольное, т. е. номинативное предложение.

В примерах в парцеллят вынесено несколько однородных членов предложения. Кроме этого в немецком блоге используются два парцеллята.

В английском примере используется повторение отрицательной конструкции в парцеллированной части. Повторение придает конструкции добавочную эмоционально-экспрессивную окраску.

Приведенные примеры выражают категорию эмотивности, однако нельзя сказать, что они являются характерным ее приемом.

Рассмотрим полученные результаты использования парцелляции как средства выражения эмотивности в футбольной блогосфере (табл. 2).

Таблица 2

Частотность использования парцелляции в футбольном блоге и комментарии

	Русский язык		**Английский язык**		**Немецкий язык**	
	Блог	**Комментарий**	**Блог**	**Комментарий**	**Блог**	**Комментарий**
Парцелляция	2 (33,3%)	1 (16,7%)	2 (33,3%)	–	1 (16,7%)	–

Результаты исследования показывают, что тмезис является распространенным стилистическим средством выражения эмотивности в футбольной блогосфере. Он используется преимущественно в русском и немецком блоге и в английском комментарии. Тмезис представлен риторическим обращением, вводным словом и конструкцией, распространенным предложением. Риторическое обращение как инклюзив используется в футбольном блоге трех языков; вводные конструкции наблюдаются преимущественно в русском блоге (выделяются запятыми или скобками), в английском комментарии (выделяются скобками, запятыми и тире) и в немецком блоге (выделяются скобками и тире). В большинстве случаев инклюзивы выражены распространенными предложениями (простыми, сложными, полными и неполными). Если инклюзивы выражены вводным словом, то оно выступает в качестве наречия.

Примечания

1. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. С. 4.
2. *Шипицина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. С. 53.
3. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для высш. учеб. заведений. URL: http://www.opentextnn.ru/man/?id=4534
4. *Журавлёв А. Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 45–108; *Намитокова Р. Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. С. 138–139.
5. *Сковородников А. П.* Тмезис // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 331–332.
6. *Остринская Н. Н.* Экспрессивность французской культуры в выразительных средствах языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 38.

Notes

1. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar'. Repertuar ehlementarnyh edinic russkogo sintaksisa [Syntactic dictionary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. M. Nauka. 1988. P.4.
2. Shipitsina L. Y. ZHanry komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii: monografiya [Genres of computer-mediated communication: monograph] / L. Y. Shipitsina. Pomor State Univ. n.a. M. V. Lomonosov. – Arkhangelsk: Pomor University. 2009. P. 53.
3. Zhuravlev A. F. Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoj nominacii [Technical capabilities of the Russian language in the field of the subject category] // Sposoby nominacii v sovremennom russkom yazyke – Methods of nomination in the modern Russian language. M. Nauka. 1982. Pp. 45-108.
4. Namitokova R. Y. Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyj aspekt [Authorial neologisms: derivational aspect]. R/D: Publ. of Rostov University. 1986. Pp. 138-139.
5. Skovorodnikov A. P. Tmezis [Tmesis] // Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochyoty: ehnciklopedicheskij slovar'-spravochnik – Expressive means of the Russian language and speech errors: refference book / under the editorship of A. P. Skovorodnikov. M. Flinta; Nauka. 2005. Pp. 331-332.
6. Ostrinskaya N. N. EHkspressivnost' francuzskoj kul'tury v vyrazitel'nyh sredstvah yazyka [Expression of French culture in expressive means of the language] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – News of Volgograd State Pedagogical University. 2006, No. 2, p. 38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАРИН Евгений Николаевич – доктор технических наук, профессор, директор Военно-инженерного института, Сибирский федеральный университет. 660036, г. Красноярск, ул. Академгородок, 13А.
E-mail: egarin@sfu-kras.ru

ГОЛЫШЕВА Ольга Николаевна – аспирант кафедры философии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: golyshevaolya@gmail.com

ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики, Марийский государственный университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.
E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: lepse@yandex.ru

КОРОСТЕНСКИ Йиржи – доктор филологии, Факультет философии, Университет Западной Богемии. 30614, Czech Republik, Plzeň, Riegrova, 11.
E-mail: jkoroste@kag.zcu.cz

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора Института языка, литературы и истории, Коми научный центр УрО РАН. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.
E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

ЛЕОПА Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, Учебный военный центр, Военно-инженерный институт, Сибирский федеральный университет. 660036, г. Красноярск, ул. Академгородок, 13А.
E-mail: alleopa@mail.ru

ОМАРОВА Унсия Абдуллаевна – ведущий специалист, Департамент консульской службы Министерства иностранных дел Республики Казахстан. 010000, г. Астана, Левый берег, улица № 1, здание 35.
E-mail: omarova@intmail.net

ОСТАНИНА Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

СОЛОВЬЕВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и этнологии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: soloweowaira@yandex.ru

ТЕРЕХИНА Майя Ивановна – доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиала) Оренбургского государственного университета. 462419, Оренбургская обл., г. Орск, пр. Мира, 15А.
E-mail: m.teriohina@mail.ru

ТРОШКИНА Наталья Георгиевна – учитель истории, МОУ «Рождественская средняя общеобразовательная школа». 143591, Московская обл., Истринский р-н, с. Рождествено, ул. Южная, 19.
E-mail: troshkina@intmail.net

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: kaf_vipn@vyatsu.ru

УЛЬЯНОВА Мария Александровна – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Удмуртский государственный университет. 426034, г. Ижевск, Университетская, 1, корп. 2.
E-mail: Ulyanovamarya@yandex.ru

ХАПЧАЕВ Исмаил Абуевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и прикладных правовых дисциплин, Северо-Кавказский юридический институт. 369000, г. Черкесск, ул. Космонавтов, 100.
E-mail: khasfotia@mail.ru

ХОХЛОВА Елена Владимировна – аспирант кафедры зарубежной литературы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.
E-mail: len1809@inbox.ru

ЧЕБЫШЕВ Филипп Анатольевич – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: feliswork@yandex.ru

ШАРИН Евгений Александрович – аспирант кафедры отечественной истории и этнологии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: 23ss98@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

GARIN Evgeny Nikolaevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of Military Engineering Institute, Siberian Federal University. 13A Akademgorodok str., 660036, Krasnoyarsk.
E-mail: egarin@sfu-kras.ru

GOLYSHEVA Olga Nikolaevna – postgraduate student of the Department of Philosophy, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: golyshevaolya@gmail.com

ZOLOTOVA Tatyana Arkadevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology and journalism, Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar-Ola.
E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, senior researcher of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: lepse@yandex.ru

KOROSTENSKI Jiří – PhD, University of West Bohemia, Faculty of Philosophia, Department of germany and slawonisch languagues and literatures, Riegrova 11, 30614 Plzeň, Czech Republik.
E-mail: jkoroste@kag.zcu.cz

KRASHENINNIKOVA Julia Andriivna – Candidate of Philological Sciences, head of sector of folklore of Institute of language, literature and history, Komi scientific center, Ural branch, Russian Academy of Sciences. 26 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.
E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

LEOPA Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Military Training Center, Military Engineering Institute, Siberian Federal University. 13A Akademgorodok str., 660036, Krasnoyarsk.
E-mail: alleopa@mail.ru

OMAROVA Uncia abdullaevna – leading specialist, Department of consular service of the Ministry of foreign affairs of the Republic of Kazakhstan. 35 Street № 1, Left Bank, 010000, Astana.
E-mail: omarova@intmail.net

OSTANINA Olga Aleksandrovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of Department of Philosophy, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseyevich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and foreign literature and methods of teaching, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

SOLOVYOVA Irina Abramovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian history and ethnology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: soloweowaira@yandex.ru

TEREKHINA Maya Ivanovna – Associate Professor of the Department of history, philosophy and the social sciences and humanities, Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch) of Orenburg State University. 15A Mira Ave., Orsk, 462419, Orenburg region.
E-mail: m.teriohina@mail.ru

TROSHKINA Natalia Georgievna – the teacher of history, MEE "Rozhdestvenskaya Srednyaya obshheobrazovatelnaya shkola" ("Rozhdestvensk secondary school"). 19 Yuzhnaya str., Rozhdestveno village, Istrinskiy district, 143591, Moscow region, Russia.
E-mail: troshkina@intmail.net

TRUSHKOVA Irina Yur'evna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: kaf_vipn@vyatsu.ru

ULYANOVA Maria Alexandrovna – postgraduate student of the Department of linguistics and intercultural communication, Udmurt State University. 1/2 Universitetskaya str., 426034, Izhevsk.
E-mail: Ulyanovamarya@yandex.ru

HAPCHAEV Ismail Abuevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of humanitarian, social, economic and applied legal disciplines, North Caucasus Law Institute. 100 Kosmonavtov str., 369000, Cherkessk.
E-mail: khasfotia@mail.ru

KHOKHLOVA Elena Vladimirovna – postgraduate student of the Department of foreign literature, Nizhny Novgorod State University n.a. N. Lobachevsky. 37 Bolshaya Pokrovskaya str., 603005, Nizhniy Novgorod, Russia.
E-mail: len1809@inbox.ru

CHEBYSHEV Philip Anatolyevich – postgraduate student, Department of Russian language, culture, language and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: feliswork@yandex.ru

SHARYN Evgeniy Aleksandrovich – postgraduate student, Department of Russian history and Ethnology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: 23ss98@mail.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 10 (2016)

Подписано в печать 31.10.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1000. Заказ № 95.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36